

Городские исследования и практики

ТОМ 6, № 1, 2021

**Индустриальное наследие
и символический капитал:
провинциальные города
в начале XXI века**

Urban Studies and Practices
Volume 6, issue 1, 2021
Industrial Heritage and Symbolic Capital:
Provincial Towns in the Beginning
of XXI Century

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

**ФАКУЛЬТЕТ
ГОРОДСКОГО И
РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ**

Городские исследования и практики

ТОМ 6, № 1, 2021

**Индустриальное наследие
и символический капитал:
провинциальные города
в начале XXI века**

**Учредитель: НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

Позиция редакции может не совпадать
с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна
только по согласованию с редакцией.

Журнал зарегистрирован
21 июля 2016 г. Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых комму-
никаций. Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС 77-66568

Адрес редакции
фактический: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 13, стр. 4, оф. 416
для переписки: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20
тел.: +7 495 772-95-90 * 12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

Адрес издателя
и распространителя
фактический: 117418, Москва,
ул. Профсоюзная, д. 33, корп. 4,
Издательский дом ВШЭ
для переписки: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20, НИУ ВШЭ
тел.: +7 495 772-95-90 * 15298,
e-mail: id@hse.ru

РИНЦ
EBSCO
КиберЛенинка
Google Scholar
East View

Главный редактор

В. В. Анашвили (РАНХиГС, Российская Федерация)

Редактор-составитель

М. Ю. Тимофеев (ИвГУ, Российская Федерация)

Научные редакторы:

В. Н. Данилов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)
А. А. Смирнов (РАНХиГС, Российская Федерация)

Редакционная коллегия

Е. А. Варшавер (РАНХиГС, Российская Федерация)
С. А. Гаврилова (Институт региональной географии им. Лейбница, Германия)
Е. А. Котов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
А. Л. Рочева (РАНХиГС, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

Д. Р. Кодзокова (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет

Р. Альтерман (Технион-Израильский технологический институт, Израиль)
Е. В. Асс (МАРШ, Российская Федерация)
П. Бишоп (Университетский колледж Лондона, Великобритания)
М. Я. Блинкин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Я. Брюкнер (Калифорнийский университет, США)
О. И. Вендина (ИГ РАН, Российская Федерация)
К. В. Григоричев (ИГУ, Российская Федерация)
Д. Н. Замятин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
О. Н. Запорожец (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Н. В. Зубаревич (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
И. Н. Ильина (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
И. Лонг (Университет Цинхуа, Китай)
С. Лоу (Калифорнийский университет в Беркли, США)
А. С. Пузанов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Б. А. Ревич (ИНП РАН, Российская Федерация)
Б. Рубл (Международный научный центр имени Вудро Вильсона, США)
С. Б. Сиваев (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
П. Тиммс (Университет Лидса, Великобритания)

Заведующая редакцией А. А. Лаврик

Литературный редактор А. А. Писарев

Редактор английских текстов Д. Конноли

Корректор Т. В. Редькина

Обложка, дизайн, верстка С. Зиновьев

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2021

Содержание

- 6 **Феликс Каган**
Брендинг Ивановской области как проблема и процесс
- 23 **Кирилл Балдин**
Социально-культурная инфраструктура индустриальных поселений Владимирской и Костромской губерний
- 37 **Аркадий Степанов**
Села Южа и Бонячки: фабричный моногородок в позднеимперской России
- 50 **Михаил Тимофеев**
Создание образцового социалистического города: Иваново-Вознесенск 1920–1930-х годов
- 66 **Владимир Околотин**
Конструктивизм в Иваново-Вознесенске: перипетии строительства здания Ивсельбанка
- 77 **Александр Семенов, Михаил Тимофеев**
«Самый советский» город: конструируя родину Советов (Иваново-Вознесенск/Иваново, 1918–1985)
- 87 **Наталья Гафизова, Екатерина Цалко**
Репродуктивные страхи жителей малых городов Ивановской области
- 100 **Александра Новаковская, Бартош Вальчак**
Индустриальное наследие как территориальный капитал: случай Лодзи
- 109 **Бартломей Ружицкий**
Переименование городской топонимии как средство переопределения местной идентичности: декоммунизация названий улиц в Польше
- ФОРУМ
- 125 **Ольга Шипицына, Надежда Солонина, Константин Бугров, Мария Назукина, Александр Снитко, Михаил Тимофеев**
Горнозаводская и равниннофабричная цивилизации России: индустриальное наследие и городская идентичность

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

**FACULTY OF
URBAN AND
REGIONAL
DEVELOPMENT**

Urban Studies and Practices

VOLUME 6, ISSUE 1, 2021

**Industrial Heritage and Symbolic Capital:
Provincial Towns in
the Beginning of XXI Century**

**Publisher: NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF
ECONOMICS**

The editorial position does not necessarily reflect the authors views. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited.

The journal is registered July 21, 2016 in the Federal Service for Supervision in the Area of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media PI No. FS 77-66568

Address: National Research University
Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow,
101000, Russian Federation
tel: +7 495 772-95-90*12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

RSCI
EBSCO
CyberLeninka
Google Scholar
East View

Editor-in-Chief

Valery Anashvili (RANEPA, Russian Federation)

Compiling Editor

Mikhail Timofeev (ISU, Russian Federation)

Science Editors

Vyacheslav Danilov (MSU, Russian Federation)

Artem Smirnov (RANEPA Russian Federation)

Editorial Board

Anna Rocheva (RANEPA, Russian Federation)

Egor Kotov (HSE University, Russian Federation)

Evgeny Varshaver (RANEPA, Russian Federation)

Sofia Gavrilova (Leibniz Institute For Regional Geography, Germany)

Executive Secretary

Diana Kodzokova (HSE University, Russian Federation)

Editorial Council

Alexander Puzanov (HSE University, Russian Federation)

Blair Ruble (Woodrow Wilson International Center For Scholars, Usa)

Boris Revich (IEF RAS, Russian Federation)

Dmitry Zamyatin (HSE University, Russian Federation)

EugeneASSE (March, Russian Federation)

Irina Ilina (HSE University, Russian Federation)

Jan Brueckner (University of California, USA)

Konstantin Grigorichev (ISU, Russian Federation)

Michail Blinkin (HSE University, Russian Federation)

Natalya Zubarevich (HSE University, Russian Federation)

Oksana Zaporozhets (HSE University, Russian Federation)

Olga Vendina (IGRAS, Russian Federation)

Paul Timms (University of Leeds, UK)

Peter Bishop (UCL, UK)

Rachelle Alterman (Technion-Israel Institute of Technology, Israel)

Sergey Sivaev (HSE University, Russian Federation)

Setha Low (University of California Berkley, USA)

Ying Long (Tsinghua University, China)

Editorial management Anna Lavrik

Editor Alexander Pisarev

English language editor David Connolly

Proofreader Tatyana Red'kina

Cover, Design, Layout Sergey Zinoviev

© National Research University Higher School of Economics, 2021

Table of Contents

- 6 **Felix Kagan**
Ivanovo Region Branding as a Problem and a Process
- 23 **Kirill Baldin**
Social and Cultural Infrastructure of the Industrial Villages of Vladimir and Kostroma Provinces
- 37 **Arkadii Stepanov**
Villages of Iuzha and Boniachki:
A One-company Factory Town in Late Imperial Russia
- 50 **Mikhail Timofeev**
The Creation of an Exemplary Socialist City:
Ivanovo-Voznesensk in the 1920–1930s
- 66 **Vladimir Okolotin**
Constructivism in Ivanovo-Voznesensk:
Vicissitudes of the Ivselbank Building Construction
- 77 **Alexander Semenenko, Mikhail Timofeev**
“The Most Soviet-Looking” City: Constructing the Homeland of the Soviets (Ivanovo-Voznesensk / Ivanovo, 1918–1985)
- 87 **Natalya Gafizova, Ekaterina Tsalko**
Reproductive Fears of Population in Small Towns of Ivanovo Region
- 100 **Aleksandra Nowakowska, Bartosz Walczak**
Industrial Heritage as a Form of Territorial Capital.
The Example of Lodz
- 109 **Bartłomiej Różycki**
Renaming Urban Toponymy as a Mean of Redefining Local Identity:
The Case of Street Decommunization In Poland
- FORUM
- 125 **Olga Shipitsyna, Nadezhda Solonina, Konstantin Bugrov, Maria Nazukina, Alexander Snitko, Mikhail Timofeev**
Mining and Plain-Factory Civilizations of Russia:
Industrial Heritage and Urban Identity

Брендинг Ивановской области как проблема и процесс

Феликс Каган

История брендинга территорий как направления исследований началась в конце XX века с публикации в 1993 году монографии крупнейших маркетологов Ф. Котлера, К. Асплунда, И. Рейна и Д. Хайдера. Спустя 7 лет эта монография была переведена на русский язык и издана как «Маркетинг городов. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы» [Котлер и др., 2005].

В 1998 году британский независимый политический консультант С. Анхольт впервые использовал термин «национальный бренд», приравняв тем самым страны к фирмам и торговым маркам их товаров и услуг. В начале XXI века он развил свои идеи, создав концепцию конкурентной идентичности страны, основанную на сочетании показателей состояния шести ее сфер – туризма, экспорта, политики, инвестиций, культуры и человеческого капитала [Анхольт, Хильдрейт, 2010; Анхольт, 2004].

Идеи Анхольта получили широкое распространение, а его «шестиугольник национальных брендов» стал отправной точкой для многих авторов, исследовавших бренды разных территорий – стран, регионов, городов, местностей.

В России 1990–2000-х годов, переживавшей переход от плановой экономики советского периода к свободному рынку с его конкурентной борьбой, новые реалии осознавались постепенно. Регионы, которые в СССР были просто частями большой страны, где экономика и социальная жизнь жестко определялись единым государственным планом, в новых условиях начинали обретать некоторую самостоятельность. Они становились субъектами серьезной конкурентной борьбы за федеральные средства, инвестиции, трудовые ресурсы, известность, туристические потоки и т. д.

Каган Феликс Иосифович, кандидат физико-математических наук, руководитель комплекса музейно-выставочных и ресурсных центров Ивановского государственного политехнического университета; доцент кафедры информационных технологий и сервиса Ивановского государственного политехнического университета; заслуженный работник культуры РФ; Российская Федерация, 153000, Иваново, Шереметевский проспект, д. 21, тел.: +7903 879 69 40 E-mail: fik35@mail.ru

Статья намечает возможный подход к ребрендингу Ивановской области в условиях комплексного постсоветского кризиса. В 1990-е годы регион оказался в сложнейшей ситуации, отягощенной острыми социально-экономическими и демографическими проблемами, возникшими в перестроечный и постперестроечный период на фоне системного кризиса текстильной отрасли страны. Тяжесть кризисной ситуации усугублялась моноотраслевым характером развития региона, занимавшего ведущее положение в текстильной отрасли в масштабах страны на протяжении почти четырех столетий. Положение начало выправляться лишь недавно, поэтому приобрела актуальность проблема ребрендинга региона.

При построении бренд-платформы Ивановской области автор опирается на шестиугольник Анхольта, сочетающий показатели состояния шести сфер: (1) архив имиджей/брендов, (2) историко-культурное наследие, (3) бизнес, инвестиции и миграция, (4) въездной и внутренний туризм, (5) человеческий капитал, (6) внутренняя и внешняя политика. Содержательное наполнение этой схемы проводится автором с учетом социально-экономической и историко-культурной специфики Ивановского края. Он выполняет подробный анализ истории образов и позиционирования Ивановской области на протяжении XVII–XX веков, что позволяет задать историческую глубину анализу текущего состояния и перспектив развития региона. Намечаются возможные пути развития его туристической сферы.

Ключевые слова: Ивановская область; брендинг региона; бренд-платформа; шестиугольник Анхольта

Цитирование: Каган Ф. И. (2021) Брендинг Ивановской области как проблема и процесс // Городские исследования и практики. Т. 6. № 1. С. 6–22. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp6120216-22>

РИС. 1. Бренд «Ивановская область» (в соответствии с шестиугольником С. Анхольта)
Источник: построено автором.

В этой статье мы рассмотрим анализ имиджей/брендов Ивановской области былых времен и некоторые подходы к ее ребрендингу. В основе этих построений – 20-летний опыт автора и его коллег в разработке и реализации:

- образовательных проектов подготовки кадров для социально-культурного сервиса и туризма на базе Ивановского текстильного института (в дальнейшем – Ивановской государственной текстильной академии и Ивановского государственного политехнического университета);
- проектно-внедренческой деятельности в этой сфере в Иванове и Ивановской области [Каган, Белугина, 2013].

Системно-образующей основой исследования является шестиугольник Анхольта, содержательное наполнение которого выстроено нами с учетом социально-экономической и историко-культурной специфики Ивановского края, начиная с периода славянской колонизации этой территории (IX–XI века) до настоящего времени.

Иными словами, мы рассматриваем в качестве бренд-платформы Ивановской области шесть ее сфер в их специфических проявлениях на временном промежутке порядка тысячи лет. Это позволяет отслеживать не только перемены экономического, социального и культурного порядков, но и процессы формирования коренного населения Ивановского края.

Приведенная на рис. 1 схема предполагает последовательное рассмотрение следующих пунктов:

- исходные предпосылки развития территории нынешней Ивановской области, начиная со времен славянской

колонизации населенных финно-угорскими племенами земель и далее в ходе последовательной смены ее социально-экономического положения, административного статуса, трансформаций ее населения, идентификации и самоидентификации территории;

- важнейшие жизненные сферы территории – историко-культурное наследие; бизнес, инвестиции, миграция; туризм въездной и внутренний; человеческий капитал; внешняя и внутренняя политика.

1. Архив имиджей/брендов

1.1. Географическое положение, транспортная доступность, природный потенциал

Ивановская область занимает специфическое и выгодное географическое положение в ареале, который соотносится с Верхней Волгой и ориентирован на современный туристический кластер «Золотое кольцо России». Будучи одним из регионов Центрального федерального округа, она является его восточной окраиной, непосредственно соседствующей с Нижегородской областью, северо-западной окраиной Приволжского федерального округа. С введением в эксплуатацию автомобильного моста через Волгу в районе Кинешмы появилась реальная перспектива возникновения мощного автомобильного потока, который будет следовать через Ивановскую область по кратчайшему пути между центральными областями России и северными и северо-восточными территориями страны.

Отметим также, что Ивановская область находится в непосредственной близости от Московской агломерации – крупнейшего в России макроэкономического региона и межрегионального центра социально-экономического развития и притяжения центральной части России, что является серьезным фактором ее экономического развития как перспективного постиндустриального и туристско-рекреационного региона.

Центр Ивановской области, город Иваново, находится в трех-четыре часах езды до Москвы и Нижнего Новгорода и в полутора-двух часах – до основных центров «Золотого кольца»: Ростова, Ярославля, Костромы, Владимира, Суздаля, Плеса, Палеха.

Благодаря усилиям правительства Ивановской области в последние годы был сделан серьезный прорыв в выведении

транспортной доступности региона на современный уровень. Запуск скоростных поездов «Ласточка» позволил сократить время в пути между Ивановом и Москвой практически вдвое. Ведутся активные работы по созданию современных автодорог до Нижнего Новгорода, Ярославля, а также по ремонту важнейших внутренних дорог региона. Восстанавливается участие волжских городов Плеса, Кинешмы и Юрьевца в круизном туризме. Интенсивно развивается сеть прямого авиасообщения Иванова с Москвой, Санкт-Петербургом и рядом крупных городов и курортных центров России.

Что касается природного потенциала региона, то следует отметить, что половина его территории покрыта лесами, причем почти на 90% сосной, елью и березой. Важными составляющими природного потенциала являются Клязьминский и Заволжский заказники.

По территории Ивановской области на протяжении почти 180 км протекает река Волга, здесь она образует Горьковское водохранилище. При этом левый берег Волги от Плеса до Юрьевца обращен точно на юг, что серьезно увеличивает рекреационную ценность этой территории. Многоводные левобережные притоки Волги с поросшими лесом берегами – Кистега, Локша, Колдома, Мера, Нодога – дают прекрасные возможности для развития водного туризма и рекреации. Горьковское водохранилище, Волга и ее правобережные притоки – Кинешемка и Елнать – представляют собой удобную акваторию для яхтинга и водно-моторных видов спорта. А левобережные притоки Клязьмы – Нерль и Лух – давно уже облюбованы любителями путешествий на байдарках. Всего же в пределах Ивановской области протекает порядка 160 достаточно крупных рек. На ее территории около 150 лесных озер, высокая экологическая чистота которых создает прекрасные условия для рекреации и туризма.

Даже из этого краткого описания видно, что Ивановская область обладает мощным потенциалом для развития успешной туристско-рекреационной зоны, ориентированной, прежде всего, на жителей Московской агломерации и крупных городов Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов (подробнее см. [Каган, 2008]).

1.2. Штрихи к социально-психологической характеристике коренного населения региона

Как свидетельствуют историки (см., напр., [Скрынников, 1997]), славяне появились на Верхней Волге в IX–X веках нашей эры. С северо-запада пришли сюда новгородские словене, а с запада и юго-запада – кривичи. Причиной массовой миграции кривичей послужили постоянные угрозы для заселенных ими территорий со стороны кочевых племен Великой степи. Более южные по отношению к Новгородчине земли Верхней Волги были привлекательны для новгородских словен в связи с необходимостью освоения новых земель для решения продовольственных проблем, особенно острых в неурожайные годы.

Славяне застали здесь малочисленные племена мерян, относившихся к финно-угорской группе. Славянская колонизация была мирной, так что в результате межэтнических браков постепенно сложилось средневековое население этой территории. При этом новгородские словене привнесли с собой опыт искусных ремесленников – ткачей, плотников, кузнецов, гончаров, кожевников, а также опыт торговых людей, способных совершать далекие поездки. В лице кривичей осваиваемый славянами регион приобрел переселенцев, искусных в земледелии и содержании домашнего скота. Память же о мерянском населении Верхней Волги сохранилась в многочисленных дошедших до нашего времени гидронимах и топонимах [Тяпков, 2018].

В XIII–XIV веках население нынешней территории Ивановской области пополнилось спасавшимися в ее лесах от монголо-татарского нашествия жителями Суздальских земель. Вследствие этого будущий Ивановский край обрел действующие и поныне центры иконописи в Палехе и Холуе, в советское время прославившиеся также как центры лаковой миниатюры.

Следующие XV и XVI века – это время возвышения Москвы и образования Московского централизованного государства. Эти столетия прошли под знаком борьбы Великих князей Московских и Государей всея Руси Ивана III Великого, Василия III Ивановича и Ивана IV Грозного с Новгородской боярской республикой, ее традициями вершить свои главные дела не по воле князя-самодержца, а по решению Новгородского веча. Случались здесь и военные противостояния, и массовые репрессии, в частности насильственное

Лидерская позиция	Период
Село Иваново – село «набойщиков», центр «рассеянной текстильной мануфактуры»	XVII – первая половина XIX века
Село Иваново, город Иваново-Вознесенск – «русский Манчестер», «столица царства ивановских ситцев»	1864–1917 годы
Город Иваново-Вознесенск получил статус центра новой Иваново-Вознесенской губернии («красной губернии»)	1918–1929 годы
Город Иваново-Вознесенск – центр Ивановской промышленной области («третья пролетарская столица»)	1929–1936 годы
Город Иваново – центр Верхне-Волжского Совнархоза	1963–1965 годы
Город Иваново – столица текстильного края, родина первого Совета	1960–1980-е годы
Город Иваново – город трудовой доблести	С 2020 года

ТАБЛИЦА 1.
Периоды, когда Ивановский край занимал те или иные лидерские позиции
Источник: данные автора.

переселение части своенравных новгородцев на верхневолжские территории, ставшие северо-восточной окраиной Московского царства и местом ссылок. Вдобавок территория эта стала рассматриваться как стратегический плацдарм для расширения Московии, прежде всего с целью контроля над Волгой как важнейшим торговым путем к странам Востока, а далее с выходом на Урал и в Сибирь, и превращения Московского царства в крупнейшее государство Евразийского континента.

Именно с этими геополитическими устремлениями связано основание крепостей, ставших городами Ивановской области, – Плеса, Юрьевца, Кинешмы, Шуи и Луха.

Вполне резонно предположить, что присущие новгородцам предприимчивость, решимость, некоторая авантюризм и склонность к разнообразным ремеслам сделали возможным создание в селе Иваново, причем усилиями крепостных крестьян, сначала текстильных мануфактур, а затем и фабрик. В результате село Иваново, а затем и город Иваново-Вознесенск стали промышленным центром, сравнимым в сознании современников с текстильным Манчестером в Англии.

Отметим, что подобные соображения приведены в одном из первых историко-культурных исследований феномена «русского Манчестера», выполненным представителем известнейшей фабрикантской династии Я. П. Гарелиным, бывшим к тому же серьезным просветителем, благотворителем, инициатором создания города Иваново-Вознесенска и даже его главой. В его знаменитом сочинении читаем: «Нужно припомнить эпоху двух Иванов, III и IV, личности которых в народ-

ном представлении слились в одного Ивана Грозного, вспомнить упорную борьбу первого с Великим Новгородом и расселение обоими государями чуть не всего Новгородского люда по различным областям тогдашней Руси, причем особенно много Новгородцев отправлено было в Суздальскую область, в состав которой входил и Шуйский уезд, – нужно припомнить все это, и нам возможно будет объяснить, каким образом засел здесь деятельный, энергичный народ, вызвавший такую кипучую жизнь, которая поставила село Иваново в ряды первых по мануфактурной промышленности» [Гарелин, 1884]. Добавим к этому, что здесь же Я. П. Гарелин свидетельствует и о том, что в начале XIX века «Иваново представляло сплошное раскольниковое поселение». А это важное дополнение к социально-психологическому «портрету» коренных ивановцев.

1.3. От имиджа – к имиджу, от имиджа – к бренду

Далее мы кратко рассмотрим трансформации в истории Ивановского края, которые, по нашему мнению, позволяют говорить, что эта территория отличается устойчивым стремлением к лидерству, к авангардной роли.

Здесь требуются некоторые комментарии.

1. В XVII веке домашнее прядение и ткачество льняных холстов было широко распространено в Верхнем Поволжье ввиду доступности и дешевизны хорошо растущего на этих землях льна. Предприимчивые крестьяне села Иваново предпочли трудоемкому ручному прядению и ткачеству скупку неотделанных льняных холстов в окрестных селах и деревнях, их крашение, ручную набойку рисунка с помощью деревянных манер и продажу готовых льняных тканей с хорошей прибылью. Иваново становится богатым торгово-промышленным селом. К середине XVIII века здесь образовался слой разбогатевших «капиталистских крестьян», которые стали заводить текстильные мануфактуры с применением наемного труда, а затем и первые фабрики с применением машин. Население села быстро росло, так что к концу XVIII века его численность почти в 3,5 раза превосходила население уездного города Шуи. На рубеже XVIII и XIX веков в селе Иваново происходит переход к производству преиму-

щественно хлопчатобумажных тканей. А в первой половине XIX века распространяется так называемая «рассеянная мануфактура», когда ивановские владельцы ситценабивных фабрик стали раздавать в окрестные села готовую пряжу для основы и утка ткачам-надомникам и мелким хозяевам, «светелочникам». И затем получать от них готовую суровую хлопчатобумажную ткань – миткаль, который в результате отделки, крашения и печати рисунков превращался в ситцы [Балдин, Семенов, 1996].

2. Отмена крепостного права в 1861 году создала среди прочего возможности для притока рабочей силы в текстильное производство, бурно развивающееся в селе Иваново и Вознесенском Посаде, что образовался напротив села, на левом берегу реки Уводи. Пройдя этапы промышленного переворота, текстильное производство расцвело настолько, что известный экономист, академик Санкт-Петербургской академии наук В. П. Безобразов в статье, опубликованной в 1864 году в «Отечественных записках», назвал село Иваново «русским Манчестером». В 1871 году из села Иваново и Вознесенского Посада был образован город Иваново-Вознесенск, который стали привычно именовать «русским Манчестером». На рубеже XIX и XX веков произведенные в Иваново-Вознесенске ткани получили ряд высоких наград на Международных и Всероссийских промышленных выставках. Утвердился историко-культурный феномен «ивановские ситцы». Кроме того, на территории Верхней Волги фактически возник Иваново-Вознесенский промышленный район с главной отраслью – хлопчатобумажной промышленностью. «Русский Манчестер» при этом стал восприниматься как столица «ситцевого царства» [Балдин, Мокеев, 2006].
3. В 1918 году при деятельном участии М. В. Фрунзе, который удерживал в своих руках партийное, хозяйственное и военное руководство фактически всем Иваново-Вознесенским промышленным районом, была учреждена новая Ивановская губерния («красная губерния») с центром в Иваново-Вознесенске, вобравшая в себя наиболее развитые в промышленном отношении территории Владимирской и Костромской губерний (см., напр., [Тихомиров, 2011]).
4. В 1929 году была создана Ивановская промышленная область с центром в Иваново-Вознесенске, вобравшая в себя четыре губернии – Владимирскую, Ивановскую, Костромскую и Ярославскую. Впоследствии был проведен ряд всесоюзных архитектурных конкурсов, направленных на коренное изменение облика Иваново-Вознесенска. Благодаря этому город теперь обладает значительным архитектурным наследием в традиции конструктивизма, но утратил большинство памятников храмовой архитектуры. В связи с этими событиями и надеждами на обретение Иваново-Вознесенском высокого статуса в стране победившего пролетариата город стали все чаще именовать «третьей пролетарской столицей» после Ленинграда, колыбели пролетарской революции, и Москвы, столицы пролетарского государства СССР. Велись даже разговоры о возможном преобразовании Иваново-Вознесенска в столицу РСФСР [Там же].
5. В 1957 году была предпринята попытка реформировать систему управления социально-экономической жизнью СССР путем образования на всей территории страны системы из Совнархозов – Советов народного хозяйства. В 1963 году в результате их укрупнения был создан Верхне-Волжский Совнархоз с центром в Иванове, в состав которого вошли все те же Владимирская, Ивановская, Костромская и Ярославская области. Эта реформа закончилась в 1965 году после отстранения от власти Н. С. Хрущева [Там же].
6. В 1960–1980-е годы Ивановская область позиционировала себя как «текстильный цех страны», а город Иваново неизменно рассматривался как «столица текстильного края». Одновременно были приложены большие усилия, чтобы представить в массовом сознании Иваново как «родину первого Советского Союза». К празднованию 70-летия образования в Иваново-Вознесенске «первого общегородского рабочего Совета», прообраза советской власти, был реализован впечатляющий комплекс работ по созданию зримого образа этой глобальной идеи – монументы, мемориалы, мемориальные доски, музей первого Совета, литературные и музыкальные произведения, переименования и т. д. Эта попытка создать бренд города Иванова как «родины первого Советского Союза», а Ивановской области – как «края революционных традиций» ныне является

Регион	Количество объектов культурного наследия	Площадь региона, тыс. кв. км	Количество объектов на тыс. кв. км
Санкт-Петербург	10 087	1,4	7205
Москва	8 395	2,6	3229
Ивановская область	3 298	21,4	154
Ярославская область	5 426	36,2	150
Московская область	6 034	44,3	136
Владимирская область	3 628	29,1	125

ТАБЛИЦА 2.
Рейтинг регионов РФ по плотности распределения объектов культурного наследия
Источник: [Площади..., 2019].

лишь достоянием нашей локальной истории [Там же].

Есть в архиве ивановских имиджей/брендов сюжет воистину курьезный. Любый случайный иногородний собеседник, узнав, что его визави из Иванова, тут же отреагирует: «Так вы из Иванова, города невест?» Такой узнаваемости может позавидовать самый раскрученный бренд. При этом оба собеседника, скорее всего, не знают, какова подоплека такого «всем известного» определения города Иванова. И уж тем более не знают (и не хотят знать), какие затраты понес город, продвигая этот бренд в массовое сознание.

Подоплека же такова. В послевоенное время в Иванове возникла большая диспропорция между мужчинами и женщинами. Причин этому было две: потери среди мужского населения в годы войны и преимущественно женские профессии (пряделщицы, ткачихи и т.д.) в текстильной промышленности, которая доминировала в городе. Но в 1950-е годы здесь построили несколько машиностроительных предприятий, и действительно серьезная демографическая проблема была существенно смягчена.

Что же касается славы Иванова как «города невест», то здесь решающую роль сыграла песенка, исполненная Андреем Мироновым в фильме 1981 года «Честный, умный, неженатый». В ней трижды повторяется последняя строчка припева: «А Иваново – город невест».

Самое удивительное, что «отцам города» за прошедшие с тех пор 40 лет так и не пришла в голову мысль, что можно (и должно, на наш взгляд) использовать эту бесплатно упавшую с небес известность города как туристический бренд. Разумеется, при этом необходимы были бы сообразительность и усилия по созданию в городе достойной и оригинальной «свадебной инфраструктуры» на стыке многоликого свадебного сервиса,

индустрии моды, дизайна, музейного дела, туризма и гостеприимства. И все это на радость невестам и их избранникам, которых в Иванове и за его пределами великое множество.

Заметим для полноты обзора, что в постперестроечное время было несколько безуспешных попыток построить новые бренды Иванова: «русский Кембридж», «русский Лас-Вегас», «молодежная столица Европы», «самый советский город», «столица торговли и развлечений», «столица нестоличной моды». Но в силу их несомненной надуманности или по иным причинам ни один из этих брендов не сложился.

2. Историко-культурное наследие

2.1. Рейтинг регионов по культурному наследию

В рейтинге регионов России по обеспеченности цифровой открытости объектов культурного наследия Ивановская область занимает высокое 12-е место из 85 регионов [Рейтинг..., 2018]. Если же сравнивать регионы по плотности распределения объектов культурного наследия, то, поделив число объектов на площадь региона [Площади..., 2019], мы получаем следующую картину.

Из табл. 2 видно, что Ивановская область находится на третьем месте после Санкт-Петербурга, культурной столицы России, и Москвы, столицы Российской Федерации. Причем она неожиданно опережает при этом Владимирскую, Костромскую, Московскую и Ярославскую области, своих партнеров по туристическому маршруту «Золотое кольцо России».

Как и во всей России, многие памятники историко-культурного наследия в Ивановской области находятся в неудовлетворительном состоянии. Тем не менее гости области заметят значительное изменение этой ситуации в Иванове, Кинешме, Шуе, Плесе, Палехе, Холуе, Нижнем Ландехе и других исторических поселениях Ивановской области – здесь действует основательная программа по приведению в порядок малых городов региона.

Отметим также вполне оригинальный музейный комплекс Ивановской области. Это единственные в своем роде Музей промышленности и искусства имени Д. Г. Бурылина и Музей ивановского ситца в Иванове, Музей И. И. Левитана и Музей пейзажа в Плесе, Музейный центр А. А. Тар-

ковского в Юрьевце, Музей К. Д. Бальмонта в Шуе, Музей изобретателя электросварки Н. Н. Бенардоса в Лухе.

Широкую известность в России и за рубежом имеют центры иконописи и лаковой миниатюры в Палехе и Холуе, расположенные здесь государственные музеи соответственно палехского и холуйского искусства, а также центры ручной вышивки и строчки, действующие в ряде исторических поселений области.

2.2. Социокультурное проектирование

Туристское брендинг играет существенную роль в процессе ребрендинга территории. Не случайно в рассматриваемом нами шестиугольнике Анхольта туризм въездной и внутренней выступает в роли одной из его вершин.

Далее мы предлагаем ряд принципиально важных, с нашей точки зрения, направлений социокультурного проектирования в масштабах Ивановской области, которые призваны обеспечить существенное инфраструктурное и содержательное развитие ивановского туризма.

2.2.1. Места памяти и знаменитости Ивановского края

Понятие «место памяти», разработанное французским историком Пьером Нора [Нора, 1999], предполагает помимо некоей пространственно-временной дефиниции символическое воплощение и осознаваемые сообществом культурные смыслы, значимые для этого сообщества и способствующие поддержанию его идентичности.

Согласно ярославскому культурологу Е. А. Ермолину, «местами памяти могут стать любые люди, события, предметы, здания, книги, песни или географические точки, которые окружены символической аурой. Места памяти – всякое значимое единство материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия, включили в ядро памяти общности; то есть достопримечательности, исторически значимые места, национальные праздники, народные герои, памятники и т. п.» [Ермолин, 2007].

С нашей точки зрения, обретение места памяти – это не просто собирание свидетельств о прошлом, а целенаправленное, имеющее авторов создание емкого и зримого образа прошлого, причем созвучного восприятию современных людей.

Достигается это за счет тщательного отбора исторических деталей, их порой неожиданного соотнесения и высвечивания таким образом, чтобы эта совокупность разрозненного превратилась в концентрат смыслов, в красноречивый символ, образ, передающий аромат и дух ушедшего времени, интересный и понятный современным людям. Иными словами, уместно говорить об актуализации культурного наследия [Каган, Белугина, 2013].

В Ивановской области наиболее развитое место памяти сформировано в Плесе вокруг имени художника И. И. Левитана (Левитановский музей с бюстом И. И. Левитана рядом с ним, мемориал «Гора Левитана», Левитановский культурный центр с концертно-выставочным залом «Левитан-холл», культурные акции и экскурсии по левитановским местам).

Достаточно серьезные основания для создания полноценных мест памяти имеются в Иваново (места памяти государственного и военного деятеля М. В. Фрунзе, фабриканта, коллекционера и мецената Д. Г. Бурылина). В Кинешме это место памяти драматурга А. Н. Островского, в Юрьевце – кинорежиссера А. А. Тарковского и архитекторов братьев Л. А., В. А. и А. А. Весниных, в Шуе – поэта К. Д. Бальмонта, в Заволжье – астронома Ф. А. Бредихина, в Лухе – изобретателя Н. Н. Бенардоса.

2.2.2. Бизнес-арт-зона «Русский Манчестер» в Иваново

В самом центре Иванова поблизости от реки Уводь располагается комплекс зданий бывшей фабрики «Товарищества Куваевской мануфактуры», которая в конце XIX – начале XX века была крупнейшим, наиболее технически оснащенным текстильным предприятием города [Тихомиров, 2011]. В советское время оно именовалось Большой ивановской мануфактурой (БИМ). Сегодня основные корпуса пустуют, а расположенные по периметру вспомогательные здания сдаются в аренду разным учреждениям и небольшим заведениям.

Мы предлагаем создать на основе БИМ бизнес-арт-зону под названием «Русский Манчестер», это будет материальным воплощением в центре города наиболее устойчивого и адекватного его бренда. Вот основные составляющие этого комплекса.

- Музей Куваевской мануфактуры с показом истории развития текстильных технологий.
- Музей Иванов в Иваново [Каган, 2010].

- Лофт-отель «Ситцевый рай от фабрикантов Куваевых».
- Хостел-музей «Образцовая куваевская спальня» с экспозицией, посвященной дореволюционной фабричной культуре повседневности.
- Дизайн-центр: ткани, костюмы, интерьеры, ландшафты, арт-объекты.
- Центр социально-гуманитарных исследований: семиотика культуры, социальная психология, социальное проектирование, музейное проектирование, туризм, молодежная культура.
- Творческое объединение «Союз муз»: галерея современного искусства, изостудия, театральная студия, лаборатория видео-арта, камерный концертный зал, кинотеатр под открытым небом.
- Продюсерский фестивальный центр: режиссерско-постановочная группа, лаборатории технического и декорационного обеспечения, мастерская ростовых кукол и др.
- Зоны торговли и сервиса: модные бутики, шоурумы, сувенирные лавки, ресторан, кафе и т.п.
- Зоны отдыха и развлечений.

2.2.3. Музейный квартал «Вознесенский» в Иванове

Под «музейным кварталом» мы понимаем относительно компактно расположенный комплекс компонентов городской среды, в котором есть некое историко-культурное единство и преобладают музеи. Вдобавок в этом комплексе должна действовать система мероприятий (охранных, реставрационных, выставочных, экскурсионных, информационных, сервисных) и арт-акций. Все это позволит решать задачи сохранения историко-культурной среды города, ее музеефикации, мемориализации, актуализации и трансляции в историко-культурной и художественной целостности местному населению, экскурсантам и туристам.

Музейный квартал – это реальный синтез двух типов мест:

- места, где культура и искусство транслируются широкой публике (музеи, учреждения музейного типа, туристические и культурно-туристические центры, экскурсионные бюро, издательские центры и средства массовой информации, театрально-зрелищные и досуговые учреждения, предприятия сервиса);
- места, где культура и искусство создаются (мастерские художников, дизайне-

ров, архитекторов; исследовательские и ресурсные центры; поэтические, музыкальные и театральные студии; творческие мастерские для создания фестивалей и арт-акций, основанных на синтезе искусств; образовательные учреждения для сферы культуры и искусства).

Музейный квартал необходимо рассматривать как целостное социокультурное пространство, в котором местные жители и гости города получают комплексное информационное и экскурсионное обслуживание. При этом информационное обслуживание предполагает создание в музейном квартале развитой системы навигации, возможностей получения информации через наружную рекламу, информационные щиты как элементы оснащения музеев под открытым небом, аудиогиды и QR-коды, считываемые через гаджеты посетителей квартала и обеспечивающие доступ к соответствующим ресурсам интернета.

Музейный квартал города должен быть насыщен предприятиями сервиса: гостиницами, ресторанами, кафе, барами, сувенирными магазинами и лавками, модными бутиками, магазинами для связанного со спецификой города шопинга, а также зрелищными заведениями.

Таким образом, идея «музейного квартала» рассматривается здесь в широком социокультурном контексте.

На наш взгляд, в Иванове есть пространство, которое удовлетворяет сформулированным выше требованиям [Каган, 2016]. Это достаточно обширная территория, привязанная к двум осям – проспекту Ленина на участке от площади Пушкина до перехода в улицу Фрунзе и набережная по левому берегу Уводи от Театрального до Соковского моста. Сюда также включаются сопрягающиеся с этими осями улицы Карла Маркса, Октябрьская, Калинина, 8 Марта, Громобоя, Жиделева, Шестернина, Батурина и некоторые другие. Поскольку эта территория включает в себя ядро бывшего Вознесенского Посада, который вместе с селом Ивановом дал жизнь городу, естественно предложить для музейного квартала имя «Вознесенский музейный квартал».

На этой территории мы предлагаем создать три новых музея.

- Музей творческого наследия Вячеслава Зайцева, кутюрье с мировым именем, уроженца города Иванова, где он

1. ИКМ им. Д. Г. Бурылина с Музеем ивановского ситца.
2. Областной художественный музей.
3. Бывшая Куваевская мануфактура.
4. Цирк.
5. Ивановское художественное училище и ДХШ.
6. Корпус ИВГПУ.
7. ТРЦ «Серебряный город» и его парк аттракционов.
8. Литературный сквер.
9. Гостиницы «Вознесенская» и «Турист».
10. «НИМ Лофт».

РИС. 2. Музейный квартал «Вознесенский»
Источник: [Каган, 2016].

получил среднее профессиональное образование и где на протяжении многих лет под его патронажем проводились фестивали моды «Текстильный салон».

- Музей ивановского цирка им. В. А. Волжанского, уроженца Иваново-Вознесенска, канатоходца, акробата, эквилибриста, режиссера, конструктора цирковой аппаратуры, Народного артиста СССР.
- Архитектурный музей под открытым небом вдоль проспекта Ленина, основной магистрали города, и прилегающих улиц, где можно увидеть широкий спектр памятников фабричной архитектуры XIX–XX веков, фабрикантских и купеческих особняков, общественных и жилых зданий в традициях эклектики, модерна, неоклассицизма, конструктивизма, советского ампира и постмодерна [Тихомиров, 2011; Тимофеев, 2017].

Еще одно предлагаемое нами новое социокультурное пространство – пешеходная зона Fashion Street. Она представляет собой аллею вдоль левого берега Уводи от Театрального до подвесного пешеходного моста. Здесь встречаются высокая мода и самая широкая публика на уличных показах новых моделей дизайнеров (одежды, обуви, интерьеров, ландшафтов приусадебных участков и т. д.). Здесь регулярно проводятся акции, которые объединяют людей с общими интересами. Здесь люди отдыхают, развлекаются, усваивают полезные для себя вещи и одновременно даже самоутверждаются. Словом, это пространство культуры повседневности, в котором у горожан исподволь

формируется свой индивидуальный стиль и то, что именуют стилем жизни.

3. Бизнес. Инвестиции. Миграция

В 1913 году на долю текстильных фабрик Иваново-Шуйского промышленного района приходилось 25% всех выпускавшихся в России тканей. Революция 1917 года положила конец развитию промышленности как частного предпринимательства, а последовавшая за ней Гражданская война породила разруху, однако в конце 1920-х годов произошел довольно быстрый подъем национализированного текстильного производства теперь уже в Ивановской промышленной области. Впоследствии в Иваново построили крупнейший меланжевый комбинат, а в области – целый ряд фабрик и комбинатов.

В послевоенное время построили крупнейший в СССР камвольный комбинат, производивший смесовые ткани из шерсти с синтетикой. А в 1970-е годы текстильная промышленность Ивановской области прошла через масштабное техническое перевооружение. Таким образом, к началу перестроечного периода в Ивановской области производилась почти четвертая часть общесоюзного объема тканей, а 43% населения области работали в сфере текстильного производства, то есть почти было достигнуто предреволюционное положение текстильной отрасли Ивановского региона в масштабах всей страны [Каждый пятый..., 2019].

Кризис 1990-х годов ивановский текстиль пережил крайне тяжело. Общая ситуация, связанная с превратностями пе-

рестройки, усугубилась тем, что многие из городов Ивановской области были моногородами. В результате Ивановская область из-за своей ярко выраженной моноотраслевой специализации стала одним из самых депрессивных регионов страны.

С начала 2000-х годов прошло 20 лет. После глубокой стагнации ситуация в Ивановской области стала медленно меняться, но настоящие серьезные перемены отчетливо обозначились в последние два года как следствие целенаправленной политики нового состава правительства региона. Согласно информации новостных лент и статистических сборников Ивановостата, текстильная промышленность в Ивановской области сегодня – это более 300 предприятий, годовой оборот которых превышает 200 млрд рублей. В ней трудится 1/3 всех работающих в области. Здесь выпускается 88% хлопчатобумажных и 75% трикотажных тканей, производимых в России. Кроме того, в Ивановской области шьется более 1/3 всей производимой в России спецодежды и 69% всего российского постельного белья. Что касается вклада производства тканей и одежды в бюджет области, то его доля в ВРП региона составила в 2019 году 25,78% [Там же].

Таким образом, можно утверждать, что Ивановская область уверенно возвращается к былой славе лидера текстильной промышленности страны, впрочем, с некоторой переориентацией на трикотажные полотна и трикотажные изделия, пошив спецодежды и так называемого «домашнего текстиля».

Важно отметить еще три существенные перемены:

- кардинальные технологические сдвиги, связанные с изменением самих принципов работы технологического оборудования, его автоматизацией и использованием цифровых технологий;
- значительное снижение потребности в персонале, порой переход к малолюдным технологиям вследствие автоматизации и цифровизации производства;
- переход многих предприятий отрасли в разряд предприятий малого и среднего бизнеса.

Два последних обстоятельства активизировали усилия правительства области по привлечению инвестиций и улучшению инвестиционного климата в регионе. Так, инвестиции в основной капитал по полному кругу организаций за счет всех источни-

ков финансирования в 2019 году выросли на 24,7% по сравнению с уровнем 2018 года и составили порядка 38 млрд рублей.

Создан Фонд развития промышленности Ивановской области. АНО «Агентство по привлечению инвестиций в Ивановскую область» заключило 20 соглашений на сопровождение инвестиционных проектов с потенциальным объемом инвестиций 2 млрд рублей в первые два года реализации и создание более 360 рабочих мест.

Ивановская область вошла в первую десятку регионов страны и стала лидером ЦФО по снижению административного давления на бизнес. В 2019 году она стала лидером национального рейтинга по состоянию инвестиционного климата в номинации «Поддержка малого бизнеса».

Кризис 1990-х годов привел к полному исчезновению в Иванове предприятий текстильного машиностроения – Ивановского завода текстильных машин, Ивановского завода чесальных машин, Ивановского завода испытательных приборов. Это привело к существенной нехватке рабочих мест для мужского населения города, и, как следствие, возникла значительная трудовая миграция мужского населения в Москву для работы вахтовым методом, причем с преимущественной занятостью в производственной сфере и нередко мужчин с высшим техническим образованием.

В то же время сохраняется высокий спрос на рабочих строительных профессий (штукатур, каменщик, плотник, отделочник и другие), водителей, электрогазосварщиков, токарей, электромонтеров. Причем в области есть определенные трудности в трудоустройстве иногородних граждан, поскольку большая часть вакансий предлагается работодателями с заработной платой ниже среднего уровня по Российской Федерации.

4. Въездной и внутренний туризм

По своему географическому положению, транспортной доступности, природному и историко-культурному потенциалу Ивановская область вполне может позиционировать себя как территорию успешного туристического бизнеса и рекреации. За последние 10 лет приложено немало усилий, чтобы превратить этот потенциал в успешный бизнес. Тем не менее вклад туризма и рекреации в ВРП Ивановской области все еще едва заметен, и это несмотря на немалые усилия правительства области по привлечению федераль-

ных средств на улучшение транспортной доступности, развитие туристической инфраструктуры и продвижение региона на рынке туристических и рекреационных услуг.

Да, за последние два года есть существенные сдвиги в кардинальном улучшении транспортной доступности региона, в благоустройстве Иванова, малых городов и исторических поселений, в том числе моногородов региона, имеющих несомненную историко-культурную ценность. Да, сделаны успешные шаги по возрождению в регионе волжского круизного туризма. Да, создаются событийные поводы для организации значимых туристических потоков в Ивановскую область. И он, этот поток, превысил 800 тыс. человек, причем 500 тыс. туристических посещений приходится на волжские города Плес, Кинешму и Юрьевец. Да, реализуется, например, масштабный проект по созданию туристического комплекса на базе зданий дворцовых конюшен 1784 года в Гавриловом Посаде. И тем не менее вклад туризма в ВРП региона все еще очень мал.

Причины скромных успехов, по нашему мнению, кроются не столько в неразвитости туристической инфраструктуры, сколько в явно недостаточном внимании к разработке инновационных, конкурентных туристических продуктов и подготовке хорошо обученных и креативных кадров.

Далее мы рассмотрим два направления деятельности, которые представляются нам значимыми для динамичного развития ивановского туризма и которые могут быть полезными для продвижения брендов Ивановского края.

4.1. Ивановский туризм как межрегиональный туризм

Въездной и внутренней туризм в России до сих пор развивается преимущественно как туризм региональный. Каждый регион в меру своего понимания и возможностей старается сделать свою территорию максимально привлекательной, а сервис на ней – достойным настолько, чтобы туризм стал наконец не только средством повышения имиджевой привлекательности региона, но и значимым фактором региональной экономики.

Межрегиональные туры сложнее разрабатывать и реализовывать, но у них есть как минимум два стратегических преимущества.

1. Начинаясь, как правило, в столицах или мегаполисах, межрегиональные туры могут давать устойчивые и большие туристические потоки.
2. Направление этих маршрутов из развитых центров в провинцию при условии качественного экскурсионного и анимационного сервиса с опорой на современные мультимедийные и другие цифровые технологии позволит осваивать в туризме более фундаментальную и интересную историко-культурную и иную тематику.

Кроме того, межрегиональные туры естественно использовать для продвижения региональных брендов.

Очень перспективным, по нашему глубокому убеждению, является создание межрегиональных туров вдоль старинных торговых путей. При таком подходе к туризму достопримечательности не просто «нанализываются» на маршрут, а возникает возможность их представления в естественных и часто исторических культурно-хозяйственных связях. К тому же есть значительное количество исторических населенных мест (торговых, дворцовых, монастырских сел), которые ныне деградируют только потому, что от них ушли значимые дороги. Туризм – по сути единственный шанс дать таким поселениям новый импульс для возрождения и развития.

Через Ивановскую область пролегли многие старинные торговые тракты: Суздальский (Ростов Великий – Ильинское – Гаврилов Посад – Суздаль), Стромьинский (Москва – Юрьев-Польский – Суздаль – Владимир – Шуя), Галичский (Суздаль – Кинешма – Галич), Екатерининский (Суздаль – Шуя – Лух – Юрьевец), Большая Московская дорога на крепость Плес, Аракчеевский (Санкт-Петербург – Ярославль – Нерехта – Середя – Нижний Новгород), Балахонский (Суздаль – Мугреево – Балахна), струговой торговый ход по рекам Теза – Клязьма – Ока – Волга (рис. 3). Разумеется, современные дороги, естественно, где-то расходятся со старинными торговыми трактами, но основные направления сохранились в них до сих пор [Каган, 2020].

Для развития межрегиональных туров через Ивановскую область можно предложить следующую их тематическую типологию.

1. Туры по следам коммуникаций общенационального уровня.

РИС. 3.
Старинные тракты, проходившие по территории нынешней Ивановской области (Суздальский, Стромьинский, Галичский, Екатерининский, Большая Московская дорога, Аракчеевский, Балахонский и струговой торговый ход)
 Источник: [Каган, 2008].

Примером такого типа межрегионального тура является тур «Из Москвы – к Волге, в Ивановское Залесье, вдоль Владимирского и Екатерининского трактов». Маршрут предлагаемого тура, начинаясь в Москве, проходит по территории трех областей – Московской, Владимирской и Ивановской. С этим маршрутом могут быть связаны значимые события российской истории:

- продвижение Московского царства на северо-восток к Волге с созданием системы русских крепостей (Шуя – Лух – Юрьеvec) для защиты от иноземных набегов и использования их при военных походах к Волге и вниз по ее течению (Казань, Астрахань);
- путь исхода старообрядцев на Урал и далее в Сибирь (XVII–XVIII века);
- путь промышленного освоения Урала и Сибири (XVII–XIX века).

2. Туры, связанные с историко-культурными явлениями.

Пример такого кольцевого межрегионального тура – «Два Андрея: Андрей Рублев и Андрей Тарковский» (Москва – Владимир – Суздаль – Юрьеvec – Москва). Этот тур разработан в Ресурсном центре туризма и социокультурной инноватики ИВГПУ [Белугина, 2020]. Его тематика связана с обстоятельствами съемки фильма Тарковского «Андрей Рублев». Но глубинная цель – приобщение туристов к двум культурным кодам России – иконописцу Андрею Рублеву и режиссеру Андрею Тарковскому, жизненные пути которых

разделены во времени без малого шестью столетиями.

3. Туры, связанные с географическими и историко-культурными явлениями.

Речь здесь может идти, например, о создании перспективного межрегионального тура, связывающего пять знаменитых центров народных художественных промыслов – Палех, Холуй, Мстера, Павлово-на-Оке, Городец. Эти поселения к тому же расположены по берегам или в непосредственной близости от впадающих друг в друга рек Люлех, Теза, Клязьма, Ока, Волга, составлявших в Средние века водный торговый путь.

4. Туры, связанные с судьбами знаменитостей.

Подобных туров может быть немало, поскольку в судьбах многих широко известных людей столичное и провинциальное многократно пересекаются. Так, напрашивается создание тура «Траектория судьбы великого астронома Ф. А. Бредихина» (Москва – Заволжск – Санкт-Петербург – Москва).

5. Туры «по воле исторического случая».

В качестве примера можно привести межрегиональный автобусный тур «С обществом „Добролет“ – в историю отечественной авиации» (Москва – Монино – Иваново – Чкаловск – Нижний Новгород – с. Орехово – Киржач – Москва). В основе тура лежит исторический факт: в 1923 году обществом «Добролет» был организован первый в СССР рейс гражданской авиа-

ции по маршруту Москва – Иваново-Вознесенск – Нижний Новгород. Мы решили использовать этот «исторический случай» для создания тура, знакомящего с богатейшей историей развития авиации в нашей стране.

4.2. На пути к ивановскому промышленному туризму

Ивановский край, бывший и, как теперь выясняется, остающийся лидером текстильной отрасли России, несомненно, может и должен стать территорией развитого промышленного туризма. К тому же здесь удовлетворение любопытства к собственно технологиям изготовления тканей может быть дополнено весьма привлекательным шопингом, причем не только сувенирным, но и вполне прагматическим.

Но особенно важно и неожиданно, что для ивановского промышленного туризма есть замечательный материал об интереснейших, порой драматических судьбах творцов «ситцевого царства», о многочисленных фабрикантских династиях, ведущих свои родословные от крепостных крестьян. Важно заметить, что речь при этом идет не только об Иванове, но и о множестве больших и совсем маленьких населенных пунктов области. Это города Кинешма, Шуя, Вичуга, Тейково, Южа, Фурманов и Приволжск, небольшие поселки Наволоки, Каменка, Старая Вичуга и др.

В Ресурсном центре туризма и социокультурной инноватики ИВГПУ начата разработка комплексной темы «Ситцевые короли Ивановского края: дела фабричные, личные и публичные», которая, по нашему замыслу, должна выйти за пределы только культурно-познавательного туризма, чтобы привнести в промышленный туризм всегда интересное туристам «человеческое начало».

Конечно же, так понимаемый промышленный туризм будет активно способствовать продвижению и областных, и местных брендов. Кроме того, в историях фабрикантов есть много поучительного, в том числе и для молодых людей, мечтающих об открытии собственного дела практически с нуля.

5. Человеческий капитал

Самая большая проблема, с которой столкнулось новое руководство Ивановской области, – это демографическая ситуация в регионе. В демографическом рейтинге, который подготовили эксперты РИА «Но-

вости» на основе данных Росстата за 2017–2019 годы, Ивановская область заняла 75-е место. Численность населения здесь за три года сократилась на 2,5%. При этом естественная убыль составила 21 200 человек, а миграционный отток – 4800 человек. На 1 января 2020 года численность населения Ивановской области снизилась до 997 135 человек, то есть впервые стала менее миллиона человек. К этим тревожным показателям следует добавить тенденции к нарастанию диспропорции в численности мужчин и женщин, а также старение населения региона.

Ясно, что эти демографические показатели сильно коррелируют с уровнем жизни населения, состоянием образования, здравоохранения, культуры. При этом качественная молодежная политика становится задачей номер один. Она более всего должна быть направлена на создание условий для удержания молодежи в родных местах. Это требует решения проблемы образования, воспитания, создания привлекательных рабочих мест, решения жилищной проблемы для молодых семей, создания комфортной городской среды, развития молодежной культуры, спорта, здорового и интересного досуга, смягчения разрыва между столичным и провинциальными уровнями жизни.

Особую остроту в современных условиях приобретает состояние высшего образования в регионе. Высшая школа в городе Иванове, которой еще совсем недавно мы гордились («Иваново – город студентов!») переживает в последние годы тяжелые времена. Это и резкое сокращение приема, и устаревание лабораторной базы, и нарастающая бюрократизация учебного процесса, и недофинансирование, и сокращение приема в аспирантуру, возросшие трудности с открытием ученых советов по защите диссертаций, и, как следствие, разрыв в некогда естественном процессе сменяемости поколений вузовских научных школ. Проблемы эти во многом не регионального, а федерального уровня, но ложатся они тяжелым бременем именно на регионы.

Очень важным направлением деятельности по наращиванию человеческого капитала является развитие системы дополнительного образования, позволяющей жителям области повышать свою квалификацию и проходить профессиональную переподготовку. Этим активно занимаются и административные структуры региона, и учреждения высшего образования.

Правительство Ивановской области проводит активную политику, направленную на выведение региона из числа дотационных, да еще и обремененных тревожными демографическими показателями. Основные направления этой политики будут рассмотрены в следующем разделе.

5. Внешняя и внутренняя политика

Ивановская область активно включилась в программу создания комфортной городской среды, прежде всего в самом Иванове. Результаты этой деятельности уже видны, особенно на примере реконструированных площадей Ленина, Победы и Привокзальной. Последнюю реконструировали вместе с железнодорожным вокзалом, не просто похорошевшим в результате основательного ремонта, но и ставшим оригинальным культурным пространством.

Еще одно активно развиваемое направление связано с поддержкой исторических поселений и малых городов. В 2019 году существенно преобразился облик Палеха. В 2021 году начнутся работы в Юрьевце и Гавриловом Посаде. По итогам Всероссийского конкурса еще четыре гранта получили города Шуя, Кинешма, Южа и Тейково. Ивановская область вошла в тройку лидеров России по объему поддержки исторических поселений и малых городов.

Очень важное направление политики правительства региона связано с территориями опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР) в моногородах Ивановской области. Область вошла в число регионов-лидеров по реализации соглашения о создании территории опережающего социально-экономического развития. Так, за счет средств Фонда развития моногородов при софинансировании из областного бюджета построены и введены в эксплуатацию очистные сооружения при ООО «ХБК „Навтекс“» в моногороде Наволоки.

Начиная с 20 июня 2018 года в ТОСЭР «Наволоки» привлечено более 348 млн рублей и создано 963 рабочих места. По состоянию на 1 января 2020 года в реестр резидентов ТОСЭР «Наволоки» включены 3 предприятия: ООО «ХБК „Навтекс“», ООО «Техоснастка-Наволоки» и ООО «Завод акустических решений “Стандартпласт”». Начато финансирование инвестиционного проекта «Создание ткацкого производства хлопчатобумажных

тканей для домашнего текстиля», реализуемого силами ООО «Центр развития моногорода» на территории моногорода Наволоки. На региональном уровне для резидентов ТОСЭР «Южа» и «Наволоки» по налогу на прибыль установлена льгота 3% на первые пять налоговых периодов и 11% – на последующие пять налоговых периодов.

В целом политика правительства Ивановской области направлена, с одной стороны, на взаимодействие с правительством РФ и другими регионами РФ, развитие прямых контактов с некоторыми зарубежными странами с целью поиска инвесторов и рынков сбыта продукции, производимой в регионе; с другой стороны, это планомерная работа, направленная на решение внутренних проблем: развитие промышленности, строительства, транспорта и сельского хозяйства. Пристальное внимание направлено и на развитие социальной сферы – здравоохранения, образования, культуры, молодежной политики, социальной защиты, а также сервиса, туризма, рекреации, повышение уровня и качества жизни населения и в конечном счете – на решение в регионе проблем демографии.

Заключение

Создание бренда региона – не одномоментное действие. Это многоступенчатый, длительный и сложный процесс, который отнюдь не сводится к поиску некоего словесного определения, которое все выразит и обеспечит решение всех проблем.

Ивановская область – российский регион, который постепенно выходит из очень сложного положения, в котором он оказался в результате жесточайшего кризиса одной из обрабатывающих отраслей промышленности, в которой он на протяжении длительного времени играл ведущую роль в масштабах всей страны.

Предложенная выше бренд-платформа на основе шестиугольника С. Анхольта рассматривается нами как некое, если угодно, эмоциональное основание для успешной работы региональных элит и сообщества креативных специалистов по преодолению тяжелых последствий поразившего регион три десятилетия тому назад системного кризиса.

Основанием для надежды на успех должна стать уверенность, что от своих предков с тысячелетней историей население Ивановского региона унаследовало предприимчивость и стремление к лидер-

ству. Эту уверенность должны разделять региональные элиты. Эту веру старшие поколения должны возвращать в среде молодежи.

Действующее ныне правительство области успешно работает над созданием привлекательного имиджа нашего региона, стремясь донести каждый позитивный сдвиг до широких слоев населения. И это, конечно же, верно и совершенно необходимо, так как успешность изменений должны чувствовать не только элиты, но и – пусть в разной степени – все слои населения региона. Иначе просто ничего не получится.

Бренд территории – это инструмент для привлечения инвесторов, специалистов, туристов, новых жителей и квалифицированных мигрантов, а также средство расширения рынка сбыта региональной продукции, установления и поддержания взаимовыгодных отношений с ближними и дальними соседями.

Сконструировать такой инструмент, научиться его использовать и постоянно настраивать под силу лишь коллективу креативных людей – специалистов, представляющих все основные сферы деятельности. Создать такой коллектив – одна из первоочередных и важнейших, на наш взгляд, задач, которую нужно решить сообществу Ивановской области.

Источники

- Анхольт С., Хильдрейт Дж. (2010) Бренд Америка: мать всех брендов. М.: Добрая книга.
- Анхольт С. (2004) Брендинг: дорога к мировому рынку. М.: Кудиц-Образ.
- Балдин К.Е., Мокеев С.В. (2006) Развитие текстильной промышленности Ивановского края в 60-е гг. XIX – начале XX в. Иваново: Иван. гос. ун-т.
- Балдин К.Е., Семенов А.М. (1996) Иваново. История и современность. Иваново: «Ивановская газета».
- Белугина Г.К. (2020) Два Андрея: Андрей Рублев – Андрей Тарковский: Концепция межрегионального тематического тура // Международный и российский туризм в условиях новых вызовов. Сб. статей и кейсов. М.: Экономический факультет МГУ. С. 169–174.
- Гарелин Я.П. (1884) Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад. В 2 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2001. Ч. 1. 240 с. – Репринт. воспроизведение изд. Я.И.Борисоглебского 1884 г. (Шуя). С. 35–46.
- Ермолин Е.А. (2007) Ярославский стиль: монография. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского.
- Каган Ф.И. (2008) Властелины «кольца» // Наша Родина – Иваново-Вознесенск. Спец. выпуск. С. 36–43.
- Каган Ф.И. (2010) Музей Иванов в Иваново // Музей. № 9. С. 21–25.
- Каган Ф.И. (2016) Музейный квартал как актуальный тренд социокультурного развития города // Сборник публикаций научного журнала Globus по материалам VI международной научно-практической конференции: «Общественные науки в современном мире» г. Санкт-Петербурга. СПб.: Научный журнал Globus. С. 36–43.
- Каган Ф.И. (2020) Региональный туризм через межрегиональный. Концепция развития на примере Ивановской области // Регионы и города России как туристские территории: условия и перспективы устойчивого развития. Сб. статей. М.: Экономический факультет МГУ. С. 38–47.
- Каган Ф.И., Белугина Г.К. (2013) Актуализация культурного наследия как процесс динамики культуры: монография. М.: ООО «Сам полиграфист».
- Каждый пятый метр российской ткани делается в Ивановской области (2019) // ГТРК «Ивтелерадио». Режим доступа: https://ivteleradio.ru/news/2019/06/09/kazhdyy_pyatyy_metr_rossiyskoy_tkani_delaetsya_v_ivanovskoy_oblasti (дата обращения: 05.01.2021).
- Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. (2005) Маркетинг городов. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Изд-во «Стокгольмская школа экономики».
- Нора П. (1999) Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб: Изд. СПбГУ. С. 17–50.
- Площади территорий регионов России (2019) // Всемирная география. Режим доступа: <http://worldgeo.ru/russia/lists/?id=22> (дата обращения: 12.08.2019).
- Рейтинг регионов России по обеспечению цифровой открытости объектов культурного наследия (2018) // НП «Викимедиа РУ». Режим доступа: https://ru.wikimedia.org/wiki/Рейтинг_регионов_России_по_обеспечению_цифровой_открытости_объектов_культурного_наследия (дата обращения: 12.08.2019).
- Скрынников Р.Г. (1997) История Российская. IX–XVII вв. М.: Издательство «Весь Мир».
- Тимофеев М.Ю. (2017) Иваново. Город красной зари. Неканонический путеводитель. Иваново: А-ГРИФ.
- Тихомиров А.М. (2011) Иваново. Иваново-Вознесенск. Путеводитель сквозь времена. Иваново: ИД «Референт».
- Тяпков Н.Н. (2018) Топонимический словарь Ивановской области: Географические названия: села и города. Иваново: ИД «Референт».

IVANOVO REGIONAL BRANDING AS A PROBLEM AND A PROCESS

Felix I. Kagan, PhD in Physics and Mathematics; Head of the Complex of Museum, Exhibition and Resource Centers of Ivanovo State Polytechnic University; Associate Professor of the Department of Information Technologies and Services of Ivanovo State Polytechnic University; Associate Professor; Candidate of Physical and Mathematical Sciences; Honored Worker of Culture of the Russian Federation; 21 Sheremetievsky prospect, Ivanovo, 153000, Russian Federation, tel.: +7903 879 69 40
E-mail: fik35@mail.ru

Abstract. This article outlines a possible approach to the rebranding of the Ivanovo region in the complex post-Soviet crisis. In the 1990s, the region found itself in a very difficult situation, burdened by acute socio-economic and demographic problems that arose during Perestroika and the post-Perestroika period during a systemic crisis in the country's textile industry. The severity of the crisis was compounded by the single-industry nature of the region, which had held a leading position in the textile industry nationwide for almost four centuries. The situation began to improve only recently, so the problem of rebranding the region has become urgent.

When building the brand platform of the Ivanovo region, the author relies on the "Anholt brand hexagon", which combines indicators for six areas: (1) the image/brand archive, (2) the historical and cultural heritage, (3) business, investment and migration, (4) inbound and domestic tourism, (5) human capital, (6) domestic and foreign policy. While carrying out the content of this scheme the author takes into account the socio-economic and historical-cultural specifics of the Ivanovo region. He conducts a detailed analysis of the history of the images and positioning of this region from the 17th to 20th centuries, which gives historical depth to the analysis of the current state and prospects for the development of the region. Possible ways of developing its tourism sector are outlined.

Key words: Ivanovo region; region branding; brand platform; Anholt hexagon

Citation: Kagan F.I. (2021) Ivanovo Region Branding as a Problem and a Process. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 1, pp. 6-22. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp6120216-22>

References

- Anholt S., Hildreth D. (2010) Brand Amerika: mat' vseh brendov [Brand America: The Mother of All Brands]. Moskva: Dobraya kniga [Moscow: Kind Book]. (in Russian)
- Anholt S. (2004) Brending: doroga k mirovomu rynku [Branding: Way to the World Market]. M.: Kudic-Obraz. (in Russian)
- Baldin K.E., Mokeev S.V. (2006) Razvitie tekstil'noj promyshlennosti Ivanovskogo kraja v 60-e gg. XIX-nachale XX v [Development of the Textile Industry of the Ivanovo Region in the 60s of the XIX-early XX Century]. Ivanovo: Ivan. gos. un-t [Ivanovo: Ivanovo State University]. (in Russian)
- Baldin K.E., Semenenko A.M. (1996) Ivanovo. Istoriya i sovremennost' [Ivanovo. History and Contemporaneity]. Ivanovo: «Ivanovskaja gazeta» [Ivanovo: Ivanovo Newspaper]. (in Russian)
- Belugina G.K. (2020) Dva Andreja: Andrej Rublev–Andrej Tarkovskij: Konceptija mezhregional'nogo tematicheskogo tura [Two Andreys: Andrey Rublev–Andrey Tarkovsky: The Concept of an Interregional Thematic Tour]. *Mezhdunarodnyj i rossijskij turizm v uslovijah novyh vyzovov. Sb. statej i kejsov* [International and Russian Tourism in the Conditions of New Challenges. Collection of Articles and Cases]. Moskva: Jekonomicheskij fakul'tet MGU [Moscow: Faculty of Economics of Moscow State University], pp. 169-174. (in Russian)
- Garelin Ya.P. (1884) The city of Ivanovo-Voznesensk, or the former village of Ivanovo and Voznesensky posad. At 2 pm–Ivanovo: Ivan. State un-t, 2001. Part 1. 240 p. Reprint. Reproduction ed. Borisoglebskiy 1884 (Shuya), pp. 35-46. (in Russian)
- Ermolin E.A. (2007) Jaroslavskij stil': monografija [Jaroslavl style: monograph]. Jaroslavl': Jaroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K.D.Ushinskogo [Jaroslavl: Jaroslavl State Pedagogical University named after K.D.Ushinsky]. (in Russian)
- Kagan F.I. (2008) Vlasteliny "kol'ca" [The Lords of the "Ring"]. *Nasha Rodina Ivanovo-Voznesensk. Special'nyj vypusk* [Nasha Rodina Ivanovo-Voznesensk. Special issue], pp. 36-43. (in Russian)
- Kagan F.I. (2010) Muzej Ivanov v Ivanove [Museum of Ivans in Ivanovo]. *Muzej* [Museum], no 9, pp. 21-25. (in Russian)
- Kagan F.I. (2016) Muzejnyj kvartal kak aktual'nyj trend sociokul'turnogo razvitija goroda [Museum Quarter as an Actual Trend of Socio-Cultural Development of the City]. *Sbornik publikacij nauchnogo zhurnala "Globus" po materialam VI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: «Obshhestvennye nauki v sovremennom mire» g. Sankt-Peterburga*. [Collection of Publications of the Scientific Journal "Globus" Based on the Materials of the VI International Scientific and Practical Conference: "Social Sciences in the Modern World" of St.Petersburg]. St.Petersburg: Nauchnyj zhurnal "Globus" [St.Petersburg: Scientific journal "Globus"], pp. 36-43. (in Russian)
- Kagan F.I. (2020) Regional'nyj turizm cherez mezhregional'nyj. Konceptija razvitija na primere Ivanovskoj oblasti [Regional Tourism through Interregional. The Concept of Development on the Example of the Ivanovo Region]. *Regiony i goroda Rossii kak turistskie territorii: usloviya i perspektivy ustojchivogo razvitija. Sb.Statej* [Regions and Cities of Russia as Tourist Territories: Conditions and Prospects of Sustainable Development. Collection of Articles]. Moskva: Jekonomicheskij fakul'tet MGU [Moscow: Faculty of Economics of Moscow State University], pp. 38-47. (in Russian)
- Kagan F.I., Belugina G.K. (2013) Aktualizacija kul'turnogo nasledija kak process dinamiki kul'tury: monografija [Actualization of Cultural Heritage as a Process of Culture Dynamics: Monograph]. Moskva: 000 «Sam poligrafist». (in Russian)
- Kazhdij pjatyj metr rossijskoj tkani delaetsja v Ivanovskoj oblasti (2019) [Every Fifth Meter of Russian Fabric is Made in the Ivanovo Region]. *GTRK «Ivteledio»*. Available at: https://ivteledio.ru/news/2019/06/09/kazhdyy_pyatyy_metr_rossiyskoj_tkani_delaetsya_v_ivanovskoj_oblasti (accessed 05 January 2021). (in Russian)
- Kotler F., Asplund K., Rejn I., Hajder D. (2005) Marketing gorodov. Privlechenie investicij, predpriyatij, zhitelej i turistov

- v goroda, kommuny, regiony i strany Evropy [Marketing of Cities. Attracting Investments, Enterprises, Residents and Tourists to Cities, Communes, Regions and Countries of Europe]. St.Petersburg: Izd-vo «Stokgol'mskaja shkola je-konomiki» [St.Petersburg: Publishing House "Stockholm School of Economics"]. (in Russian)
- Nora P. (1999) Problematika mest pam-jati [Problematics of Places of Memory]. *Francija-pamjat'* [France-memory]. St.Petersburg: Izd. SPbGU [St.Petersburg: St.Petersburg State University Publishing House], pp. 17-50.
- Ploshhadi territorij regionov Rossii (2019) [Areas of the Regions of Russia]. *Vsemirnaja geografija* [World Geography]. Available at: <http://worldgeo.ru/russia/lists/?id=22> (accessed 12 August 2019). (in Russian)
- Rejting regionov Rossii po obespe-cheniju cifrovoj otkrytosti ob#ek-tov kul'turnogo nasledija (2018) [Rating of Russian Regions for En-suring Digital Openness of Cultu-ral Heritage Objects]. *NP «Viki-media RU»*. Available at: <https://clck.ru/EyJYL> (accessed 12 August 2019). (in Russian)
- Skrynnikov R.G. (1997) Istorija Rossijskaja. IX-XVII vv. [Russian history. IX-XVII Centuries.] Moskva: Izdatel'stvo «Ves' Mir» [Moscow: Publishing House «All the World»]. (in Russian)
- Tihomirov A.M. (2011) Ivanovo. Ivanovo-Voznesensk. Putevoditel' skvoz' vremena [Ivanovo. Ivanovo-Voznesensk. A Guide through Time]. Ivanovo: ID «Referent». (in Russian)
- Timofeev M.J. (2017) Ivanovo. gorod krasnoj zari. Nekanonicheskij putevoditel' [Ivanovo. The City of the Red Dawn. A Non-Canonical Travel Guide]. Ivanovo: A-GRIF. (in Russian)
- Tjapkov N.N. (2018) Toponimicheskij slovar' Ivanovskoj oblasti: Geo-graficheskie nazvaniya: sela i go-roda [Toponymic Dictionary of the Ivanovo Region: Geographical Names: Villages and Cities]. Ivanovo: ID "Referent". (in Russian)

Социально-культурная инфраструктура индустриальных поселков Владимирской и Костромской губерний

Кирилл Балдин

В конце XIX века в условиях завершившегося промышленного переворота в России сложились три основных типа промышленных поселений. Первый тип – индустриальный город, к нему относились такие мегаполисы, как Петербург и Москва, а также города меньших размеров – Нижний Новгород, Харьков, Лодзь, Ярославль, Иваново-Вознесенск и другие. Второй тип – фабрично-заводской поселок. Это были негородские поселения, в которых в ходе бурного развития промышленности в стране возникли крупные предприятия. Третий тип – кустарное село, во Владимирской губернии к нему относились, например, Палех, Холуй и Мстера, где было издавна развито иконописное производство, или же подмосковное село Кимры, известное производством кожаной обуви.

Индустриальный город как тип поселения хорошо изучен в работах отечественных и зарубежных ученых по истории промышленности в России эпохи модернизации во второй половине XIX – начале XX века, а также в трудах о повседневной жизни в городах имперской России, написанных в последние два-три десятилетия. Кустарные села тоже изучались в работах, посвященных мелкотоварному крестьянскому производству.

Совсем иначе обстоят дела с изучением феномена фабрично-заводских поселков как типа промышленных поселений: по этой теме пока нет серьезных обобщающих исследований, и это обуславливает ее научную актуальность. В конце XX века О. Ю. Таланова опубликовала в региональных изданиях ряд статей по этой теме, но в них она обсуждала проблему без углубления в подробности или же анализировала только

Балдин Кирилл Евгеньевич,
доктор исторических наук, профессор
Ивановского государственного универ-
ситета; Российская Федерация, 153025,
Ивановская область, Иваново, ул.Тими-
ряева, д.5.
E-mail: kebaldin@mail.ru

В статье исследуется развитие фабричных поселков во Владимирской и Костромской губерниях, в ходе которого они постепенно трансформировались из патриархальных сел в города. По численности эти поселки – Родники, Кохма, Бонячки, Серета, Южа и др. – превосходили некоторые города исследуемого региона, а вся экономическая жизнь в них была сосредоточена вокруг крупного промышленного предприятия – текстильной фабрики. Владельцы этих предприятий занимались не только предпринимательской деятельностью. Большинство из них в той или иной степени понимали свою ответственность за условия труда и быта рабочих и служащих, поэтому тратили значительные средства на развитие социально-культурной инфраструктуры. Здесь строились жилые помещения для рабочих и служащих, больницы, дома престарелых, учебные заведения, различные досуговые учреждения. В конце XIX – начале XX века бывшие села превратились фактически в города, которые вскоре после революции 1917 года уже официально получили статус городов. Автор доказывает, что в исследуемый период в фабричных поселках имелись многие учреждения и службы, которые в то время являлись неотъемлемыми атрибутами городских поселений. Он останавливается также на мотивации предпринимателей, которые занимались социально-культурной деятельностью в этих поселках, и приходит к выводу, что ими руководили, с одной стороны, соображения патернализма, то есть заботы «старших» о «младших», а с другой – разумный эгоизм, так как здоровый, трезвый, грамотный и отдохнувший после трудовой смены пролетарий более полезен для фабрики, чем больной, усталый и озлобленный.

Ключевые слова: фабричные поселки; российские предприниматели; российский пролетариат; бытовые условия жизни рабочих; формы проведения досуга в дореволюционной России; социальная политика буржуазии; мотивация социальной деятельности

Цитирование: Балдин К. Е. (2021) Социально-культурная инфраструктура индустриальных поселков Владимирской и Костромской губерний // Городские исследования и практики. Т. 6. № 1. С. 23–36. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp61202123-36>

отдельные ее сюжеты [Таланова, 1997; Таланова, 1998]. За последние два десятилетия в отечественной и, в частности, региональной историографии практически не было публикаций по этой проблематике.

Практическая актуальность темы обусловлена тем, что моногорода, выросшие вокруг текстильных предприятий в Центральном федеральном округе и других регионах, сегодня испытывают очень серьезные проблемы. Изучение опыта промышленного и социально-культурного развития этих городов более 100 лет назад, когда они были фабричными поселками, может подсказать возможные пути выхода из их нынешнего системного кризиса. Разумеется, использование этого опыта будет носить не непосредственный, а опосредованный характер, так как с тех пор прошло много времени. Новизна нашего исследования состоит в том, что оно носит комплексный характер и опирается не только на исторические, но и на социологические инструменты. Кроме того, используются новые источники, до сих пор не вводившиеся в научный оборот.

Цель состоит в том, чтобы выяснить социально-культурное своеобразие фабричных поселков как новых для того времени поселений. Это будет проделано на примере целого ряда населенных пунктов Владимирской и Костромской губерний.

Для достижения цели потребуются решить следующие исследовательские задачи: выяснить роль предпринимателей в формировании фабричных поселков и организации быта рабочих, проанализировать формирование образовательного пространства и внедрение новых форм досуга в среде рабочих и служащих этих поселений, а также выявить мотивы социально-культурной деятельности промышленников.

Основные источники исследования относятся к так называемой хозяйской литературе – издания, опубликованные до революции (в основном в начале XX века), как правило, к юбилеям тех или иных предприятий [Культурно-просветительная деятельность..., 1913; Пашков, 1911; Товарищество мануфактур..., 1912; Товарищество мануфактур..., 1913]. Это были заказные книги, написание и издание которых финансировали владельцы фабрик. Они носили рекламный характер и одновременно содержали много полезной информации как о производстве продукции, торговле ею, так и о социально-культурной деятельности фабрикантов, которые организовывали

для своих рабочих приемлемые по тому времени условия быта, предоставляли возможности для образования и проведения досуга. Поэтому мы рассматриваем хозяйские издания как источник, а не как раздел историографии. Следует указать, что явных искажений действительности в этих публикациях нами не было замечено, но определенное приукрашивание действительности все же присутствует. Эти издания выглядят значительно менее ангажированными, чем издававшиеся в советское время книги из рубрики «История фабрик и заводов». Также фактические данные извлекались автором из опубликованной нормативной и делопроизводственной документации фабричных кооперативов (уставы и отчеты), которые использовались предпринимателями для снабжения населения фабричных поселков товарами повседневного спроса. Кроме того, автор привлек статистические данные из справочных изданий, в частности из ставшего почти классическим для историков промышленности объемистого справочника Л. К. Езиоранского о фабрично-заводских предприятиях России [Езиоранский, 1914].

Гипотеза данного исследования состоит в том, что дореволюционные фабричные поселки как тип поселения не официально, а фактически представляли собой города. Впоследствии в первые годы советской власти почти все они повысили свой административный статус, наиболее крупные превратились в города, не столь значительные – в поселки городского типа.

Начав с краткого обзора хозяйственной структуры фабричных поселков, мы перейдем к изучению социальных учреждений, созданных фабрикантами для улучшения быта рабочих и служащих (жилье, потребительские общества, больницы, богадельни), а затем проанализируем работу просветительной и досуговой сферы этих поселений, также сформировавшейся при материальном и организационном участии фабрикантов.

Фабрично-заводские поселки представляли собой явление отнюдь не редкое для России. Одним из регионов, где они получили широкое распространение, был Урал. Здесь часто встречались горнозаводские поселения, в каждом из которых обычно располагался металлургический завод. К ним относились Нижний Тагил, Надеждинск, Верхняя Салда, Нижняя Салда и прочие. Другой район, в котором находились такие поселки, – Донбасс и Приднепровье. Здесь они возникли на базе

металлургических предприятий или угольных шахт. Типичный пример – село Каменское, в советское время превратившееся в город Днепродзержинск. Третий район – Правобережная Украина (Киевская, Подольская и Волынская губернии), где фабричные поселки сформировались вокруг сахарных предприятий. Это такие поселения, как местечки Бершад, Ялтушков, Погребище и др., в которых находились крупные предприятия этой отрасли. Наконец, четвертым и самым обширным регионом размещения фабрично-заводских поселков стал во второй половине XIX века Центральный промышленный район. Он охватывал Московскую губернию и несколько соседних с ней губерний – Владимирскую, Костромскую, Ярославскую, Тверскую и др. Большинство поселений здесь были обязаны своим появлением крупным текстильным предприятиям.

Наибольшее распространение этот тип населенного пункта получил в регионе, который во второй половине XIX века начали называть Иваново-Вознесенским промышленным районом. Он охватывал южные индустриальные уезды Костромской губернии (Кинешемский, Юрьевоцкий, Нерехтский) и северные промышленные уезды Владимирской губернии (Шуйский, Ковровский, Вязниковский). Мы сосредоточим внимание на фабричных поселках именно этого региона. Большая часть приводимых ниже материалов относится к Юже Вязниковского уезда Владимирской губернии и Бонячкам Кинешемского уезда Костромской губернии, в которых функционировали очень крупные текстильные фабрики, принадлежавшие соответственно Балиным и Коноваловым. Кроме того, в исследовании использован материал по поселкам Кохма, Родники, Наволоки, Серета, Писцово и др.

В то время эти поселения по своему административному статусу являлись селами. Именно такой официальный статус имели Южа, Тейково, Родники, Серета, Наволоки, Кохма, Яковлевское, Лежнево, Писцово, Дуляпино и другие населенные пункты текстильного края. Между тем по численности населения они существенно превосходили некоторые города. В частности, такие старинные города исследуемого региона, как Лух и Плес, были значительно меньше этих фабричных поселков, в каждом из которых проживало до 10 тыс. человек. По данным Всероссийской переписи населения 1897 года, в Луке насчитывалось всего 1937 человек, в Плесе – 2163 человека. Даже в Юрьевце, уезд-

ном центре Костромской губернии, проживало 4778 человек [Россия..., 1991, с. 122, 124, 128].

Обычно вся деловая, социальная и культурная жизнь фабричного поселка вращалась вокруг одного крупного текстильного предприятия. В Юже это была фабрика «Товарищества мануфактур А. Я. Балина», в Бонячках – «Товарищества мануфактур И. Коновалова с сыном», в Тейкове – «Товарищества мануфактур А. Каретниковой с сыном», в Родниках – «Товарищества мануфактур А. Красильщиковой с сыновьями», в Наволоках – «Товарищества Волжской мануфактуры П. Миндовского и И. Бакакина». Особенностью предприятий, которые располагались в фабричных поселках Иваново-Вознесенского промышленного района, было то, что в соответствии с фабричной статистикой того времени они относились к категории «крупнейших», то есть на каждом из них работало по несколько тысяч рабочих. Если взглянуть на список предприятий текстильного края, то первые строки в них по числу рабочих занимали не городские фабрики в Иваново-Вознесенске, Кинешме или Шуе, а заведения, располагавшиеся в фабричных поселках, – фабрика Красильщиковых в Родниках (8200 чел.), Коноваловых в Бонячках (6175 чел.), Балиных в Юже (5300 чел.) [Езиоранский, 1914].

Предприниматели создавали фабрики в сельской местности, чтобы они были как можно ближе к главному источнику рабочей силы в стране, постепенно бедневшему крестьянству. Небольшие земельные наделы не могли прокормить сельских жителей, поэтому они искали и находили другие источники дохода, например, в формате отхожих промыслов. По этому поводу В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» высказал суждение, которое активно цитировали советские историки: «Мужика не пускают на фабрику – фабрика идет к мужику» [Ленин, 1971, с. 94].

Основание текстильных предприятий в сельской местности объяснялось также тем, что предприниматели получали возможность платить работникам более низкую, чем в городах, заработную плату. Большинство таких полуробочих-полукрестьян имели здесь свои полевые наделы и огороды, жалованье на фабрике было не единственным источником их существования. Эти «рабочие с земельным наделом» были менее грамотны, менее требовательны к условиям труда и быта и менее склонны к трудовым конфликтам, чем городские рабочие. Отрыв фабричного

работника от земли в фабричных поселках, конечно, происходил, но шел гораздо медленнее, чем в городе.

В типичном промышленном поселке рядом с «поселкообразующим» предприятием обычно существовала развитая инфраструктура, которая обслуживала нужды фабрики. Например, вокруг Южи фабрикантам Балиным принадлежали значительные участки леса, которые они скупили у разорившихся помещиков. Они служили источником топлива для фабрики и населения поселка, которое год от года росло. Фабриканты Каретниковы недалеко от своих предприятий в Тейково занялись разработкой торфа: по данным за 1913 год ими было добыто 9 тыс. куб. сажень этого топлива. Также торф добывали для своих фабрик Горбуновы в Середи (7285 куб. сажень в том же году) и Балины в Юже (3500 куб. сажень) [Езиоранский, 1914]. Торф применялся на местных текстильных предприятиях одновременно с углем и мазутом. Кроме торфяных разработок вокруг сельских фабрик находились и другие элементы производственной инфраструктуры – небольшие кирпичные, химические и газовые заводики, лесопилки и т. п. Они значительно сокращали расходы предпринимателей на приобретение и транспортировку материалов, необходимых для главного предприятия – текстильной фабрики.

Устраивая свои предприятия в сельской местности, фабриканты испытывали определенные трудности со сбытом продукции, поскольку ближайшие железнодорожные станции иногда были далеко и к ним не были проложены удовлетворительные по качеству грунтовые дороги. Поселкам Бонячки, Тезино, Середи, Тейково повезло – они оказались рядом с железной дорогой, а Горки, Дуляпино, Южа – в стороне от рельсового пути. Именно поэтому Балины построили на Клязьме пристань неподалеку от Южи и проложили к ней узкоколейную железную дорогу. По Клязьме и Тезе курсировали несколько пароходов, принадлежавших Товариществу мануфактур А. Я. Балина. Фабрика Товарищества И. Коновалова в Бонячках находилась в 2,5 верстах от станции железной дороги. Чтобы разгружать и нагружать тяжести непосредственно в фабричном дворе, к нему был проложен рельсовый путь с широкой колеей. За год по этому подъездному пути перевозили до 2 млн пудов различных грузов [Товарищество мануфактур..., 1912, с. 60]. Гораздо меньше, чем фабрике Коновалова, повезло предприятию Красильщи-

ковых в Родниках. При строительстве железной дороги от Иваново-Вознесенска до Кинешмы в 1871 году рельсы были проложены более чем в 10 верстах от этого предприятия. Только через четверть века, в 1897 году, удалось проложить «чугунку» от фабрики до ближайшей станции Горкино. До этого приходилось доставлять грузы гужевым способом, затрачивая на содержание обозов значительные средства [Софронов, 2012, с. 112].

Текстильное производство, в особенности отделочное, нуждалось в больших объемах воды. Если рядом с предприятием не было достаточно большой реки, то приходилось создавать водоем. Например, в Юже на небольшой речке, протекавшей через село, была построена плотина, в результате чего образовалось искусственное озеро Вазаль. Таким же путем обеспечивали себя водой фабриканты на других сельских предприятиях края. Рукотворное озеро стало неотъемлемой частью промышленного пейзажа в Родниках – здесь потребовалось запрудить небольшую речку Юкшу. Рядом с фабрикой Коноваловых в Бонячках также появился большой пруд, в котором живописно отражался главный корпус фабрики. Для рабочих и служащих рукотворные озера были полезны тем, что здесь они могли ловить рыбу, их жены – полоскать белье, а дети – купаться.

Жизнь фабричного поселка, разумеется, не ограничивалась только промышленной деятельностью. Социально-культурная повседневность в таких поселениях отличалась как от городской, так и от сельской. Она представляет большой интерес для исследователей, причем не только историков, но и представителей социологии, культурологии, исторической демографии и других дисциплин. Фабриканты вынуждены были заботиться об обеспечении местного населения социальными и просветительными учреждениями, организовывали для них то, что в дореволюционный период называлось разумным досугом.

Приходя из своей отдаленной деревни на фабрику, крестьяне сразу сталкивались с проблемой жилья. В индустриальных городах и поселках было два основных типа жилья для пришлых работников. Первый из них – так называемые «вольные квартиры». Большинство жителей того или иного фабричного поселка пускали к себе квартирантов, которые в среднем за 1 руб. в месяц снимали «угол», то есть пространство пола площадью около 2 кв. метров.

Обычно в избу набивалось по десятку и более жильцов, и санитарная обстановка здесь была удручающей. Вдобавок жилплощади «вольных квартир» не хватало для постоянно притекавшей из деревни новой рабочей силы.

Второй тип жилья для пришлых работников – хозяйское, на котором мы остановимся подробнее. Крупные фабриканты имели материальную возможность построить для своих рабочих так называемые казармы, то есть общежития. Холостые рабочие жили здесь в больших помещениях, а для семейных рабочих предназначались так называемые каморки, то есть небольшие комнатки в общежитиях, рассчитанные на размещение одной или двух семей. В Юже в конце XIX – начале XX века на средства «Товарищества мануфактур А. Я. Балина» одно за другим строились общежития, в которых помимо жилых комнат были общие кухни, где можно было приготовить пищу. Были предусмотрены и другие бытовые удобства, например подвалы, в которых рабочие могли хранить свои запасы на зиму. Эти жилые помещения отапливались по-разному – печами или же с помощью паровых котлов. В подвалах некоторых казарм стояли калориферы, которые нагревали воздух, циркулировавший по специально устроенным кирпичным каналам внутри здания. В современной Юже сохранились здания дореволюционных казарм, в реконструированном виде они до сих пор используются как жилье [Пашков, 1911, с. 55–57].

Необычным видом жилья казарменного типа для рабочих в Юже стала женская артель примерно на 150 человек, которая начала работать в 1908 году. Ее создали для того, чтобы отделить совсем юных девушек, пришедших из деревень, от проживавших в общих казармах «посторонних лиц», которые не могли научить их ничему хорошему. В отдельном здании этой артели имелось 14 спален по несколько кроватей в каждой. Хозяйка фабрики предоставили в распоряжение артельщиц столы, стулья, гардеробы, буфеты для хранения провизии, умывальники, лампы и прочие хозяйственные мелочи. Вместе с ними жила надзирательница, которая следила за порядком и поведением деревенских девушек, она же учила их шитью, вышивке и строчке, а также грамоте, для чего в артели была собрана небольшая библиотечка учебной литературы [Пашков, 1911, с. 57–58].

В других бывших фабричных поселках текстильного края выделяются сложенные из красного кирпича четырех- или пяти-

этажные дома дореволюционных казарм. Большинство из них являются памятниками архитектуры и включены в соответствующий областной свод. Эти поселки – Середа, Вичуга, Наволоки, Каменка и другие промышленные центры современной Ивановской области. Чаще всего хозяева предоставляли рабочим такое жилье бесплатно. Строительство казарм было важным показателем формирования фабричных поселков на основе сел, так как сразу возрастала численность жителей, постоянно проживавших в населенном пункте и занятых фабричным трудом. Этот процесс начался в последние два десятилетия XIX века.

В селе Бонячки фабриканты Коноваловы решили не ограничиваться устройством казарм для рабочих. В версте от фабрики они выделили специально распланированную территорию и в течение нескольких лет построили здесь более 100 домов, которые охотно брали в аренду семьи местных рабочих. Арендная плата была невысокой, в состав ее входила страховка и погашение стоимости здания, чтобы через 12 лет оно перешло в собственность арендатора.

Дома в поселке не были однотипными. Самые большие достигали размера 9 на 10 аршин (аршин – 71 см), одни были крыты железом, а другие – дранкой. Кроме неизменной кухни, в домах было две или три комнаты. Даже наличники на окнах разных домов различались по орнаменту. В каждой избе обязательно имелись сени, чулан и туалет. Самые большие и благоустроенные жилища стоили 1200 руб., а те, что попроще, – 750 руб. Около каждого дома имелся участок площадью в 120 кв. саженей (кв. сажень – 4,55 кв. м), на нем арендаторы устраивали сад и огород. Деревья для озеленения участков бесплатно выдавались в фабричном питомнике. Проектировщики не забыли и о противопожарной безопасности: в поселке на средства фабрики было устроено пожарное депо, в случае возгорания воду можно было взять из пруда, который располагался рядом с поселком. Последний называли Сашино по имени последнего владельца фабрики – Александра Ивановича Коновалова [Товарищество мануфактур..., 1912, с. 62–63]. Значительная часть домов этого поселка до сих пор служит местным жителям. Правда, после революции улицы в нем получили названия в духе эпохи: Большая Пролетарская, Пролетарская, Малая Пролетарская. Новые топонимы должны были стереть память о том, что

поселок для пролетариата построен на средства фабриканта.

Кроме Сашино около фабрики Коноваловых вырос еще один поселок под названием Сережино. Дома в нем были гораздо комфортабельнее, чем те, которые предназначались для рабочих. И это не случайно, так как они строились для служащих конторы предприятия и медицинского персонала фабричной больницы. Особенно роскошно в этом поселке выглядели особняки для руководства фабрики [Товарищество мануфактур..., 1912, с. 63–64].

Аналогичный проект реализовывался на рубеже XIX и XX веков в Юже. В 1894 году «Товарищество мануфактур А. Я. Балина» отвело для индивидуальной застройки участок около фабрики площадью несколько десятин, предварительно распланированный на улицы. Рабочие, пользуясь льготами от предприятия, быстро застроили его, и в 1896 году по соседству отмежевали новый участок, который вскоре тоже был застроен. Это место назвали Новой Слободкой. Участки сдавались рабочим за символическую арендную плату – 2–3 руб. в год. На покупку строительных материалов рабочим на льготных условиях выдавались беспроцентные ссуды. За полтора десятилетия в Новой Слободке и окрестных деревнях Омелово, Нефедово, Реброво и других при помощи «Товарищества» был построен 421 дом [Пашков, 1911, с. 60–61]. Появление таких поселков с индивидуальными домами для рабочих – второй после строительства казарм маркер складывания фабричных поселков, так как численность постоянного рабочего населения продолжала увеличиваться. Одни жители пользовались арендованным жильем, другие – уже собственным.

Для снабжения рабочих товарами первой необходимости, прежде всего продуктами питания, предприниматели организовывали в фабричных поселках потребительские общества. На этом сюжете мы остановимся подробнее, поскольку до сих пор деятельности так называемых хозяйских кооперативов в научной литературе уделялось мало внимания.

Инициаторами создания этих общественных организаций являлись либо сами фабриканты, либо высшие служащие. Членство в них было добровольным, обычно в такой кооператив входило меньшинство трудившихся на фабрике, при которой он функционировал. Желавшие примкнуть к нему работники вносили в его кассу денежный пай, размер которого

обычно составлял 10 руб. Когда учредителям удавалось собрать сумму в несколько сотен рублей, на них закупали товары первой необходимости, нанимали приказчика и начинали торговлю. Помещение для лавки обычно предоставлял фабрикант.

Первым фабричным кооперативом в текстильном крае стало организованное в 1892 году потребительское общество при предприятии Ясюнинских в селе Кохма Шуйского уезда [Устав..., 1911, с. 1]. Мы анализируем особенности функционирования хозяйских кооперативов в основном на примере этой организации, хотя будет привлекаться фактический материал и по другим потребительским обществам. В целом в текстильном крае в период с 1892 года до Февральской революции 1917 года было создано 16 таких хозяйских обществ, существовавших, как было четко прописано в их уставах, «при фабриках» [Рабочие потребительские кооперативы..., 1990, с. 301, 303–305, 307–309, 312–313, 315–317, 319, 321–322]. На рубеже XIX–XX веков их были считанные единицы, большинство же были основаны накануне или во время Первой мировой войны из-за продовольственных трудностей. По крайней мере половина их функционировала в промышленном Кинешемском уезде. Здесь было особенно много крупных фабрик, располагавшихся в сельской местности, и вокруг них сформировались многочисленные промышленные поселки.

Количество членов этих организаций было внушительно. Дело обычно начинали всего с десятками пайщиков, а ближе к революции 1917 года некоторые кооперативы насчитывали в своих рядах уже тысячи рабочих и служащих. В потребительском обществе в Кохмe в 1897 году числились 523 человека, в 1901 году – 1103, а в начале 1915 года – 3130. [Рабочие потребительские кооперативы..., 1990, с. 50].

Есть достаточно представительные данные об ассортименте товаров в нескольких кооперативах. В лавках потребительских обществ покупатели всегда могли найти такие продукты, как мука, разные крупы, сельдь, картофель и другие овощи, чай, сахар, соль. Большинство кооперативов торговало преимущественно продуктами питания, но имелись здесь и некоторые промышленные товары – иголки, нитки, свечи и т. п. Снабжение в фабричных поселках было заметно хуже, чем в городах, поэтому в ряде случаев по просьбе пайщиков здесь продавались также ситец и сукно, готовая одежда и обувь, галантерейные товары. Снабжение людей недо-

рогими продуктами первой необходимости стало особенно важным в годы Первой мировой войны, когда из продажи стали исчезать самые необходимые товары. Появление на фабриках потребительских обществ в немалой степени способствовало постепенному затуханию такого элемента традиционной жизни, как сельские ярмарки.

Рабочие охотно покупали товары в этих лавках, потому что цены здесь были хотя и не намного, но все же ниже, чем у окрестных лавочников. Экономия на покупках 1–2 руб. в месяц была существенной для бюджета рабочего. Все покупки записывались в специальной заборной книжке. Еще одной важной приманкой для рабочих и служащих, кроме пониженных цен, была возможность получить в конце года некоторую прибыль. Потребительские общества были не благотворительными, а коммерческими организациями, поэтому, когда в конце финансового года подводились итоги, то они, как правило, предполагали некоторый дивиденд. Одна его часть использовалась для дальнейшего расширения торговли, а другая раздавалась на руки тем покупателям, которые были пайщиками этих организаций (имели право покупать в общественных магазинах и не пайщики). Сумма, выдававшаяся отдельно взятому кооператору наличными деньгами, зависела от суммы его покупок в коллективной лавке. Например, членом фабричного потребительского общества в Наволоках по итогам 1914–1915 коммерческого года было выдано 6682 руб. Наиболее активные покупатели, которые почти все нужные им товары брали в кооперативной лавке, могли в конце года рассчитывать на выдачу 5, а то и 10 руб. наличными [Общество потребителей..., 1916, с. 47].

Большинство фабричных кооперативов год от года наращивали свои торговые операции. Об этом наглядно свидетельствует динамика коммерческих оборотов общества потребителей при Волжской мануфактуре в селе Наволоки. В первый год своей работы (1906–1907) оно наторговало на 190 тыс. руб., в 1912–1913 коммерческом году – 252 тыс. руб., в 1914–1915-м – 314 тыс. руб., 1915–1916-м – 544 тыс. руб. [Общество потребителей..., 1916, Приложение].

Еще раз подчеркнем, что эти организации, будучи созданы фабрикантами, зависели от них. Не следует их идеализировать и воспринимать как зримые ростки гражданского общества в провинции, ведь они не были самоуправляемыми и действовали не совсем самостоятельно. Пред-

приниматели могли не входить в правления или ревизионные комиссии этих организаций лично, но имели возможность контролировать деятельность этих структур через высших служащих – директоров или управляющих, которые обязательно избирались в правления. Например, в руководящий орган кооператива в Кохме на протяжении двух десятилетий входили хозяева фабрики Н.А., В.А. и И.А. Ясюнинские. В годы Первой мировой войны в руководстве организации их уже не было, но это не означало, что кооператив перестал от них зависеть [Владимирские губернские ведомости, 1902; 1908; 1914; Отчет..., 1913, с. 57].

Зависимость кооперативов от хозяев носила не только личный, но и финансово-экономический характер. В Кохме местный кооператив пользовался складами «Товарищества мануфактур Ясюнинских», эта фирма щедро кредитовала потребительское общество на льготных условиях [Отчет..., 1913, с. 7]. По мере необходимости предприниматели использовали экономическую зависимость этих потребительских обществ в своих целях. Весной-летом 1914 года в южной части Костромской губернии происходила массовая стачка, охватившая десятки тысяч рабочих. При этом фабричный кооператив в Наволоках некоторое время продолжал продавать бастовавшим рабочим продукты, в том числе в кредит, таким образом способствуя продолжению этой и так затянувшейся забастовки. В ответ на это «Товарищество Волжской мануфактуры» прекратило кредитование этого потребительского общества, поэтому вскоре оно прекратило торговлю, что значительно ухудшило положение бастовавших рабочих. Через некоторое время стачка закончилась [Отчет..., 1915, с. 3].

Для фабрикантов очень важно было позаботиться о медицинском обслуживании местных жителей, так как больницы в сельской местности было очень немногочисленно, уездные земства не могли открывать их в каждой волости. В Вязниковском уезде эта проблема была особенно актуальной именно для Южи с ее фабричным населением, так как фабричный труд был сопряжен с целым рядом профессиональных заболеваний, преждевременно уносивших людей в могилу. Отметим, что на рубеже XIX и XX веков средняя продолжительность жизни в России по официальным данным составляла 32,3 года (31,3 года для мужчин и 33,4 года для женщин). В Англии в тот же период аналогичный

показатель достигал 46 лет, во Франции – 47,4 года, в Швеции – 52 года [Ульянова, 2002, с. 625].

Балины построили на свои средства целый больничный комплекс, состоявший из одноэтажного главного каменного корпуса, к которому примыкали вспомогательные бревенчатые здания. В течение 1909 года в фабричной амбулатории было принято 52 379 человек. В стационаре, в том числе в заразном бараке (инфекционное отделение), в том же году прошли лечение 996 человек. В больнице была своя операционная, в которой делали такие сложные операции, как трепанация черепа, ампутации конечностей, грыжесечение и др. Оказание медицинской помощи было бесплатным не только для рабочих и служащих фабрики, но и для жителей окрестных сел и деревень [Пашков, 1911, с. 67].

Отметим, что аналогичные медицинские учреждения, построенные на средства местных предпринимателей, работали в большинстве фабричных поселков. Особенно впечатляюще выглядела медицинская программа, реализованная А. И. Коноваловым в фабричном поселке Бонячки. В 1912 году при фабрике в ознаменование 100-летнего юбилея существования фирмы Коноваловых была открыта новая больница, которая по своим размерам и оснащению могла бы стать гордостью не только уездного, но и губернского города. Первым, что бросалось в глаза приезжему человеку в Бонячках, был даже не массивный корпус фабрики, а совершенно уникальный для сельской местности архитектурный ансамбль больницы, выдержанный в стиле неоклассицизма. Проектировал его специально приглашенный московский архитектор В. Д. Адамович. Здания были украшены портиками с колоннадами и окрашены в белый и желтый – сочетание цветов, характерное для классицизма и ампира. Не случайно сейчас город Вичугу, в состав которого вошли Бонячки, называют «городом белых колонн». Архитектурный ансамбль симметричен, в центре находится здание самой больницы, а по бокам от нее – родильный приют и жилой дом для врачей. Здесь также есть ясли, построенные в том же стиле неоклассицизма. Больница была рассчитана на 100 коек, в ней было терапевтическое и хирургическое отделения на 16 палат, а также аптека. В подвале этого здания размещались котельная, прачечная и дезинфекционные камеры (паровая и формалиновая). В них обеззараживалось белье инфекционных больных. Действовавший

при фабрике родильный приют был рассчитан на 25 коек [Товарищество мануфактур..., 1912, с. 71–74].

Нужно оговориться, что не все фабриканты проявляли такую же заботу о здоровье своих рабочих. Например, в фабричном поселке Лежнево местный текстильный предприниматель Кокушкин считал, что эти проблемы должен решать не он, а земство, поэтому первая больница в Лежневе была построена не предпринимателем, а стараниями местного самоуправления, финансировало ее тоже в основном Ковровское уездное земство [Балдин, Монякова, 2016, с. 221, 223].

В Юже наряду с больницей Балин основал еще одно социальное учреждение – богадельню. Она располагалась в одном здании с фабричной церковью и принимала на полное обеспечение «отставных» рабочих и служащих предприятия. В 1910 году здесь на всем готовом доживали свою жизнь 15 стариков и 15 старух [Пашков, 1911, с. 74]. Беда была в том, что это заведение было очень скромным по своим возможностям, и в него попадали десятки рабочих, в то время как сотни состарившихся и неспособных к труду доживали свой век на попечении у родственников или же кормились Христовым именем. Подобные социальные учреждения работали и в некоторых других фабричных поселках. В Кохме дом для неспособных к труду стариков был построен в 1884 году на средства местного предпринимателя Г. И. Безенова. В Лежневе о сырых и убогих позаботились опять-таки не местные богатые фабриканты Кокушкины, а московский купец Прохоров, который еще в 1860-х годах построил двухэтажное каменное здание богадельни, выдержанное в стиле позднего классицизма [Бачев, 2008, с. 16].

В советский период в исторической литературе было широко распространено убеждение, что фабриканты совершенно не думали о просвещении рабочих и расширении их кругозора. Однако большинство предпринимателей в той или иной форме финансировали образовательные учреждения в обсуждаемых здесь фабричных поселках.

В 1913 году для юных жителей Южи было заложено трехэтажное каменное здание училища, строительство которого завершили к началу 1915–1916 учебного года. Здесь разместилось высшее начальное училище, в котором помимо русского языка, арифметики и Закона Божия, как в других начальных школах, преподавались ис-

тория, география, естествознание и другие предметы. Вместе с корпусами фабрики здание школы стало одной из архитектурных доминант фабричного поселка и для сельской местности выглядело просто роскошно. Оно до сих пор используется по прямому назначению: здесь расположена школа № 3 города Южи [Свод памятников..., 2000, с. 633–634].

Школы строили и другие предприниматели текстильного края. В поселке Середа фабриканты Горбуновы на свои средства построили превосходное училище. Двухэтажное здание из красного кирпича вмещало в себя несколько просторных классов, и в 1912 году здесь учились 407 подростков и работали 9 учителей. В настоящее время в нем находится школа № 8 города Фурманова [Петров, 1995, с. 21].

В фабричном поселке Писцово на средства «Товарищества мануфактур И. И. Скворцова» открылось четырехклассное училище. В нем преподавались такие предметы, как Закон Божий, церковнославянский и русский языки, арифметика, геометрия, физика, география, естествознание, черчение, рисование. Со временем к ним добавили немецкий язык и бухгалтерию, что придало учебному плану некоторый профессиональный уклон. «Товарищество» выделяло денежные средства для познавательных экскурсий школьников из Писцова в Москву и Сергиев Посад [Товарищество мануфактур..., 1913, с. 102].

В советской историографии утверждалось, что предпринимателям было выгодно, чтобы рабочие проводили время в пьяном разгуле и азартных играх. Однако результаты деятельности промышленников текстильного края опровергают этот долго бытовавший стереотип. Пьяный или похмельный рабочий по определению не мог быть хорошим работником. Производительность и качество его труда были ниже, чем у грамотного и трезвого. Поэтому даже с позиций разумного эгоизма фабрикантам следовало заботиться о том, чтобы рабочие пили и гуляли как можно реже, так как следствием их загула обычно становился выпуск бракованной продукции, поломки машин и несчастные случаи на производстве.

Следует признать, что в фабричных поселках проблема организации разумного досуга стояла остро, так как оторвавшийся от деревенской семьи рабочий мог проводить свой досуг не только без пользы, но и во вред себе. Некоторые фабриканты пытались решить эту проблему путем организации народных домов – многофунк-

циональных досуговых центров. В Юже народный дом был построен в 1909–1910 годах. Здесь был большой зрительный зал со сценой, где ставил свои спектакли самодеятельный народный театр. Работала массовая библиотека, в книжном фонде которой была не только популярная литература, но и серьезные издания по разным отраслям знания [Пашков, 1911, с. 89–97, 111]. Характерно, что некоторые студенты из Южи, обучавшиеся в конце XX века в Ивановском государственном университете, свои курсовые и даже дипломные работы выполняли, пользуясь в основном фондом этого богатого книгохранилища.

Не менее впечатляюще выглядел открытый в 1903 году народный дом в селе Родники при фабрике Красильщиковых. Стоимость строительства этого здания составила 50 000 руб. Сначала народный дом в основном выполнял довольно скромную функцию чайной, хотя и большого размера. Со временем кроме чайной, обставленной венской мебелью и вмещавший около 400 человек, появился электросалон (кинематограф) с еженедельными сеансами. Здесь тоже была библиотека-читальня, где проходили чтения, в ходе которых через «волшебный фонарь» (диапроектор) демонстрировались «туманные картины» (слайды). Внутри помещения стены были украшены портретами царей, отечественных государственных деятелей и русских писателей, здесь же вывесили на всеобщее обозрение картины по истории и географические карты. Народный дом в Родниках стал точкой притяжения местных общественных структур: кооператива, общества пчеловодов, благотворительного общества, театрального кружка и церковного хора. В его стенах они проводили свои собрания. За десять лет (1903–1913) только на содержание народного дома «Товарищество мануфактур А. Красильщиковой» потратило 9896 руб., а на жалованье его персоналу – 15 848 руб. [Культурно-просветительная деятельность..., 1913, с. 36, 39, 52].

Самым эффектным образчиком народного дома для рабочих стал настоящий дворец культуры, который предоставил в распоряжение текстильщиков А. И. Коновалов в Бонячках. Этот досуговый центр был возведен в 1914–1915 годах по проекту нижегородского архитектора П. П. Малиновского, а достраивал его уже в 1920-х годах выдающийся архитектор В. А. Веснин, уроженец города Юрьевца Костромской губернии. Здание, отличающееся монумент-

тальностью, выдержано в стиле неоклассицизма и украшено античным фронтоном на шести колоннах. Внутри оно разделено на две части – театральную и клубную. Зрительный зал рассчитан на 1500 мест, кроме того, в здании были предусмотрены зал для собраний и спортивный зал, помещения библиотеки с читальным залом и комнаты для кружковых занятий [Свод памятников..., 2000, с. 112–114].

Таким образом, в фабричных поселках постепенно распространялись урбанистические формы проведения досуга. Широкие слои населения – от фабрикантов до рабочих – охватило увлечение театром. Первые, но уверенные шаги делал «великий немой»: кинематограф со временем стал еще более массовым искусством, чем театр. Новые формы проведения досуга сосредоточивались в народных домах, которые имелись не во всех фабричных поселках. В то же время продолжала бытовать традиционная праздничная культура посиделок, хороводов и довольно примитивных ярмарочных развлечений.

В числе созданных фабрикантами досуговых возможностей следует упомянуть и парк, разбитый Балиными в Юже для рабочих и служащих фабрики. Фактически это был благоустроенный участок соснового леса с распланированными аллеями. К слову, парки, созданные тогда специально для рабочих и служащих, представляли собой довольно редкое явление не только в текстильном крае.

Под покровительством фабрикантов Балиных в Юже была основана одна из первых в России детских экологических организаций под названием «Майский союз». В его уставе, утвержденном в 1907 году, говорилось, что целью этого общества является охрана птиц, а его членами на добровольной основе могут стать дети и подростки в возрасте от 7 до 15 лет. Были прописаны правила членства в обществе и перечислены заповеди для юных защитников братьев наших меньших. При вступлении в союз дети давали торжественное обещание не разорять гнезд, заботиться о птицах и других животных. Нарушивших клятву сначала предупреждали, а потом исключали из организации.

Денежные средства для развития деятельности союза отпустило правление «Товарищества». Под руководством педагогов для членов «Майского союза» проводились познавательные экскурсии в леса, поля или луга. В ходе «естественно-исторических» бесед дети знакомились с устройством гнезд и привычками разных птиц,

узнавали, почему те вынуждены на время расставаться со своей родиной. Благодаря работе педагогов и библиотекарей дети стали больше интересоваться художественной литературой о животных.

Гимн для «Майского союза» из Южи написала известная писательница начала XX века Лидия Чарская.

Будем же, дети, защитой,
оплотом
Тварям безгласным, крылатым
певцам,
Мошкам, букашкам, невинным
животным,
Пчелкам мохнатым, лягушкам,
жукам.
Рыцарей некогда много
прекрасных
Шло на защиту вдов и сирот,
Так на защиту всех тварей
безгласных
Выступим смело вперед!

[Пашков, 1911, с. 106–107]

В имперской России представители разных сословий исполняли разные, совершенно определенные роли и относительно каждого сословия в обществе были определенные ожидания. В глазах общественности крестьянин, естественно, являлся тружеником, кормившим страну, представитель мещанства – умелым ремесленником, который при необходимости мог даже блоху подковать, священник – добрым пастырем, окормлявшим верующих, дворянин – защитником, храбро сражавшимся с врагами Отечества. Купцу (в период модернизации превратившегося в российского буржуа) тоже соответствовали определенные ожидания: предполагалось, что он будет играть роль щедрого благотворителя и мецената, жертвующего на строительство храма, на помощь больным, сирым и убогим, на нужды школы или иного культурно-просветительного заведения.

Со временем на рубеже XIX–XX веков у деловых людей возникало осознанное желание заняться не только предпринимательской, но и общественной деятельностью. Идти в политику (в отличие от Англии или Франции) в России было возможно, но все же опасно: среди промышленников текстильного края на это решился лишь А. И. Коновалов, получивший благодаря этому всероссийскую известность. Он стал членом IV Государственной думы и одним из лидеров партии прогрессистов в ней, а в 1917 году

занимал пост министра торговли и промышленности во Временном правительстве. Абсолютное большинство предпринимателей, проявивших интерес к общественной деятельности, ограничивались работой в органах местного самоуправления (городские думы и земства), а также социально-культурной деятельностью в том поселке, в котором находилась их фабрика. Они создавали здесь социальные, просветительные, досуговые структуры и даже общественные организации, о которых шла речь выше. Благодаря этому они получали известность в масштабах уезда или губернии.

В определенных кругах российской общественности – особенно в тех, которые были более или менее близки к народничеству или славянофильству, – репутация российской буржуазии была скорее негативной. К этому классу легко прилипали ярлыки, сначала русские – «аршинник», «барышник», а потом и иноязычного происхождения – «эксплуататор», «буржуй» и др. Социально-культурная деятельность промышленников была очень важна для улучшения их репутации и служила средством самопрезентации. В значительной степени благодаря такой общественной деятельности российская буржуазия постепенно превращалась из класса в себе в класс для себя.

Нельзя не обратить внимание на мотивацию предпринимателей, которые вкладывали в вышеназванные учреждения десятки и сотни тысяч рублей из получаемых прибылей. С одной стороны, одним из мотивов было облегчение тяжелых условий быта рабочих. Многие фабриканты в первом и втором поколениях прекрасно понимали, что это необходимо, так как с условиями труда и быта рабочих были знакомы не понаслышке. Таким образом, в социокультурной деятельности фабрикантов отчетливо просматривается патерналистская модель отношений работодателя и работника. С другой стороны, не стоит чересчур идеализировать человеколюбивые мотивы, поскольку в менталитете одного и того же фабриканта они успешно соседствовали с побуждениями, которые можно характеризовать как разумно-эгоистические. Предприниматели понимали, что грамотный, здоровый, хорошо отдохнувший и набравшийся духовных впечатлений рабочий будет работать гораздо лучше, чем уставший, темный, озлобленный на хозяина и на весь окружающий мир пролетарий. В связи с этим очень субъективной представляется позиция некоторых авторов

работ о дореволюционных предпринимателях, изображающих этих людей бескорыстными филантропами.

В городах развитием народного образования и здравоохранения, благоустройством территории и другими проблемами занимались местные органы самоуправления. Для финансирования этих «городских нужд и польз» существовали свои статьи в расходных частях городских бюджетов. Совершенно по-другому обстояло дело в фабричных поселках, которые по численности населения превосходили некоторые города. Городских дум и управ здесь не было, а у земств, занимавшихся социально-культурными проблемами в сельской местности, средств для облагораживания фабричных поселков явно не хватало. Поэтому фабриканту приходилось все или почти все перечисленные проблемы брать на себя. Для своего поселка он являлся и «поселковым головой», и думой и управой, взятыми вместе.

Следует констатировать, что фабриканты заботились о благоустройстве поселков. Никому из них не приходило в голову устраивать здесь водопровод или канализацию, но они заботились о пожарной охране, озеленении и даже об устройстве парковых зон. Они же отпускали немалые средства на то, что не делала ни одна городская дума, по крайней мере, во Владимирской и Костромской губерниях – жилищное строительство для своих рабочих. Промышленники занимались и другими сторонами социального благоустройства фабричных поселков: строили больницы – некоторые из них сделали бы честь любому городу – и устраивали богадельни для нетрудоспособных рабочих и служащих.

Также на средства фабрикантов в поселках открывались как начальные народные, так и высшие начальные училища с более широкой программой и профессиональным уклоном. Гимназии или реальные училища здесь не появились, но, как свидетельствовали некоторые современники, деловые люди всерьез думали о том, чтобы создать в фабричных поселках такие учебные заведения среднего звена. В досуговой сфере некоторые фабричные поселки даже опережали города. В Бонячках, Родниках, Юже на средства фабрикантов были построены народные дома – досуговые центры с библиотеками, помещениями для занятий кружков и зрительными залами, на сценах которых местные театральные коллективы давали представления.

После революции 1917 года справедливость была в какой-то степени восстановлена: бывшие села, постепенно превращавшиеся в города, наконец обрели этот статус, на который они вербально или невербально претендовали. Произошло массовое (в полном смысле этого слова) преобразование этих населенных пунктов. В этом процессе, происходившем в текстильном крае в основном в первое десятилетие советской власти, присутствовал и политический подтекст. Рабочие фабричных поселков, активно участвовавшие в революционном движении 1905–1907 и 1917 годов, получили «вознаграждение», носившее, правда, нематериальный характер. Их фабричные поселки, реально являвшиеся до революции *протогородами*, получили от новой власти новый статус, о котором многие их жители если не мечтали, то по крайней мере размышляли еще до революции.

Уже в 1918 году, вскоре после революции, городами стали села Тейково, Родники и Середа, в 1925 году этот статус обрели Южа, Кохма. В том же 1925 году объединились в промышленные поселки Бонячки, Тезино и Гольчиха, все вместе получившие название Вичуги. В 1938 году городами стали Приволжск и Наволоки. Некоторые не столь крупные промышленные населенные пункты, возникшие вокруг текстильных фабрик, превратились из сел в поселки городского типа. В 1925 году ими стали наиболее крупные из них – Лежнево и Писцово. Для остальных эта трансформация произошла уже в годы третьей пятилетки: в 1938 году статус поселка городского типа получили Старая Вичуга и Дуляпино, в 1939 году – Каменка, а в 1941 году – Колобово [Администрация Ивановской области, 2001, с. 46–47]. Дальнейшая история таких моногородов, которые долгое время развивались вокруг одной крупной текстильной фабрики, а ныне оказались в очень непростом положении, – предмет уже другого самостоятельного исследования.

Источники

- Администрация Ивановской области (2001) Ивановская область: Административно-территориальное деление по состоянию на 1 января 2001 г. Иваново.
- Балдин К. Е., Монахова О. А. (2016) Ковровское уездное земство (1861–1918). Ковров-Шуя: «ПолиЦентр».
- Бачев И. И. (2008) Край моих отцов. Иваново. Владимирские губернские ведомости (1902) № 12. Владимирские губернские ведомости (1908) № 17. Владимирские губернские ведомости (1914) № 16.

- Езиоранский Л. К. (1914) Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). Петроград: Типография т-ва под фирмой «Электротипография Н. Я. Стойковой».
- Культурно-просветительная деятельность в Родниковском промышленном районе. Товарищество мануфактур Анны Красильщиковой с сыновьями в с. Родниках, Юрьевецкого уезда Костромской губернии (1913) Москва.
- Ленин В. И. (1971) Развитие капитализма в России // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 3. М.: Политиздат.
- Общество потребителей при фабрике Товарищества Волжской мануфактуры в с. Наволоки Кинешемского уезда Костромской губернии. Отчет за 10-й операционный год с 22 марта 1915 г. по 9 апреля 1916 г. (1916) Кинешма.
- Отчет за 9-й операционный год с 6 апреля 1914 г. по 21 марта 1915 г. правления общества потребителей при фабрике Товарищества Волжской мануфактуры в с. Наволоках (1915) Кинешма.
- Отчет общества потребителей при фабриках Товарищества мануфактур В., Е. и А. Ясюнинских в с. Кохма за 1912 г. (1913) Владимир.
- Пашков Я. М. (1911) Товарищество мануфактур А. Я. Балина. Историко-статистический очерк. В память 25-летия учреждения Товарищества. Москва.
- Петров А. В. (1995) Середская земля. Иваново: Полиформ.
- Рабочие потребительские кооперативы в России. 1961–февраль 1917 г. Перечень организаций (1990) М.: Институт истории СССР АН СССР. Россия. Энциклопедический словарь (1991) Л.: Лениздат.
- Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. Ч. 3. (2000) М.: Наука.
- Софронов В. Д. (2012) Родники истории. Иваново: Листос.
- Таланова О. Ю. (1998) Жилищные условия фабрично-заводских поселков Владимирской губернии // Материалы краеведческой конференции. Владимир. С. 112–119.
- Таланова О. Ю. (1997) Фабрично-заводские поселки Владимирской губернии конца XIX–начала XX в. // Рождественский сборник. Вып. IV. Ковров. С. 93–98.
- Товарищество мануфактур Ивана Коновалова с сыном. 1812–1912. Краткий исторический очерк (1912). Москва: Типолитография братьев Мейнерт.
- Товарищество мануфактур, основанных И. И. Скворцовым (1913) Москва.
- Ульянова Г. Н. (2002) Россия в начале XX века. М.: Новый Хронограф.
- Устав общества потребителей при фабрике В., Е. и А. Ясюнинских в с. Кохмее Владимирской губернии Шуйского уезда (1911) Владимир.

**THE SOCIAL AND CULTURAL
INFRASTRUCTURE OF THE
INDUSTRIAL VILLAGES OF
VLADIMIR AND KOSTROMA
PROVINCES**

Kirill E. Baldin, DSc in History,
Professor of Ivanovo State University,
4 Gagarin Street, Ivanovo,
152025, Russian Federation.
E-mail: kebaldin@mail.ru

Abstract. This article examines the development of factory settlements in Vladimir and Kostroma provinces, which gradually transformed these settlements from patriarchal villages to towns. The settlements (Rodniki, Kohma, Bonyachki, Sereda, Yuzha) had larger populations than some cities in the region. The economic life of the settlements was concentrated around a textile factory. The owners of these enterprises were not only engaged in business activities; most of them understood their responsibility for the working and living conditions of their employees, and therefore they spent considerable resources on the development of social and cultural infrastructure in these settlements, including housing, hospitals, nursing homes, educational institutions, and leisure facilities. In the late 19th and early 20th centuries the former villages actually turned into *proto-towns*, which were given the status of towns soon after the revolution of 1917. The author proves that in the factory settlements during the period under study there were many institutions and services which were attributes of urban settlements. He also dwells on the motivations of entrepreneurs to engage in social and cultural activities and concludes that they were led by considerations of paternalism (i.e. the concern of the "older" about the "younger") and reasonable selfishness (i.e. healthy, sober, competent and rested workers bring much more benefit to the owner of the factory than sick, tired and embittered ones).

Keywords: factory settlements; Russian entrepreneurs; Russian proletariat; living conditions of workers; forms of leisure activities in pre-revolutionary Russia; social policy of the bourgeoisie; motivation of social activities

Citation: Baldin K. (2021) Social and Cultural Infrastructure of the Industrial Villages of Vladimir and Kostroma Provinces. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 1, pp. 23-36.

(in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp61202123-36>

References

- Bachev I.I. (2008) *Krai moikh ottsov* [Land of My Fathers]. Ivanovo. (in Russian)
- Baldin K.E., Monyakova O.A. *Kovrovskoe uezdnoe zemstvo (1861–1918)* [Kovrov–Shuya: Zemstvo of Kovrov District (1861–1918)]. Kovrov–Shuya: «PoliTsentr». (in Russian)
- Ezioransky L.K. (1914) *Fabrichno-zavodskie predpriyatiya Rossiiskoi imperii (isklyuchaya Finlyandiuyu)* [Factory Enterprises of the Russian Empire (Excluding Finland)]. Petrograd: Tipografiya t-va pod firmoyu «Elektrotipografiya N.Ya.Stoikovoii» [Petrograd: Electrotypography N.Y.Stanovoy]. (in Russian)
- Ivanovskaya oblast': Administrativno-territorial'noe delenie po sostoyaniyu na 1 yanvarya 2001 g. [Ivanovo Region: Administrative and Territorial Division on January 1, 2001]. Ivanovo: Administratsiya Ivanovskoi oblasti [Ivanovo Regional Administration]. (in Russian)
- Kul'turno-prosvetitel'naya deyatelnost' v Rodnikovskom promyshlennom raione. Tovarishchestvo manufaktur Anny Krasil'shchikovoi s synov'yami v s. Rodnikakh Yur'evetskom uезде Kostromskoi gubernii (1913) [Cultural and Educational Activities in Rodniki Industrial District. Anna Kraslyshchikova's and Sons Company in Rodniki, Yuryevets District, Kostroma Province]. Moskva. (in Russian)
- Lenin V. (1971) *Razvitie kapitalizma v Rossii* [Development of Capitalism in Russia]. *Poln. sobr. soch.* T. 3. [Complete Works. Vol. 3.]. Moskva: Politizdat [Moscow: Politizdat]. (in Russian)
- Obshchestvo potrebitel'ei pri fabrike Tovarishchestva Volzhskoi manufaktury v s. Navoloki Kineshenskogo uезда Kostromskoi gubernii. Otchet za 10-i operatsionnyi god s 22 marta 1915 g. po 9 aprelya 1916 g. (1916) [The Society of Consumers at the Volga Factory in Navoloki, Kineshma District, Kostroma Province. Report for the 10th Operating Year from March 22, 1915 to April 9, 1916]. Kineshma. (in Russian)
- Otchet obshchestva potrebitel'ei pri fabrikakh Tovarishchestva manufaktury V., E. i A.Yasyuninskikh v s. Kohma za 1912 g. (1913) [The Report of the Society of Consumers at the Factories of V., E. and A.Yasyuninsky's Company in Kohma in 1912]. Vladimir. (in Russian)
- Otchet za 9-i operatsionnyi god s 6 aprelya 1914 g. po 21 marta 1915 g. pravleniya obshchestva potrebitel'ei pri fabrike Tovarishchestva Volzhskoi manufaktury v s. Navolokakh (1915) [The Report for the 9th Operating Year from April 6, 1914 to March 21, 1915 by the Board of the Society of Consumers at the Volga Factory in Navoloki]. Kineshma. (in Russian)
- Pashkov J.M. (1911) *Tovarishchestvo manufaktury A.Ya.Balina. Istoriko-statisticheskii ocherk. V pamyat' 25-letiya uchrezhdeniya Tovarishchestva* [Factory Partnership of A.Y.Balin. Historical and Statistical Essay. In memory of the 25th Anniversary of the Partnership]. Moskva. (in Russian)
- Petrov A.V. (1995) *Seredskaya zemlya* [Sereda Land]. Ivanovo: Polinform. (in Russian)
- Rabochie potrebitel'skie kooperativy v Rossii. 1961–fevral' 1917 g. Perechen' organizatsii (1990) [Workers Societies of Consumers in Russia. 1861–February 1917. List of organizations]. Moskva: Institut istorii SSSR AN SSSR [Moscow: Institute of History of the USSR]. (in Russian)
- Rossiya. *Entsiklopedicheskii slovar'* (1991) [Russia. An encyclopedic dictionary]. L.: Lenizdat.
- Sofronov V.D. (2012) *Rodniki istorii* [Springs of History]. Ivanovo: Listos. (in Russian)
- Svod pamyatnikov arkhitektury i monumental'nogo iskusstva Rossii. Ivanovskaya oblast'. Ch. 3. (2000) [The Set of monuments of architecture and monumental art of Russia. Ivanovo region. Vol. 3.] Moskva: Nauka [Publishing House Nauka]. (in Russian)
- Talanova O. (1997) *Yu.Fabrichno-zavodskie poselki Vladimirskoi gubernii kontsa XIX–nachala XX v.* [Factory settlements of Vladimir province in late 19th and early 20th centuries]. *Rozhdestvenskii sbornik. Vyp. IV* [Christmas Miscellany. Vol. IV]. Kovrov, pp. 93–98. (in Russian)
- Talanova O. (1998) *Yu.Zhilishchnye usloviya fabrichno-zavodskikh poselkov Vladimirskoi gubernii* [Housing conditions in the factory settlements of Vladimir province]. *Materialy kraevedcheskoi konferentsii* [Materials of the Local History Conference]. Vladimir, pp. 112–119. (in Russian)
- Tovarishchestvo manufaktury, osnovannyykh I.I.Skvortsovym (1913) [The Manufactory Partnership, Founded

- by I. I. Skvortsov]. Moskva. (in Russian)
- Tovarishchestvo manufaktur Ivana Konovalova s synom. 1812–1912. Kratkii istoricheskii ocherk (1912) [The Manufactory Partnership of Ivan Konovalov. 1812–1912. A Brief Historical Essay]. Moskva: Tipolitografiya brat'ev Menert [Moscow: Lithographic Printing House of the Brothers Menert]. (in Russian)
- Ulyanova G.N. (2002) Rossiya v nachale XX veka [Russia in the Early 20th Century]. Moskva: Novyi Khronograf [Moscow: New Chronograph Publishing House]. (in Russian)
- Ustav obshchestva potrebitel'ei pri fabrike V., E. i A. Yasyunskikh v s. Kohme Vladimirskoi gubernii Shuiskogo uezda (1911) [The Rules of the Society of Consumers at the Factory of V., E. and A. Yasyunsky in Kohma, Vladimir Province, Shuya District]. Vladimir. (in Russian)
- Vladimirskie gubernskie vedomosti (1902) [Vladimir's Provincial Vedomosti], no 12. (in Russian)
- Vladimirskie gubernskie vedomosti (1908) [Vladimir's Provincial Vedomosti], no 17. (in Russian)
- Vladimirskie gubernskie vedomosti (1914) [Vladimir's Provincial Vedomosti], no 16. (in Russian)

Села Южа и Бонячки Фабричный Моногородок в Позднеимпер- ской России

Аркадий Степанов

Введение

В современной России моногорода, то есть населенные пункты, некогда сложившиеся вокруг одного крупного предприятия, которое обеспечивало занятость существенной части населения, переживают не лучшие времена. Их градообразующие заводы или фабрики сокращают производство, а то и вовсе закрываются, оставляя без работы значительное число трудоспособных людей. Многие из подобных моногородов возникли в советское время в условиях экономики, чуждой принципам рынка, а подчас и здравого смысла; их судьба в XXI веке стала следствием допущенных тогда ошибок и просчетов. Однако в ряде случаев история таких городов более давняя: они возникли еще в XIX веке, эволюционировали из фабричных сел и на протяжении десятков лет демонстрировали стабильное развитие, подчас обгоняя по уровню благоустройства соседние города. Представляется актуальным проанализировать эту эволюцию и оценить ее результаты на момент национализации градообразующих предприятий в 1917–1918 годах.

Примерами таких фабричных сел, ставших городами в 1920-е годы, могут служить Вичуга и Южа, ныне расположенные в Ивановской области. Их история не раз уже привлекала внимание наших ученых: достаточно упомянуть многочисленные, хорошо фундированные труды ряда авторитетных краеведов [Балдин, 2002; Балдин, 2006; Семененко, 2014; Смирнов, 2019]. Они, равно как столичные и местные исследователи истории архитектуры [Ибрагимов и др., 2011; Симонович, 2018], рассматривают созидательную деятельность владельцев градообразующих предприятий рубежа XIX–XX веков как масштабную благотворительность. Наш подход отличается от представленной в этих работах концепции: мы рассматриваем «мироустроительные» усилия вичугских и южских фабрикантов не как проявление человеколюбия,

Степанов Аркадий Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент
Ивановского государственного универ-
ситета; Российская Федерация, 153025,
Ивановская область, Иваново, ул. Ер-
мака, д. 37.
E-mail: pastenovas@mail.ru

В статье изучается происходившая в позднеимперский период эволюция двух фабричных сел Верхневолжского региона России – Южи и Бонячек – в индустриальные «моногородки», то есть в населенные пункты, обладавшие рядом элементов урбанистической инфраструктуры и обязанные своим развитием расположенным в них крупным текстильным фабрикам. Автор работает со справочной и рекламной литературой 1890–1910-х годов и исследованиями отечественных и зарубежных авторов того периода. Обсуждаются возможные причины, побуждавшие владельцев градообразующих предприятий этих сел – представителей второго-третьего поколений предпринимательских династий Балиных и Коноваловых – на протяжении длительного времени настойчиво и системно вкладывать средства в такие социальные программы, как строительство жилья для рабочих и служащих своих предприятий, возведение и содержание там больниц, школ, народных домов, богаделен и иных подобных объектов. Примечательно, что социальные программы, реализуемые в обоих селах, носили преимущественно светский характер. Усилия фабрикантов были обусловлены отсутствием в населенных пунктах негородского типа коммерческой социальной инфраструктуры, а также органов муниципального управления, способных заниматься ее развитием. Свою роль сыграли также низкая производительность труда рабочих-текстильщиков и почти полное отсутствие у вчерашних крестьян навыков разумного распоряжения своими денежными доходами. Сочетание этих факторов вынуждало фабрикантов фактически брать на себя «попечение» о работниках своих предприятий, в том числе ценой удержания выдаваемой им на руки заработной платы на невысоком уровне и «перенацеливания» части ее фонда на социальные программы. С помощью системного и компаративного анализа предлагается оценка результатов этих программ. Автор заключает, что подобная политика текстильных компаний, решая текущие социальные проблемы фабричных сел, замедляла формирование в них промышленных рабочих эпохи модерна, способных самостоятельно обеспечивать свое существование в городской среде XX века.

Ключевые слова: фабричное село; соци-

мотивированного исключительно субъективными факторами, а как результат действия ряда объективных социально-экономических обстоятельств, которые диктовали именно такую стратегию поведения. Наша оценка результатов градоустроительных усилий «ситцевых королей» также не будет однозначно комплиментарной.

Основные направления градоустроительной деятельности фабрикантов

Село Южа, до 1918 года относившееся к Владимирской губернии, и село Бонячки (ныне г. Вичуга), числившееся тогда в Костромской губернии, имеют в своем развитии немало общих черт. Оба они до начала пореформенной индустриализации в России мало чем выделялись среди других негородских поселений Верхневолжского региона; оба в 1860-е годы стали местом размещения крупных текстильных фабрик и к 1917 году превратились в своеобразные моногородки, обязанные своей урбанизацией владельцам градообразующих предприятий – соответственно Балиным и Коноваловым. На протяжении более чем полувека два поколения семей промышленников обустроили жизнь обитателей Южи и Бонячек, все дальше отдаляя ее от патриархального деревенского уклада.

Фабриканты делали это, прежде всего, путем строительства возле своих предприятий комплекса социальных учреждений. На взгляд нашего современника, его состав выглядит логичным, почти естественным: общежития для рабочих и служащих, баня, фабричная лавка, школа, больница, библиотека, дом культуры... Однако следует учесть, что в городах России эти элементы социальной инфраструктуры стали «стандартом» только после 1917 года, да и то не сразу, и в то время выдавались за «достижения Советской власти». Для последней же трети XIX века, когда провинциальные фабриканты начинали возводить подобные объекты, такие непроизводственные расходы вовсе не представлялись обязательными. Куда более подобающим для богатых и успешных российских предпринимателей считалось в ту пору строительство церкви, что неизменно вызывало одобрение властей.

О храмах божьих «ситцевые короли» тоже не забывали, но приоритет явно отдавали социальным учреждениям светского характера. Так, первая каменная церковь при фабрике Коноваловых в Бонячках была перестроена из здания больницы [Т-во м-р Ивана Коновалова: Краткий исторический очерк, с. 49], тогда как жилье для текстильщиков, фабричное училище, харчевые лавки, баня и сама больница появились раньше и размещались в специально построенных зданиях. К 1904 году, когда Коноваловы закончили строительство нового храма, Свято-Воскресенской (Белой) церкви, список профинансированных ими социальных объектов насчитывал более десятка наименований. Одних «казарм» при фабрике имелось шесть, в том числе две трехэтажные; в них проживало около 2,5 тыс. человек [Т-во м-р Ивана Коновалова..., с. 61]. Более того, к моменту освящения Белой церкви в Бонячках Коноваловы закончили строительство реального училища в уездной столице, Кинешме, израсходовав на него 200 тыс. руб. Показательно, что и юбилей своего предприятия в 1912 году владельцы фабрики отметили вполне по-светски: к этой дате в Бонячках ввели в эксплуатацию новую больницу на 100 мест, а также родильный дом и ясли [Т-во м-р Ивана Коновалова..., с. 63–64].

Столь же иллюстративен и другой факт: будучи самыми крупными предпринимателями района, Коноваловы не пытались тягаться величиной построенной ими церкви с храмом, возведенным в соседнем селе в 1911 году другим местным фабрикантом, И. А. Кокоревым, – кафедральным собором Воскресения Христова (Красной церковью), звонница которого превзошла высотой колокольню Ивана Великого в Московском Кремле.

альная эволюция; текстильные фабриканты; Южа; Бонячки

Цитирование: Степанов А. В. (2021) Села Южа и Бонячки: фабричный моногородок в позднеимперской России // Городские исследования и практики. Т. 6. № 1. С. 37–49. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp61202137-49>

Не менее характерен пример села Южа. Там каменную церковь во имя св. апостола Асинкрита разместили на втором этаже фабричной богадельни [Пашков, 1897, с. 19]. Церковь освятили летом 1895 года, когда строительство первой очереди социальных объектов предприятия уже было завершено: в Юже к тому времени были возведены казармы, больница, родильный приют, училище, библиотека и даже почтово-телеграфная контора. Следующим крупным «городским» проектом Балиных, реализованным в Юже, стало также вполне светское учреждение – народный дом со зрительным залом на 1000 мест, введенный в строй в 1910 году [Т-во м-р А. Я. Балина..., 1912, с. 6].

Возможные мотивы градоустроительных усилий Балиных и Коноваловых

Большой научный и общественный интерес представляет проблема мотивов масштабных градоустроительных усилий текстильных фабрикантов. На наш взгляд, среди причин, побуждавших Коноваловых и Балиных десятки лет обустривать села типично городскими социальными учреждениями, менее всего следует искать религиозно-нравственные побуждения. По вежливой оценке современных теологов, на рубеже XIX–XX веков Русская православная церковь еще только «стояла перед задачей создания социальной доктрины» [Костюк, 2001, с. 116], вероятно, придерживаясь пока того мнения, что рай на земле не построить и заботиться надо не о телесном благополучии, а о спасении душ для жизни вечной. Призывая верующих к благотворительности, иерархи РПЦ часто имели в виду пожертвования на нужды церкви, а не на социальные проекты светского характера, отражающие наступавшую эпоху модерна.

Следует исключить и другую, казалось бы, ожидаемую причину: стремление фабрикантов облагородить, «цивилизовать» места своего проживания. Подобно большинству владельцев предприятий, размещавшихся в селах и небольших городах, ни Коноваловы, ни Балины не жили вблизи принадлежавших им фабрик; управление ими владельцы поручали наемным менеджерам, а сами селились в Москве. Неслучайно среди «фабрикантских» построек в Бонячках и Юже отсутствуют особняки самих фабрикантов (правда, есть их летние дачи).

Необходимость следовать букве закона также весьма слабо мотивировала «миро-

устроительную» деятельность предпринимателей. Российское фабричное законодательство начало складываться, по существу, лишь в 1880-е годы, но ни тогда, ни позже оно не требовало от нанимателей обеспечивать своих работников жильем или заботиться об их культурном досуге. В области же народного образования даже «Устав о промышленном труде», принятый в 1913 году и ставший высшим достижением дореволюционного трудового права, требовал лишь предоставить работающим подросткам возможность заниматься в школе не менее 3 часов в день (ст. 79). В деле охраны здоровья рабочих закон не шел дальше требования содержать при фабрике «приемный покой» (пункт оказания неотложной медпомощи) из расчета 1 койка на 100 занятых. Правда, лагуну общеимперского права отчасти восполняли местные власти: так, еще в 1892 году Владимирское губернское по фабричным делам присутствие приняло, а губернатор утвердил «Санитарное постановление», которое, в частности, обязало местных владельцев фабрик «оказывать рабочим бесплатную врачебную помощь – как первичную, так и дальнейшую госпитальную»; кроме того, на каждом предприятии с числом рабочих более 50 полагалось иметь «надлежащим образом устроенную баню» [Обязательное..., 1892, с. 21]. Очевидно, что реальная деятельность фабрикантов в сферах просвещения и здравоохранения выходила далеко за рамки требований закона.

Наконец, не следует всерьез рассматривать в качестве побудительной причины усилий фабрикантов в деле развития городской инфраструктуры и давление на них со стороны стачечного движения или хотя бы его угрозы. На фабриках в Бонячках и Юже забастовки происходили крайне редко. Такой хорошо осведомленный современник, как полковник Н. И. Воронов, который на рубеже XIX–XX веков 16 лет возглавлял Владимирское губернское жандармское управление, подчеркивал: «Рабочие на Южанской фабрике – народ деревенский, тихий, незнаком с социальным учением»; «с самого основания Южской фабрики никогда не возникали никакие недоразумения; рабочие пользовались льготами и преимуществами, которых лишены на других фабриках; администрация никаких неправильностей не допускала» [Воронов, 1907, с. 31–32]¹. Сходной оценки при-

1. Справедливости ради стоит отметить, что в 1905 году на фабрике в Юже все же были отмечены

держивается и анонимный автор исторического очерка о фабрике Коноваловых, изданного около 1912 года: «Необходимо отметить полное отсутствие прекращения работ по причине недовольствия заработной платой; даже в 1905 году фабрика не работала только три дня» [Т-во м-р Ивана Коновалова..., с. 50].

В качестве редкого примера «от обратного» укажем на забастовку, которая произошла 1–3 октября 1889 года в Юже: около 3 тыс. рабочих фабрики Балиных потребовали возобновить выдачу им наградных денег в размере 12–15% заработка, которые в тот год отменили. В Южу по осеннему бездорожью приехал фабричный инспектор; при его участии владелец предприятия согласился «единовременно выдать рабочим на чай 200 руб., от постоянной же прибавки решительно отказался» [Стачки, 1930, с. 114]. Очевидно, что «идти на поводу» у рабочих и соглашаться с их требованиями «благодетели Балины» не собирались: в вопросах социальной политики они действовали только по своей свободной воле. На следующий год Балины планировали пуск нового ткацкого цеха, число станков на предприятии за пару предстоящих лет должно было удвоиться [Высочайше..., 1896].

На наш взгляд, первая по времени причина деятельности фабрикантов, с годами преобразившей скромные села в «прото-городки», заключалась в том, что до начала их индустриализации в каждом из населенных пунктов отсутствовала какая бы то ни было социальная инфраструктура. Рассчитывать на то, что с появлением на селе крупного предприятия последняя сложится стихийно, повинувшись только законам спроса и предложения, не приходилось. Для того, чтобы в Бонячках или Юже возник свободный рынок доступного рабочим жилья, чтобы сюда устремились со своими товарами добросовестные купцы (а не одни лишь кабатчики), а тем более – появились ищущие заработка врачи и учителя, население этих промышленных центров должно было исчисляться десятками тысяч и работать на множестве крупных, средних и мелких предприятий. В условиях пореформенной России подобный прогресс занял бы десятки лет. Фабриканты такого запаса времени не имели; им приходилось «действовать на опережение», подменяя стихию рынка своей просвещенной волей. Чтобы ее реализовать, тек-

стильному предприятию приходилось держать не только штат работников основного производства, но и значительное число «непрофильных» труженников. Так, в 1896 году на фабрике в Юже работали (и жили в растущем селе), наряду с 1900 прядильщиками и ткачами, 200 строителей, 138 рабочих кирпичного завода, более 70 сторожей и конюхов, а также 139 служащих и «артельщиков» [Высочайше..., 1896].

Другая причина, по которой промышленники невольно становились создателями моногородков, заключалась в правовом положении этих населенных пунктов. Официально они не считались даже «посадами» (а село Южа не имело и статуса волостной «столицы»: оно относилось к Мугреевской волости Вязниковского уезда), поэтому не обладали органами муниципального управления – городскими думами и управами, которые могли бы взять на себя часть забот по развитию социальной инфраструктуры. Не занимались этим и уездные земства, возможно, считая, что в богатых селах есть кому позаботиться об их обустройстве. При этом взимать с предприятий внушительные и постоянно растущие земские сборы они не забывали [Т-во м-р А. Я. Балина, 1912, с. 35; Т-во м-р Герасима Разоренова, 1913, с. 29].

Однако самой главной причиной социальной (и градоустроительной) активности фабрикантов надо признать низкую производительность труда рабочих российских текстильных предприятий [Шульце-Геверниц, 1901, с. 95–98; Бородин, 1916, с. 203]. У нас нет возможности рассматривать здесь истоки этой вечной проблемы отечественной промышленности. Достаточно указать, что решать ее администрация фабрик практически не пыталась, смирившись с тем, что в их цехах один ткач «обслуживал» не больше пары станков и подчас не знал, чем себя занять в то время, когда работа машин не требовала его вмешательства. Следует отметить лишь два обстоятельства, одинаково важных для развития околорабочих сел: в силу низкой производительности труда численность работников градообразующего предприятия неизбежно оказывалась весьма значительной (по данным на 1914 год, 5300 человек – на фабрике в Юже, 6200 человек – в Бонячках [Кандауров, 1914]), а заработок каждого из них – довольно скромным (в 3–5 раз ниже зарплаты тек-

две однодневные забастовки, а также один случай «волнений» рабочих. Волнения текстильщиков происходили там и в сентябре 1907 года [Дианова и др., 1928, с. 22, 28, 57, 79–82].

стильщиков в Англии или США) [Шульце-Геверниц, 1901, с. 98, 109]. К тому же рос он крайне медленно: по оценке современных исследователей, реальная зарплата фабричных рабочих в России выросла в период с 1880-х годов до 1914 года всего на 10–20% [Мионов, 2015, с. 192].

Два эти обстоятельства в сумме приводили администрацию фабрик к неизбежной стратегии поведения в социальной сфере: не распылять скромный фонд заработной платы копеечными прибавками каждому работнику², а удерживать существенную его часть в руках мудрых директоров-распорядителей и расходовать ее на цели, которые достижимы только единовременным грамотно просчитанным вложением крупных сумм: на постройку школ, больниц, родильных приютов, расширение жилого фонда и т. п. В результате такого финансового маневра фабричные села стабильно прирастали элементами городской социальной инфраструктуры (а содержатели местных трактиров подсчитывали недополученную прибыль).

Подобная патерналистская стратегия диктовалась и еще одним обстоятельством: практически никто из текстильщиков Южи и Бонячек не имел навыков жизни в иных, чем деревня, населенных пунктах. Рабочие, в частности, не умели разумно расходовать свой денежный заработок, удерживаясь от неумеренных трат на сиюминутные удовольствия – спиртное и табак. Не было никаких разумных оснований полагать, что такие «протогорожане» (зачастую элементарно неграмотные) своим умом дойдут до необходимости откладывать деньги на лечение, на школу для детей, да просто на старость – или возьмут в банке кредит на строительство собственного дома. Фабричная администрация исподволь воспитывала в рабочем горожанина: предлагала ему стать пайщиком сбытового кооператива, вносить излишки денег в ссудно-сберегательную кассу, приобретать в рассрочку жилье, проводить досуг способами, отличными от «развлечений кабацкого пошиба».

При поиске причин градоустроительной деятельности фабрикантов нельзя исключать и влияния чужого опыта. К тому времени, когда Балины и Коноваловы столкнулись с необходимостью решать социальные вопросы, другие промышленники уже нашли на них ответы. Фабричные общежития-казармы, училища, больницы

и иные социальные объекты в XIX веке были спутниками индустриализации во многих центрах развития легкой промышленности центра России – в городах (Москва, Тверь) и фабричных селах (Орехово-Зуево, Богородск) [Бухаренкова, Морозова, 2020]. Этот опыт популяризировала пресса – как газеты деловых кругов («Биржевые ведомости»), так и издания архитектурной общественности (журнал «Зодчий»). Народные дома как средство отвлечь «мастеровых» от пьянства пропагандировало Министерство финансов, не желавшее мириться с обвинениями в спаивании народа, которые стали звучать с введением на исходе 1890-х годов казенной винной монополии.

Условия реализации градоустроительных программ фабрикантов

Анализ «мироустроительной» деятельности промышленников Верхнего Поволжья не будет полным без указания на ряд обстоятельств, которые ей благоприятствовали, делая волю фабриканта-демиурга вполне свободной. Например, владельцу фабрики принадлежала не только территория самого предприятия, но и многие десятины окрестных земель. Так, в собственности Балиных имелось 9 тыс. гектаров недвижимости [Семененко, 2014, с. 130]; вичугские фабриканты Коноваловы и Кокоревы к 1917 году владели 55 тыс. гектаров земли в Кинешемском уезде [Миндовский, 1919, с. 46]. При необходимости границы владения всегда можно было расширить покупкой новых «дач»: земля в Нечерноземье стоила не так уж дорого. Ее дешевизна, в свою очередь, позволяла расселять многолюдный коллектив фабрики самым доступным способом: строить поблизости от нее поселки из одноэтажных бревенчатых домов. Таким путем пошли, например, Коноваловы: вокруг их фабрики в Бонячках в 1900-е годы возникли поселки Сашино (120 домов для рабочих) и Серезино (в нем селились служащие предприятия и «низший медицинский персонал» фабричной больницы) [Т-во м-р Ивана Коновалова: Краткий исторический очерк..., с. 62].

Следует отметить, что по современной терминологии поселки застраивались типовыми домами; для России начала прошлого века это тоже было но-

2. Например, на фабрике Коноваловых в 1912 году фонд заработной платы составлял 10,9% от годового объема продукции (подсчитано по: [Т-во м-р Ивана Коновалова: Краткий исторический очерк, с. 59–60]).

РИС. 1. Дома в бывшем поселке Сашино. Современное состояние

Источник: автор снимков – пользователь Merlu (valuh). <https://ru-woodarch.livejournal.com/368664.html>.

винкой. Так, в Сашино имелось 22 дома площадью 45 кв. метров и стоимостью 1200 руб., 24 дома площадью 36,5 кв. метра (1100 руб.) и, наконец, 74 дома такой же площади, но крытых не железом, а дранкой; в этом случае их цена не превышала 750 руб. Дома разной цены украшались наличниками трех соответствующих стандартных типов. По своей конструкции дома были характерны как для русского города, так и для села: обшитый тесом бревенчатый сруб в три окна по фасаду под двускатной кровлей и с печным отоплением. Очевидно, что у советских архитекторов-дезурбанистов 1920-х годов, создававших типовые проекты малоэтажного жилищного строительства, в недавнем прошлом имелись успешные предтечи.

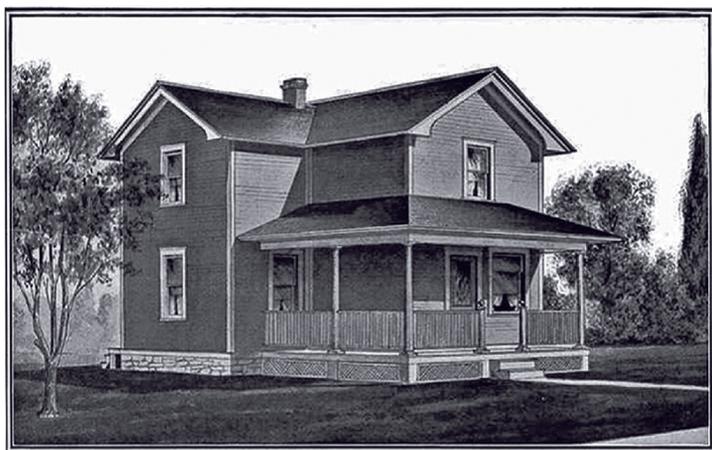
Придомовые участки в поселке Сашино имели площадь более 500 кв. метров, этого было достаточно, чтобы разбить сад и огород. Предполагалось, что жители этих усадеб, считавшиеся арендаторами, в течение 12 лет выплатят фабрике их стоимость и станут собственниками.

В Юже уже к 1896 году в составе фабричного жилого фонда имелось не только 5 казарм-общежитий, но и 10 домов для служащих предприятия, а также 70 домов для рабочих с приусадебными участками площадью по 600–800 кв. метров [Высочайше..., 1896, с. 24]. Выражая благодарность Н. А. Балину за их постройку, фабричный врач Н. В. Сперанский утверждал, что она ведется «ради сохранения нравственных и семейных начал и здоровья» южских рабочих [Пашков, 1897, с. 22], косвенно намекая на то, что их жизнь в казармах всему перечисленному не способствовала. Администрация фабрики также оценивала свой эксперимент положительно: «Столь успешный рост этой слободки указывает на стремление рабочих к устройству жизни особняком, с обзаведением

своим небольшим хозяйством и огородом» [Высочайше..., 1896, с. 24]. Правда, решать «квартирный вопрос» подобными темпами пришлось бы долго: в 1896–1897 годах на фабрике Балиных трудилось порядка 150 служащих и более 2 тыс. рабочих.

Между тем сравнительный подход к фабрикантским программам индивидуального жилищного строительства может привести к неожиданному выводу: дома, построенные из «хозяйского» леса и с помощью недорогой местной рабочей силы, оказываются не столь уж дешевыми. В самом деле: в те же самые 1900-е годы в США торговая сеть Sears & Roebuck начала продажу готовых комплектов для возведения индивидуальных коттеджей. Как и в России, эти дома строились из дерева; они отапливались печами (угольный котел и водяное отопление предлагались за дополнительную плату) и не требовали подключения к канализации. Вот как выглядел один из таких продуктов машинной индустрии и сколько он стоил (1 доллар тогда обменивался на 2 руб.):

Sears & Roebuck честно предупреждала покупателей, что с учетом расходов на сборку дома он обойдется в 1171 доллар. Но за эти деньги заказчик получал двухэтажный коттедж с кухней, столовой, ванной и тремя спальнями на втором этаже. В цену комплекта (652 долларов, или 1300 руб.) входил не только полный набор «столярки», включая кедровую кровельную дранку и кипарисовый сайдинг, но и краска для наружных и внутренних работ из расчета на два слоя. Площадь каждого этажа дома составляла 68 кв. метров. На фоне такого предложения избушки в Сашино за 550–600 долларов уже не кажутся «аттракционом неслыханной щедрости»: вичугский рабочий

MODERN HOME №. 159

РИС. 2. Каталог «современных домов» компании Sears & Roebuck (США), 1912

Источник:
<http://www.searsarchives.com/homes/1908-1914.htm>.

накопил бы на домик при фабрике Коноваловых за 50 месяцев, а его американский современник и коллега, прельстившийся № 159 из каталога Sears & Roebuck, — за год [Бородин, 1916, с. 240]. Даже по ценам Иваново-Вознесенска тех лет бесхитростный домик в Сашино выглядит непомерно дорогим: издававшаяся в «Русском Манчестере» газета в 1913 году предлагала комплектный («готовый к постройке») сруб дома площадью 50 кв. метров (правда, скорее всего, уже не новый) всего за 650 руб. [Степанов, 2017, с. 53].

Еще одно обстоятельство, облегчавшее промышленникам роль свободных творцов своего «нового мира» вокруг фабрики, заключалось в почти полном отсутствии контроля со стороны коронной администрации. Лишь изредка власть предержащие вмешивались в частнокапиталистическое социальное творчество. Зато когда у чиновников доходили руки до подобной работы, границам их рвения не было предела. Например, уже упомянутое «Обязательное санитарное постановление» Владимирского губернатора от 1892 года предписывало строить при фабриках жилые помещения из расчета не менее 1 куб. сажени (9,3 куб. метра) пространства на каждого жильца, «включая малолетних»; иметь нары для сна длиной не менее 2,1 метра, шириной 90 сантиметров, перегородки между отдельными спальными местами делать высотой 4 вершка (17,6 сантиметра), а проход между рядами оставлять шириной 71 сантиметр [Обязательное..., 1892, с. 23]. Впрочем, эти спартанские нормы не были продуктом самодеятельности владимирских чиновников. Фабричный инспектор А. Н. Быков (выступал в печати под псевдонимом Ф. Павлов), знакомый с порядками на многих предприятиях России

\$652⁰⁰

For \$652.00 we will furnish all the material to build this Six-Room Two-Story House, consisting of Lumber, Lath, Shingles, Mill Work, Ceiling, Siding, Flooring, Finishing Lumber, Building Paper, Pipe, Gutter, Sash Weights and Painting Material. NO EXTRAS, as we guarantee enough material to build this house according to our plans.

By allowing a fair price for labor, cement, brick and plaster, which we do not furnish, this house can be built for about \$1,171.00, including all material and labor.

For Our Offer of Free Plans See Page 3.

THIS house is well arranged, having no waste space. Has six good size rooms, well lighted and ventilated with large windows. Is suitable for suburban or country home and has been frequently built in large numbers, proving to be a very good investment. It rents well, as it is practically two full stories high and of good appearance. It has a large front porch, 33 feet 6 inches long, with Colonial columns.

First Floor—Parlor with staircase leading to second floor. Cased openings from parlor to dining room. Has a large front window facing the street. Dining room and kitchen are of good size.

Second Floor—Has three good size bedrooms, three closets and bathroom.

1880-х годов, утверждал, что норматив объема спальных корпусов «по кубу на человека» применялся повсеместно [Павлов, 1901, с. 33].

(Заметим, что при всей скудости таких норм обеспечения рабочих хозяйским жильем, фабричные казармы использовались по своему первоначальному назначению еще многие десятилетия после «пролетарской революции» 1917 года, часто называясь при этом в неофициальном обиходе именами прежних владельцев предприятий. Нельзя также не учитывать, что покинутая ради жизни при фабрике деревенская изба не превосходила казарму своим комфортом, что плата за ночлег в хозяйском «спальном корпусе» взималась ничтожная, наконец, что условия жизни на съемных квартирах, сдаваемых рабочим местными жителями, были не лучше казарменных. Фабриканты А. Ф. Морокин и К. С. Красильников, называя в своей брошюре требование «куб на человека» завышенным, грозили отстаивавшим его чинам фабричной инспекции: «Это правило оставит без хлеба тысячи рабочих и пошлет их жить в таких помещениях, где иной раз не хватит на душу и ¼ кубической сажени» [Морокин, Красильников, 1894, с. 71]).

Наконец, свободу творчества промышленников в таких моногородах, как Бонячки и Южа, не ограничивало соперничество с коллегами-предпринимателями. По авторитетному свидетельству уже упомянутого жандармского офицера Н. И. Воронова, между фабрикантами, чьи предприятия располагались в одном населенном пункте, наблюдалась «рознь, даже антагонизм, особенно заметный тогда, когда от них требуется какое-либо действие, успех которого целиком зависит от общего соглашения. Здесь каждый из них становится особняком, игнорирует мнения и желания других и преследует свои чисто эгоистиче-

ские цели» [Воронов, 1907, с. 52]. В Бонячках или Юже подобной розни не возникало, тогда как, например, Иваново-Вознесенск, где в начале XX века работали несколько десятков крупных текстильных предприятий, в каких-то аспектах уже начинал уступать молодым фабричным селам по уровню своего обустройства: нехватку мест в его «чернорабочей» больнице, наблюдавшуюся до 1910-х годов, пришлось возмещать Шуйскому уездному земству, а народный дом ивановские промышленники до 1917 года так и не построили.

Разумеется, финансовой основой созидательной деятельности фабрикантов служила прибыль, которую давало их производство. В сравнении с нею расходы на социальные нужды выглядели довольно скромно. Так, в 1896 году предприятие Коноваловых реализовало готовых тканей более чем на 2 млн руб., а «сурового товара» продало местным ситцепечатным фабрикам еще на 1 млн руб. [Торгово-промышленная..., 1896, с. 26–27]. На этом фоне расходы, например, на содержание больничных учреждений – 5 тыс. руб. в год – не представляются слишком значительными. К 1912 году дело Коноваловых существенно разрослось: «Товарищество» реализовало продукции на 11 млн руб. Расходы на принадлежавшие предприятию учреждения здравоохранения выросли куда значительнее, достигнув 60–75 тыс. руб. [Т-во м-р Ивана Коновалова..., с. 74], но все еще отставали от оборота компании на три порядка. Фабрика Балиных в 1896 году потратила на свои медучреждения 8 тыс. руб., на двухклассное училище – 3 тыс. руб. [Высочайше..., 1896, с. 20–22]; в сумме это составило примерно 2% фонда заработной платы. Разумеется, здесь указаны лишь текущие расходы; постройка зданий и их оснащение обходились гораздо дороже.

Системный анализ причин коммерческого успеха вичугских и южских фабрикантов свидетельствует, что их собственный вклад в это достижение был не столь велик, как это иногда представляют нынешние исследователи, особенно из числа краеведов. Вряд ли можно считать заслугой Балиных, Коноваловых, Кокоревых и Ко то уникальное сочетание внутренних и международных факторов, которое сложилось в пореформенное время.

Начиная с 1860-х годов население Российской империи – и без того самой многолюдной страны Европы – стабильно росло, причем невиданными ранее темпами: на рубеже XIX–XX веков оно увеличива-

лось на 2–2,5 млн в год. Это служило надежной гарантией будущего возврата полученных Россией иностранных инвестиций, которые успешно возмещали нехватку свободного национального капитала. При этом сами инвестиции приходили в страну в «наиболее усвояемой» форме – в виде отработанных технологий, испытанного ассортимента изделий, апробированных способов организации производства и сбыта. В начале «первой индустриализации» 1860–1870-х годов корпуса русских фабрик строились не только по английским чертежам, но и с применением английских конструктивных материалов (чугунных колонн, балок, лестниц). Всегда можно было пригласить на работу в Россию иностранных специалистов – управляющих, технологов, механиков, мастеров цеха. Русским промышленникам не требовалось «изобретать велосипед» – им предлагались готовые решения, которые следовало лишь адаптировать к местным условиям (например, к неразвитой дорожной сети, медленному обороту товаров и денег, ярмарочной форме оптовой торговли, низкой квалификации рабочей силы и ее текучести).

В России уже не одно десятилетие развивался внутренний рынок высокотехнологичных потребительских товаров, к которым тогда относился текстиль машинной выработки, решительно вытеснявший домотканое полотно еще в первой половине XIX века. Свободные располагаемые средства отдельного россиянина были по европейским меркам невелики, но, будучи умноженными на восьмизначную численность населения страны, они давали местным производителям хороший шанс сбыта своих изделий. Если этого рынка для отечественного текстиля оказывалось недостаточно, в эксклюзивной экономической зоне Российской империи находились еще азиатские территории: Бухара, Хива, Манчжурия, Северный Иран. При этом русский рынок – по крайней мере, рынок дешевой «народной» мануфактуры – надежно защищали от иностранной конкуренции высокие таможенные пошлины на импортные хлопчатобумажные ткани.

Невероятным по современным стандартам ВТО представляется тот факт, что русские протекционистские тарифы на европейский текстиль не мешали ввозу из-за рубежа широкого ассортимента промышленного оборудования, причем всегда – в кредит. На отечественных фабриках устанавливались и работали паровые котлы производства компании Babcock & Wilcox

(США) или ее британского филиала, швейцарские паровые машины Gebrüder Sulzer (такой паровик мощностью 1650 л. с., например, стоял на фабрике в Бонячках), английские ткацкие станки и ситцепечатное оборудование от Mather & Platt (встречались повсеместно), динамо-машины немецкого гиганта Siemens & Halske и его заокеанских конкурентов General Electric Co. и Westinghouse Electric Corporation, дизельные двигатели завода MAN из Аугсбурга, американские системы автоматического пожаротушения Grinnell (ее «технологическая башня» и сейчас возвышается над Южей). Несмотря на развитие хлопководства в туркестанских владениях России, до 1914 года продолжался ввоз в страну импортной пряжи; неизменными расходными материалами в производстве ситца и сатины служили отбеливатели и красители из Германии. Даже для того, чтобы устроить на вичугском предприятии артезианский колодец, приглашались специалисты из находившейся в Петербурге англо-немецкой «конторы» Людвиг Кноппа.

В таких условиях от отечественных «ситцевых королей» не требовалось сверхъестественных предпринимательских талантов. Для успеха своего дела им достаточно было не совершать грубых ошибок – например, не пытаться выпускать тонкие шелковые или шерстяные ткани, рынок которых в России был узок, а покупатель – разборчив. Семейное владение компаниями, имевшими форму закрытых акционерных обществ («товариществ» – по тогдашней терминологии), избавляло их владельцев не только от необходимости публичной отчетности, но и от некомпетентного вмешательства в дела управления со стороны миноритарных акционеров. Разветвленные связи родства и свойства в предпринимательских семьях облегчали взаимный обмен опытом и кадрами, а при необходимости и финансовую поддержку. Реализация социальных программ фабрикантов не встречала сопротивления их наследников, хотя бы те и считали ее расточительной: по российским законам последние не имели права оспаривать действия потенциальных наследодателей, пусть даже они грозили уменьшить причитающуюся им по наследству долю.

На успех текстильных магнатов «работала» и вся история дореформенной России. Вековое воздействие сурового отечественного климата сделало русского человека терпеливым, готовым довольствоваться малым. Крепостное право XVIII – первой половины XIX века выработало у большин-

ства народа привычку подчиняться воле барина, не пытаться строить жизненные планы далее самого ближайшего времени. Господство натурального хозяйства заставляло простолюдина радоваться любому, даже мизерному, денежному доходу – особенно с учетом стабильности розничных цен. Фабричный строй труда и быта, внешне столь далекий от сельского, оказался в целом совместимым с ним: не слишком интенсивный труд на механической фабрике (и соответствующая скромная зарплата) сочетался с привычной работой на приусадебном участке, а то и на собственном земельном наделе, а доморощенная продукция дополняла бюджет семьи.

Очевидно, что такое благополучие не могло продолжаться бесконечно. Бурный рост населения страны при сохранении низкой производительности общественного труда и ничтожной эмиграции рано или поздно должен был обернуться печальными последствиями. Успехи школьного образования в промышленных центрах побуждали все большую часть фабричной молодежи задумываться о своей нынешней и будущей жизни: «дети» 1900-х годов уже не всегда мирились с пребыванием в казармах, где за четверть века до этого начинали свой путь на фабрике их «отцы». Гадать о том, нашли бы отечественные бизнесмены и государственные мужи выход из грозящего исторического тупика, бесполезно. Переворот 1917 года и последующие события положили конец демографическому взрыву в России, а сложившаяся на рубеже 1920–1930-х годов советская система социального менеджмента (медленное, но неуклонное повышение уровня жизни в сочетании с массовой пропагандой и репрессивным гнетом) позволила надолго отложить решение коренных социально-экономических проблем.

Заключение

Однозначную оценку социальным и градостроительным усилиям текстильных магнатов в Бонячках и Юже дать, вероятно, нельзя. Людям Серебряного века – например, просвещенным современникам из числа администрации предприятий – успехи урбанизации этих сел казались значительными. «Если судьба забросит и вполне интеллигентного человека в эту отдаленную местность, – утверждал в 1897 году служивший на Южской фабрике бухгалтер Я. М. Пашков, – то он не заглохнет в ней и не будет чувствовать себя отрезанным от мира, а, напротив, встретит

там общество людей с высшим образованием» [Пашков, 1897, с. 6]. Через 15 лет еще более авторитетный свидетель – директор фабрики Балиных Н. Н. Алянчиков, уже успевший поработать на предприятиях других районов России, – утверждал, что общее благоустройство Южи «заставляет забывать, что живешь не в городе» [Т-во м-р А. Я. Балина, 1912, с. 15–16]. Оценок, данных современниками-рабочими, особенно теми, кто жил в фабричных казармах, мы, вероятно, уже не услышим.

С высоты наших представлений о том, каким должен быть промышленный город эпохи модерна, результаты усилий Коноваловых и Балиных могут показаться скромными. К 1917 году, после 50–60 лет бескризисного развития, Бонячки и Южа все еще не обзавелись мостовыми и тротуарами, водопроводом и канализацией, уличным освещением и электроснабжением, жилыми домами секционной (а не коридорной) планировки. Расползание фабричных сел вширь за счет строительства все новых «слободок» и «колоний» грозило в будущем еще больше затруднить обустройство инфраструктуры этих населенных пунктов. Например, даже в 1930 году, когда Южа уже пять лет как стала городом и один год – районным центром, в ней лишь четверть всех улиц имели твердое покрытие, а длина тротуаров (по большей части деревянных) почти в 30 раз уступала протяженности улиц и проездов [Семененко, 2014, с. 128].

Однако такая скептическая оценка усилий фабрикантов нарушает принцип историзма: перечисленных примет урбанизации, в те годы нормальных для Западной Европы, недоставало на заре XX века и куда более старым и крупным городам России. Сама Москва оставалась бревенчатой и малоэтажной «большой деревней» буквально до 1950-х годов [Степанов, 2017, с. 25]. Строительство полувеком ранее в сельской глуши «англизированных» минигородов грозило бы стать неподъемным финансовым бременем даже для успешных предприятий, а жизнь в «каменных джунглях» могла показаться выходцам из сел и деревень психологически невыносимой.

Возможно, справедливее будет упрекнуть Балиных и Коноваловых в том, что многолетняя практика попечения о рабочих со стороны администрации их предприятий мало способствовала превращению вчерашнего крестьянина в горожанина индустриального века, способного самостоятельно идти по жизни. Более того, патерналистская модель, по которой

в фабричных селах строились отношения работника и нанимателя, формировала у первых социальное иждивенчество, уверенность в том, что «хозяин и поселит, и накормит, и работу даст, и развлечет». Корни такой ментальности создателей и обитателей моногородков поздней имперской России бесхитростно обнажил все тот же Н. И. Воронов, который мечтал: «Если б гг. хозяева уделяли больше своего внимания к положению рабочих и приняли на себя роль попечителей над ними, как в старые времена относились добрые помещики к своим крестьянам, то можно с уверенностью сказать, что рабочие не поддавались бы на неразумные действия, и массе беспорядков положен был бы конец» [Воронов, 1907, с. 70–71] (курсив наш. – А.С.). Современные исследователи отмечают черты социального иждивенчества и в психологии русских крестьян рубежа XIX–XX веков, проявившиеся, например, при получении ими правительственной продовольственной помощи («царского пайка») после неурожая 1891 года [Давыдов, 2016, с. 120–121].

Так формировался «фабричный город по-русски», населенный не самодостаточными бюргерами, а малоквалифицированными наемными работниками (вчерашними крепостными или их ближайшими потомками), стремящимися переложить заботы о себе на плечи «добротного барина» и готовыми довольствоваться скромными благами полугородской жизни. При этом набор подобных благ и очередь на их получение определял все тот же хозяин; лишь ему было дано решать, что важнее: построить новый спальный корпус или завести при фабрике самодеятельный театр с профессиональным режиссером.

Однако и с таким выводом спешить не следует. История поставила поучительный эксперимент. Недалеко от Южи, в Нижегородской губернии, находилось село Павлово, издавна населенное кустарями-ремесленниками, мастерами выделки металлических изделий. До 1917 года там не было никаких градообразующих предприятий-монополистов, а всеми делами села заведовали сами его жители, используя инструменты, данные им реформой 1861 года, – волостного старшину и волостное правление. В Павлове не встречались казармы и каморки: кустари обитали в собственных домах усадебного типа. Но за этим исключением вся остальная жизнь павловчан показалась бы южским текстильщикам незавидной: в 1906 году, работая у себя на дому по 16–18 часов

в сутки, павловские слесари зарабатывали 36–57 коп. в день [Савич, 1906, с. 44], тогда как на фабрике Балиных уже в 1896 году 58 коп. составляли среднюю зарплату текстильщика за 9-часовой рабочий день [Высочайше..., 1896, с. 15]. На фабрике Коноваловых в Бонячках в 1912 году средняя дневная заработная плата составляла 69 коп. [Т-во м-р Ивана Коновалова: Краткий исторический очерк, с. 59–60]³. При этом жители Павлова платили государственный поземельный налог (пусть и мизерный), а также сборы в пользу уездного земства и взносы в фонд своего сельского общества [Савич, 1906, с. 16–17]. Училища и больницу в Павлове содержали в складчину сельское общество и уездное земство, полицию и жандармов – одно сельское общество [Савич, 1906, с. 108]. Никаких подобных расходов жители моногородков не знали. Народного дома в Павлове, естественно, не имелось.

Так или иначе, унаследованная от прежних времен привычка многих жителей дореволюционных фабричных сел полагаться на мудрую и всевластную внешнюю мироустроительную силу в 1920-е годы станет одной из основ новой советской городской культуры [Пивоваров, 2001].

Источники

- Бородин Н. А. (1916) Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия. Петроград: Якорь.
- Балдин К. Е. (2002) Вичугская сторона. Иваново.
- Балдин К. Е. (2006) Феномен фабричного поселка в дореволюционной России на примере Южи // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 1. Иваново-Южа.
- Бухаренкова О. Ю., Морова О. В. (2020) Формирование Орехово-Зуево как городского конгломерата в контексте модернизационных процессов России начала XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». № 2. С. 111–123.
- Воронов Н. И. (1907) Записки о событиях Владимирской губернии. Владимир: Типолитография Владимирского губернского правления.
- Высочайше утвержденное Товарищество мануфактуры Асигкрита Яковлевича Балина при селе Юже Владимирской губернии: Ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде (1896) Вязники: Типолитография С. К. Матренинского.
- Давыдов М. А. (2016) Двадцать лет до великой войны. Российская модернизация Витте–Столыпина. 2-е изд. СПб.: Алетейя.

3. Пересчитано нами по опубликованным годовым показателям; число рабочих дней в году принималось (на основе закона 1897 г.) за 288, хотя фактически, вероятно, было меньше за счет местных праздников.

- Дианова М. К., Луговский И. И., Фирсов И. П. (ред.) (1928) Стачки в Иваново-Вознесенском районе. 1905–1916 годы. Иваново-Вознесенск.
- Ибрагимов А. М., Кишкович Е. М., Иванова А. А. (2011) Анализ градостроительной ситуации г. Южи и концепции его развития // Жилищное строительство. № 10. С. 13–16.
- Кандауров Д. П. (1914) Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). 2-е изд. Петроград.
- Костюк К. Н. (2001) Возникновение социальной доктрины Русской православной церкви // Общественные науки и современность. № 6. С. 114–131.
- Миндовский В. (1919) Вичугская фабричная старина: Бытовые очерки и заметки // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. XIII. Кострома. С. 39–64.
- Миронов Б. Н. (2015) Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. СПб.: Дмитрий Булавин.
- Морокин А. Ф., Красильников К. С. (1894) Наша фабрично-заводская промышленность и ее недоброжелатели перед судом правды. М.: Типолитография В. Рихтер.
- Обязательное постановление Владимирского губернского по фабричным делам присутствия о мерах охранения жизни, здоровья и нравственности рабочих, а также оказания им врачебной помощи на фабриках, заводах и мануфактурах (1892) Владимир: Типолитография В. А. Паркова.
- Павлов Ф. (1901) За десять лет практики (Отрывки воспоминаний, впечатлений и наблюдений из фабричной жизни). М.: Типолитография В. Рихтер.
- Пашков Я. М. (1897) Описание торжества чествования директора-распорядителя Товарищества А. Я. Балина Николая Асигкритовича Балина. На память. Вязники: Типолитография С. К. Матренинского.
- Пивоваров Ю. Л. (2001) Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. № 6. С. 101–113.
- Савич Г. Г. (1906) К вопросу о мелкой земской единице: село Павлово и его общественное устройство. СПб.: Типография МВД.
- Семенов А. М. (2014) Город Южа в конце 1920-х годов // Пожарский юбилейный альманах. Вып. № 8. Иваново-Южа. С. 128–131.
- Симонович О. О. (2018) Развитие малых городов России как фактор формирования новых архитектурно-пространственных решений конца XIX – начала XX века // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 23. С. 195–202.
- Смирнов М. В. (ред.-сост.) (2019) Вичуга: город белых колонн. Иваново: И. Д. Иваново-Вознесенск.
- Стачки (1930) Стачки 1881–1895 годов: Сборник документов / Матасова Ф. Г. (подгот. к печ.). М.: Гострудиндат.
- Степанов А. В. (2017) Повседневная жизнь в городах России на рубеже XIX–XX веков. 2-е изд., испр. и доп. Иваново.
- Товарищество мануфактур А. Я. Балина: Описание празднования 25-летия учреждения Товарище-

ства. 1885. 31 мая 1910 (1912) М.: Типолиитография Товарищества И.И. Кушнерев и Ко.

Товарищество мануфактур Герасима Разоренова и Ивана Кокорева в Кинешемском уезде Костромской губернии (1913) Кострома.

Товарищество мануфактур Ивана Коновалова с сыном. 1812–1912 г. (Б. г.) Москва: Типолиитография братьев Менерт.

Товарищество мануфактур Ивана Коновалова с сыном: Краткий исторический очерк (Б. г.) Москва: Типолиитография братьев Менерт.

Торгово-промышленная деятельность фирмы Ивана Александровича Коновалова. 1812–1896. (Историко-статистический очерк) (1896) Москва: Типолиитография Н.И. Куманина.

Шульце-Геверниц Г. (1901) Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. СПб; М.: Издание магазина «Книжное дело».

VILLAGES OF IUZHA AND BONIACHKI: A One-Company Factory Town In Late Imperial Russia

Arkadii V. Stepanov, PhD in History, Associate Professor, Ivanovo State University; 37 Ermaka Street, Ivanovo, 153025, Russian Federation. E-mail: pastenovas@mail.ru

Abstract. This study focuses on the evolution of two “factory villages” in the Upper Volga area of late Imperial Russia—Iuzha and Boniach’ki—into “industrial one-company towns”, i.e. into communities with some elements of urban infrastructure owing the growth of local textile mills. It is based on reference and PR publications issued between 1897 and 1913 and contemporary essays of Russian and non-Russian authors. Possible reasons behind the long-term and systemic efforts of industrialists belonging to the second and third generations of the Balin and Konovalov families to provide their factory workers with housing, schools, hospitals, recreation facilities, and retired workers’ homes are discussed. Among the possible motives for these activities are the absence in both communities of either market-oriented social infrastructure or municipal authorities able to run welfare facilities. The combination of two other factors: the low labour productivity of textile workers, who were mostly of peasant origin, and their inexperience in dealing with their incomes were also significant. This combination turned factory owners into “guardians” of their employees, in part by keeping wages relatively low and re-directing part of the salary funds toward welfare programs. Systemic and comparative-based approaches are used to assess the results of the latter. The author’s finding is that while such efforts helped ease some problems of the growing factory villages, in the long run they slowed the emergence of a modern factory worker able to independently support his/her existence in a 20th-century urban milieu.

Keywords: factory village; social evolution; Russian industrialists; Iuzha; Boniach’ki

Citation: Stepanov A. (2021) Villages of Iuzha and Boniachki: A One-company Factory Town in Late Imperial Russia. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 1, pp. 37–49. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp61202137-49>

References

- Baldin K.E. (2002) Vichugskaia stonona [The Vichuga Area]. Ivanovo. (in Russian)
- Baldin K.E. (2006) Fenomen fabrichnogo posiolka v dorevolutsionnoy Rossii na primere Iuzhi [Iuzha as an Example of the Factory Village Phenomenon in Pre-revolutionary Russia]. *Pozharskii iubileinyi al'manakh. Vyp. 1* [Collection Devoted to Prince Pozharsky’s Anniversary. Issue 1]. Ivanovo-Iuzha. (in Russian)
- Borodin N.A. (1916) Severo-Amerikanskii Soedinennyye shtaty i Rossia. [The North American United States and Russia]. Petrograd. (in Russian)
- Bukharenkova O.Iu., Morova O.V. (2020) Formirovanie Orekhovo-Zuevo kak gorodskogo aglomerata v kontekste modernizatsionnykh protsessov Rossii nachala dvadtsatogo veka [Formation of Orekhovo-Zuevo as an Urban Agglomerate in the Context of Russia’s Early 20th Century Modernization Processes]. *Vestnik Moskovskogo gosudastvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Istoria i politicheskie nauki* [Bulletin of the State University of Moscow Oblast’. Series: History and Political Sciences], no 2, pp. 111–123. (in Russian)
- Davydov M.A. (2016) Dvadtsat’ let do velikoi voiny: Rossiiskaia modernizatsia Vitte-Stolypina [Twenty Years before the Great War: Russian Modernization under Vitte and Stolypin]. St.Petersburg: Aleteia [St.Petersburg: Aleteia Publishing House]. (in Russian)
- Dianova M.K., Lugovskoi I.I., Firsov I.P. (eds.) Stachki v Ivanovo-Voznesenskom raione. 1905–1916 gody (1928) [Strikes in Ivanovo-Voznesensk Region in 1905–1916]. Ivanovo-Voznesensk. (in Russian)
- Ibragimov T.M., Kishkovich A.M., Ivanova A.A. (2011) Analiz gradostroitel’noi situatsii goroda Iuzhi i kontseptsii ego razvitiia [Analysis of Urban Planning Situation of the City of Iuzha and Concepts of its Development]. *Zhilischnoye stroitel’stvo* [Housing Construction], no 10, pp. 13–16. (in Russian)
- Kandaurov D.P. (1914) Fabrichno-zavodskie predpriatia Rossiskoi imperii (iskluchaia Finliandiu). 2 izdaniye [Factories and Industrial Plants in the Russian Empire (Exclusive of Finland). 2nd edition]. Petersburg. (in Russian)
- Kostiuk K.N. (2001) Vozniknovenie sotsial’noi doktriny Russkoi pra-

- voslavnoi tserkvi [Emergence of the Social Doctrine of the Russian Orthodox Church]. *Obshestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no 6, pp. 114–131. (in Russian)
- Mindovskii V. (1919) Vichugskaia fabrichnaia starina: Bytovye ocherki i zametki [Old Times in Vichuga Factory Area: Essays and Notes on Everyday Life]. *Trudy Kostromskogo nauchnogo obschestva po izucheniu mestnogo kraia. Vyp. 13* [Proceedings of the Kostroma scholarly society for local area studies. Issue 13]. Kostroma, pp. 39–64. (in Russian)
- Mironov B.N. (2015) Rossiskaia imperia: ot traditsii k modern. Tom 3 [Russian Empire: from Tradition to Modernity. Volume 3]. St.Petersburg: Dmitry Bulavin [St.Petersburg: Dmitry Bulavin Publishing House]. (in Russian)
- Morokin A.F., Krasil'schikov K.C. (1894) Nasha fabrichno-zavodskais promyshlennost' i ee nedobrozhelateli pered sudom pravdy [Our Factory Industry and Its Ill-Wishers before the Court of Truth]. Moskva: Tipolitografiya V.Rikhter [Moskva: The Lithographic Printing House of V.Richter]. (in Russian)
- Obliazatel'noe postanovlenie Vladimirskegogo gubernskogo po fabrichnym delam prisutstvia o merakh okhraneniia zhizni, zdorovia i npravstvennosti rabochikh, a takzhe okazania im vrachebnoi pomoschi na fabrikakh, zavodakh i manufakturakh (1892) [Obligatory Prescript of Vladimir Area Council for Industrial Issues on the Measures of Preserving the Workers' Life, Health and Morality and on Providing Them with Medical Care in Factories, Plants and Workshops]. Vladimir: Tipolitografiya V.A.Parkova [Vladimir: The Lithographic Printing House of V.A.Parkov]. (in Russian)
- Pavlov F. (1901) Za desiat' let praktiki (Otryvki vospominanii, vpechatlenii i nabliudeniia iz fabrichnoi zhizni) [From Ten Years of Practical Work (Sketches of Reminiscences, Impressions and Observations on Life in Factories)]. Moskva: Tipolitografiya V.Rikhter [Moskva: The Lithographic Printing House of V.Richter]. (in Russian)
- Pashkov Ia. M. (1897) Opisaniie torzhestva chestvovaniia direktorasporiaditel'ia Tovarischestva A.Ia.Balina Nikolaia Asigkritovicha Balina. Na pamiat' [Description of the celebration of the Executive Director of A.Ia.Balin's Company Mr.Nikolai Asigkritovich Balin]. Viazniki: Tipolitografiya S.K.Matreninskogo [Vyazniki: The Lithographic Printing House of S.K.Matreninskii]. (in Russian)
- Pivovarov Yu.L. (2001) Urbanizatsiia v Rossii v XX veke: predstavleniia i real'nost' [Urbanization in Russia in the 20th century: Concepts and reality]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no 6, pp. 101–113. (in Russian)
- Savich G.G. (1906) K voprosu o melkoi zemskoi edinitse: selo Pavlovo i ego obschestvennoe ustroistvo [On The Issue of a Small Zemstvo Unit: Village of Pavlovo and Its Civil Administration]. St.Petersburg: Tipografiya MVD [Publishing House of the Interior Ministry]. (in Russian)
- Semenenko A.M. (2014) Gorod Iuzha v kontse 1920-kh godov [City of Iuzha in the Late 1920s]. *Pozharskii iubileinyi al'manakh. Vyp. 8* [Collection Devoted to Prince Pozharsky's Anniversary. Vol. 8]. Ivanovo-Iuzha, pp. 128–131. (in Russian)
- Simonovich O.O. (2018) Razvitie mal'kh gorodov Rossii kak faktor formirovaniia novykh arkhitekturno-prostranstvennykh reshenii kontsa XIX-nachala XX veka [Evolution of Russian Small Towns as a Factor of Making the New Architectural Space Decisions at the End of 19th and Early 20th Century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Tambov University Bulletin], vol. 23, pp. 195–202. (in Russian)
- Stachki 1881–1895 godov: sbornik dokumentov (1930) [Strikes in 1881–1895: Collection of documents]. Moskva: Gostrudizdat. (in Russian)
- Stepanov A.V. (2017) Povsednevnaia zhizn' v gorodakh Rossii na rubezhe XIX–XX vekov [Daily Life in Russian Cities Around the Turn of the 20th Century]. Ivanovo. (in Russian)
- Tovarischestvo manufaktur A.Ia.Balina. Opisaniie prazdnovaniia 25-letia uchrezhdeniia tovarischestva. 1885. 31 maia 1910 (1912) [Partnership of Factories of A.Ia.Balin. Description of Celebration of the 25th Anniversary of the Company Foundation. 1885. May 31st 1910]. Moskva: Tipolitografiya Tovarischestva I.I.Kushnerev i Ko [Moscow: Typolithography of the Partnership I.I.Kushnerev and Co.]. (in Russian)
- Tovarischestvo manufaktur Gerasima Razorenova i Ivana Kokoreva v Kineshemskom uезде Kostromskoi gubernii (1913) [Partnership of Factories of Gerasim Razorenov and Ivan Kokorev in Kineshma District of Kostroma Gubernia]. Kostroma. (in Russian)
- Tovarischestvo manufaktur Ivana Konovalova s synom. 1812–1912. (S. a.) [Partnership of Factories of Ivan Konovalov and Son. 1812–1912.]. Moskva: Tipolitografiya brat'ev Menert [Moscow: Lithographic Printing House of the Menert Brothers]. (in Russian)
- Tovarischestvo manufaktur Ivana Konovalova s synom. Kratkii istoricheskii ocherk (S. a.) [Partnership of Factories of Ivan Konovalov and Son. 1812–1912. Brief Historical Essay]. Moskva: Tipolitografiya brat'ev Menert [Moscow: Lithographic Printing House of the Menert Brothers]. (in Russian)
- Torgovo-promyshlennaia deiatel'nost' firmy Ivana Aleksandrovicha Konovalova. 1812–1896. (Istoriko-statisticheskii ocherk) (1896) [Activities of Ivan Aleksandrovich Konovalov's Firm in Trade and Manufacturing. 1812–1896. (Historical and Statistical Essay)]. Moskva: Tipolitografiya N.I.Kumanina [The Lithographic Printing House of N.I.Kumanin]. (in Russian)
- von Schulze-Gävernitz G. (1901) Ocherki obschestvennogo khoziaistva i ekonomicheskoi politiki Rossii [Essays on Russia's National Economy and Economic Policy]. Saint Petersburg. (in Russian)
- Vichuga: Gorod belykh kolonn (2019) [Vichuga: The City of White Columns]. Ivanovo. (in Russian)
- Voronov N.I. (1907) Zapiski o sobytiakh Vladimirskei gubernii [Notes about Events in Vladimir Gubernia]. Vladimir: Tipolitografiya Vladimirskegogo gubernskogo pravleniia [The Lithographic Printing House of the Vladimir Provincial Administration]. (in Russian)
- Vysochaishe utverzhdennoe tovarischestvo manufaktury Asigkrita Iakovlevicha Balina pri sele Iuzhe Vladimirskei gubernii: Ko Vserossiiskoi promyshlennoi i khudozhestvennoi vystavke 1896 goda v Nizhnem Novgorode (1896) [Established by Emperor's Decree Company of Asigkrit Balin's Factory at the Village of Iuzha in Vladimir Gubernia: Toward All-Russia Industrial and Artistic Exhibition of 1896 in Nizhnii Novgorod]. Viazniki: Tipolitografiya S.K.Matreninskogo [Vyazniki: The Lithographic Printing House of S.K.Matreninskii]. (in Russian)

Создание образцового социалистического города Иваново-Вознесенск 1920–1930-х годов

Михаил Тимофеев

К теме произошедшей в 1920–1930-е годы социалистической реконструкции существовавших городов обращаются нечасто. В поле зрения исследователей совсем недавно попали Сталинград [Фурман, Луночкин, Юдина, 2020; Луночкин, Фурман, 2020], Горький [Орельская, 2018], Смоленск [Валуев, 2015]. При этом некоторые исследования, заслуживающие внимания с точки зрения анализа процессов формирования городской среды и посвященные трансформациям «старых» (Свердловск, Пермь, Челябинск, Орск, Горький) и новых городов (Краснокамск, Красновишерск, Магнитогорск), опубликованы в труднодоступных источниках [Краснокамск..., 2014; Ахъямова, Ильченко, 2016; Проблемы..., 2015]. А материалы конференции «Города новых людей», прошедшей в Поронине (Польша) в 2006 году, по большому счету неизвестны российским исследователям [Кондаков, 2007; Кропотков, Литовская, 2007]. Важными для понимания темы являются публикации М. Г. Мееровича [Меерович, 2004; 2009; 2017], Д. С. Хмельницкого и Е. В. Конышевой [Меерович, Конышева, Хмельницкий, 2011]. Многие важные вопросы рассмотрены в таком фундаментальном издании, как «Советское градостроительство. 1917–1941» [Косенкова, 2018]. Реконструкция городской среды в крупных провинциальных городах осуществлялась по достаточно типовым сценариям, включавшим снос культовых сооружений и строительство новых предприятий и жилых массивов. Предлагаемый вниманию случай уникален тем, что имеет важную символическую компоненту, существенно повлиявшую на рост амбиций местного руководства.

После административно-территориальных изменений 1917–1921 годов в РСФСР появилось более 10 административных центров крупных регионов, имевших прежде статус уездных центров. Иваново-Возне-

Тимофеев Михаил Юрьевич,
доктор философских наук, профессор
кафедры философии Ивановского госу-
дарственного университета, руководи-
тель научно-образовательного центра
ИвГУ «Городские и региональные ис-
следования»; главный редактор журна-
ла «Labyrinth. Теории и практики
культуры»; Российская Федерация,
153025, Ивановская область, Иваново,
ул. Тимирязева, д. 5, тел.: +7903
878 77 99
E-mail: timofeev.01@gmail.com

В статье исследуется попытка пре-
вращения города Иваново-Вознесенска
(с 1932 года – Иваново) в образцовый
социалистический город, предприня-
тая в 1920–1930-е годы. Предпосылкой
этой идеи была особая роль города
в период Первой русской революции,
когда во время всеобщей стачки в нем
был создан Совет рабочих депутатов.
Местные власти стремились опробовать
в городе самые современные вея-
ния в формировании городской среды
и реализовать амбициозные архитек-
турные проекты. Поскольку социально-
культурную сферу пришлось создавать
практически с нуля, в городе было
возведено большое количество объ-
ектов в новых архитектурных формах
конструктивизма, постконструкти-
визма и «пролетарской классики».
В 1918 году городская инфраструктура
Иваново-Вознесенска была совершен-
но не приспособлена для выполнения
функций губернского центра. Пер-
воначально были реализованы планы
по созданию водопровода и канализа-
ции, мощению улиц. Часть масштаб-
ных проектов – в частности, народный
дом имени В. И. Ленина – не удалось
реализовать из-за нехватки ресурсов.
В результате массовых переименований
1927 года около 300 улиц получили
в значительной степени идеологиче-
ски маркированные названия. Симво-
лическими актами стало создание
в 1918 году Политехнического инсти-
тута и пуск трамвая в 1934 году,
а также открытие в 1925 году пер-
вой в СССР фабрики-кухни. В конце
1920-х годов в городе были построены
две новые прядильные фабрики
и огромный меланжевый комбинат.
С середины 1920-х до второй половины
1930-х годов в городе были построены
несколько рабочих поселков, большое
количество жилых домов, большой же-
лезнодорожный вокзал, банки, боль-
ницы, детские сады, большой киноте-
атр, цирк, интернациональный детский
дом, студенческие общежития. Такие
проекты, как строительство Большого
драматического театра и комплекса
зданий для Политехнического институ-

сенск, образованный в 1871 году в результате объединения промышленного села Иванова и Вознесенского посада, вплоть до 1918 года был безуездным городом, превышая при этом по своей индустриальной мощи не только уездную Шую, но и губернский Владимир. Своим возвышением город был обязан не только экономическому потенциалу, но и революционным традициям, связанным, в частности, с тем, что во время 72-дневной стачки 1905 года в нем был образован Совет рабочих депутатов, считавшийся прообразом советской власти. В настоящей статье я рассмотрю процесс формирования городской среды с 1918 по 1936 год в контексте реализации урбанистических концепций, обсуждавшихся в этот период. Особое внимание будет уделено дискурсивным практикам местного руководства, настойчиво проводившим линию по превращению нового губернского, а впоследствии областного центра в образцовый социалистический город, ни в чем не уступающий Москве и Ленинграду. Временные рамки исследования обусловлены тем, что созданная в 1929 году Ивановская промышленная область была ликвидирована в 1936 году, и «золотой век» бурного развития города завершился, хотя некоторые проекты, принятые к реализации до этого срока, все же были закончены позднее.

Новый старый город

Обсуждение изменения административного статуса Иваново-Вознесенска, являвшегося де-факто центром обширного и практически моноиндустриального текстильного региона, началось весной 1917 года, но в решающую стадию вступило через год. Находившийся в начале 1918 года в Шуе М. В. Фрунзе организовал мероприятия по поддержке на местах идеи объединения части северных уездов Владимирской губернии и части южных уездов Костромской губернии в новую Иваново-Вознесенскую. 20 июня 1918 года постановлением коллегии при народном комиссаре по внутренним делам РСФСР она была утверждена в составе территорий, определенных III съездом Советов Иваново-Кинешемского района [Тимофеев, 2020].

В 1918 году городская инфраструктура Иваново-Вознесенска была совершенно не приспособлена для выполнения функций губернского центра. Город все еще представлял собой бессистемный конгломерат села и примыкавших к нему деревень и слобод. В конце Гражданской войны жилой фонд более чем на 90% состоял из бревенчатых изб с вкраплениями старых мануфактур, особняков, соборов с колокольнями и примыкавших к реке Уводи фабричных цехов с возвышающимися над ними трубами и технологическими башнями. В 1922 году в городскую черту были включены районы Бабенково, Березники, Булатово, Ефремково, Диодориха, Котельницы, Курьяново, Нежданово, Отрадное, Соснево, а также Боголюбовская и Владимирская слободы. Поскольку новое жилищное строительство до 1923 года не осуществлялось, о размерах жилищного фонда можно судить по проведенной в том году переписи Губстатбюро, в которой было зафиксировано 10 882 строения (из них каменных – 773, смешанных – 569 и деревянных – 9540, то есть 87,7%). Одноэтажных домов было 9760 (89,7%), двухэтажных – 1103 и трехэтажных – 19. Электрическим освещением было снабжено только 300 домовладений [Иваново..., 1936].

Как отмечает А. В. Степанов,

картину «недоразвившегося Манчестера» следует дополнить, упомянув ради объективности, что в Иваново-Вознесенске уже работали три или четыре современные больницы, велись занятия в трех гимназиях и в десятке училищ. В городе появились современные торговые предприятия – пассажи и магазины, немного потеснившие в быту состоятельных горожан традиционную лавку. В 1910-е гг. в центре города устроено электрическое освещение, проезжую

та, предваряли всесоюзные конкурсы. На рубеже 1920–1930-х годов особое значение придавалось строительству дома-коммуны. Однако лишение города статуса родины первого Совета в 1936 году и ликвидация Ивановской промышленной области привели к тому, что значительная часть градостроительных планов не была реализована.

Ключевые слова: урбанистика; городские исследования; соцгород; советская архитектура; морфология города; городские нарративы

Цитирование: Тимофеев М. Ю. (2021) Создание образцового социалистического города: Иваново-Вознесенск 1920–1930-х годов // Городские исследования и практики. Т. 6. № 1. С. 50–65. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp61202150-65>

часть улиц здесь замостили булыжником, а то и брусчаткой. К 1917 г. уже двадцать лет действовала городская телефонная сеть (однако число ее абонентов не превысило 700). С 1907 г. издавался ежедневный «Ивановский листок» – типичная для русской провинции коммерческая газета. В 1910-е гг. открылось полдюжины кинотеатров, в том числе два двухзальных. В 1913 г. в Иванове трудилось около сотни врачей и фельдшеров, а также свыше двухсот учителей. Однако, приняв во внимание, что речь идет о промышленно развитом европейском городе начала XX века площадью свыше 15 кв. км и с населением порядка 150 тыс. человек, все эти успехи трудно считать достаточными [Степанов, 2015].

Даже если сравнивать Иваново-Вознесенск с такими близлежащими фабричными селами, как Бонячки, Родники и Южа, вошедшими в новую губернию, то сопоставление по обеспеченности культурно-рекреационными ресурсами будет не в пользу губернского центра. В отличие от этих сел, в городе не было народного дома для рабочих, театра и самое главное – достаточного количества жилищного фонда. Коммунальное хозяйство пребывало на догородском уровне: отсутствовали водопровод и канализация, не говоря уже о ливневке. Не было механического общественного транспорта, обустроенного городского рынка.

Начиная с весны 1917 года в стране осуществлялись разного рода символические действия по изменению маркировки городской среды. Ее преобразование в Иваново-Вознесенске началось в 1918 году, когда центральная площадь была переименована из Георгиевской в площадь Революции, близлежащие Покровская и Ново-Петропавловская улицы стали улицей Десятого Августа (в память расстрела мирной демонстрации рабочих в 1915 году), а Приказной мост, на котором произошел расстрел, стал именоваться Красным. Вознесенская площадь получает имя Советской Республики. Улица Георгиевская становится Социалистической, Николаевская – Республиканской, Александровская – Советской, Большая Шереметевская – Фридриха Энгельса, а Троицкая – Карла Маркса. В первой половине 1920-х годов было переименовано еще около 10 улиц, причем некоторые новые названия не имели идеологических коннотаций.

Во время Гражданской войны из-за отсутствия сырья и топлива практически все фабрики стояли. 19 апреля 1920 года В. И. Ленин, выступая на III съезде рабочих текстильной промышленности, указал на величайшую разруху, переживаемую текстильной промышленностью, и призвал к самопожертвованию ради общего дела, апеллируя к революционным традициям борьбы рабочего класса. Именно в этом выступлении вождя прозвучала фраза о том, что «...пролетариат московский, питерский и иваново-вознесенский... доказал на деле, что никакой ценой не уступит завоевания революции» [Ленин, 1974,

с. 321]. Для местного руководства это высказывание на многие годы вперед служило своего рода гарантийным письмом, обеспечивающим высокий символический статус города, ставящим его в один ряд со столицами государства. В августе 1920 года в Иваново-Вознесенской губернии была создана комиссия по активизации текстильных предприятий (Ударный комитет). 27 сентября 1920 года были пущены первые 14 ударных фабрик, среди которых были Большая Иваново-Вознесенская, Шуйско-Тезинская и Тейковская мануфактуры [100% Иваново, 2010, с. 8]. Выход из кризиса большинства предприятий города и региона растянулся на несколько лет, и лишь к 1925–1926 годам текстильное производство достигло довоенного уровня.

Важные изменения в городе возникают в первой половине 1920-х годов. Во-первых, это начало создания полноценной городской инфраструктуры (в частности, создание инженерных коммуникаций для водопровода и канализации). После того как 8 ноября 1925 года водопровод был пущен, начали активно решаться вопросы гигиены. «Помывку населения» во второй половине 1920-х годов осуществляли несколько бань. Переоборудованная из заварки Новиковой баня на улице Крутицкой была рассчитана на 192 места и 28 отдельных номеров и считалась центральной. В 1927 году была открыта Посадская баня на 464 места. При бане работала механическая прачечная. В 1934 году в местечке Хуторово была открыта баня на 128 мест и 8 номеров, в местечке Балашовка с дореволюционного времени функционировала бывшая Нечаевская баня на 60 мест и 3 номера. Кроме этого, существовали бани на предприятиях для своих рабочих (Большая Дмитриевская мануфактура – 170 мест, «Красная Талка» – 100 мест, Сосневская фабрика и химзавод – по 50 мест) [Барсуков, 2010, с. 7–8].

Облик города первоначально начал меняться не в результате появления новой застройки, а благодаря ликвидации старой. Так, весной 1924 года была снесена церковь Александра Невского, стоявшая на перекрестке нынешнего Шереметевского проспекта и улицы Садовой. Причиной послужило ее неудобное для движения транспорта положение и прокладка главной водопроводной магистрали. Летом 1925 года была разрушена Владимирская часовня в Иконникове (угол современных улиц 8 Марта и Калинина).

Во-вторых, первая половина 1920-х годов – это начало формирования инфраструктуры для новых форм досуга горожан (в первую очередь тех форм, которые не требовали крупных капиталовложений). При некоторых фабриках в приспособленных для этого помещениях появляются клубы, а в бывших садах и парках местных фабрикантов и бывшего владельца села Иваново графа Шереметева организуются места «культурного отдыха» трудящихся. К середине десятилетия в городе было открыто восемь летних садов, размеры которых редко превышали один гектар. Главную роль в их просветительской

миссии играли летние театры. Практически все они были рассчитаны на взрослую аудиторию. Исключением стал бывший парк Д. Г. Бурдылина, где в августе 1923 года был организован детский уголок. В созданном в 1924 году на месте Графского сада главном городском Саду имени 1 Мая был открыт летний кинотеатр «Союзкино» на 600 мест. На 100 посадочных мест больше было в театре сада фабрики имени рабочего Федора Зиновьева, превышавшем прочие сады и по своей общей территории. Сад «Постройка» с театром на 540 мест был открыт 25 мая 1925 года, а летом того же года бывший парк фабрикантов Гарелиных площадью 70 гектаров стал Парком культуры и отдыха имени Степанова. Новые парки транслировали идею формирования социалистического образа жизни и выступали работающим инструментом этого формирования [Кухер, 2012]. Отречение от «старого мира» сопровождалось уничтожением мест памяти. Так, например, рабочие Меланжевого комбината подписали в сентябре 1933 года ходатайство в горсовет о сносе одного из старейших кладбищ города – Успенского, и иваново-вознесенские культуртрегеры после уничтожения надгробий и крестов превратили его в сад «Меланжист». На захоронениях устроили летний кинотеатр «Балаган» и танцевальную площадку. В народе это место получило название «Сад живых и мертвых» [Уткин, 2015, с. 42]. Превращение кладбища в парк не было местным ноу-хау, к этому времени в Москве уже создали несколько парков на месте захоронений. Определяемое властью назначение парков культуры и отдыха способствовало во всей стране реализации идеи принципиально нового безбожного городского пространства, производящего – как комбинат – советского горожанина [Кочухова, Рабинович, 2015].

Бок о бок с садами и парками как в прямом, так и в переносном смысле работали фабричные клубы. В 1920-е годы их количество было невелико (Большая Дмитровская мануфактура, БИМ, «8 Марта», имени Ф. Зиновьева, «Красная Талка», Сосневская мануфактура). В. Э. Хазанова приводит обширный материал разного рода воззваний Пролеткульта, пропагандирующих клубы как «центры... по выработке политической культуры», «ячейки пролетарской классовой самодеятельности», «очаги классовой борьбы» и «источники света и знания» [Хазанова, 1970]. Безусловно, руководство города и губернии понимало важность наличия такого рода учреждений. В начале 1924 года в Москве был объявлен конкурс «на составление проекта здания народного дома имени В. И. Ульянова-Ленина в городе Иваново-Вознесенске». В преамбуле конкурса были сформулированы трудно реализуемые пожелания:

Ввиду особого значения сооружения – в композиции архитектурных масс, в художественной обработке фасадов и внутренних помещений – желательно видеть выражение сущности идей Вождя Октябрьской Революции В. И. Ульянова-

Ленина, а также и отражение сущности города Иваново-Вознесенска, как крупного центра текстильно-рабочего края [МАО конкурсы, 1926].

Конкурсное задание предполагало размещение в здании семи групп помещений: театра на 1200 человек, зала собраний на 400 человек, музея имени В. И. Ульянова-Ленина, центральной городской библиотеки, зала физической культуры, помещения клубно-студийной работы, административных, хозяйственных и служебных помещений. Первую премию получил проект Нардома Г. Б. Бархина при участии М. Г. Бархина, вторую – проект Д. В. Разова и Я. Ф. Попова, а третью – проект братьев Весниных. К приобретению были рекомендованы четыре проекта. Как отмечает В. Э. Хазанова,

в проекте А. Гринберга, Я. Райха, Д. Фридмана (рекомендован к приобретению) дана как бы отвлеченная схема общественного здания любого назначения. Ритм простых столбов, отмечающих главный фасад, и контрастные им гладкие стены ризалитов, буквы, служащие единственной деталью на глади стены, – надолго станут в будущем излюбленными приемами при проектировании многих общественных зданий. Подобная же «универсальность» присуща и проекту братьев Весниных. Выразительность его сродни промышленному сооружению и излишне аскетична для народного дома. Однако этот проект примечателен своей логикой. В нем, как и в других произведениях Весниных, четко формулировалось новое. Авторы утверждали новую тектонику общественного сооружения, закономерно возникающую из общего планировочно-объемного замысла архитекторов, из свойств такого строительного материала, как железобетон, и из сочетания железобетона с большими остекленными проемами [Хазанова, 1970].

Для реализации этих замыслов не было достаточно финансирования, поэтому организовали акцию по сбору средств. Принимались взносы по 25, 50 копеек и по одному рублю. Жертвователи получали квитки с обозначением суммы и надписью «Кирпич на постройку Нардома имени В. И. Ленина». Таким образом смогли собрать всего 500 рублей. Это обстоятельство привело к тому, что всего за год архитектор А. А. Стаборовский перестроил отбельный корпус фабрики Дербеневых в народный дом текстильщиков. В 1926–1928 годах в нем работал первый рабочий театр губернского Пролеткульта, а в 1928–1932 годах вели свою деятельность «Рабочая опера», Театр юного зрителя, драмтеатр и театральное училище. Кроме этого, 6 ноября 1928 года в бывшем магазине Лаханина на улице Дзержинского открылся зимний клуб с библиотекой и зрительным залом на 314 мест, а в 1929 году по заказу губернского совета профсоюзов был построен Дом инженерно-технических работников – клуб город-

ской интеллигенции. Победителем прошедшего в 1927 году архитектурного конкурса на его создание, в котором участвовали в том числе Д. В. Разов и Г. Г. Павин, стал В. А. Веснин.

Коренной перелом

В опубликованном 20 выпусками в сентябре-октябре 1925 года в газете «Рабочий край» романе «Чудо грешного Питирима» был создан образ Иваново-Вознесенска далекого будущего [Тимофеев, 2021]. По замыслу неизвестного автора, скрывшегося под псевдонимом Вл. Федоров, в 2025 году город является вторым по значимости после Москвы городом коммунистического Восточного полушария. Именно в Иваново-Вознесенске действует секретная лаборатория по исследованию «лучей смерти», необходимых для окончательной победы коммунизма во всем мире [Таганов, 2006, с. 127].

Именно 1925 год можно считать переломным в новой послереволюционной истории города. В изданном к 20-летию первого Совета альбоме «Красный Манчестер» много места уделено строительству водопровода и прокладке канализации, поскольку иных видимых перемен в жизни города было ничтожно мало, а новое строительство только только начиналось [Литовский, Майоров, 1925]. Год ознаменовался тем, что 29 марта в приспособленном из рабочей казармы здании, где в 1918–1924 годах размещался инженерно-строительный факультет политеха, была открыта первая в СССР фабрика-кухня, а 11 июня в здании Дворца труда заработал передатчик «Малый Коминтерн» мощностью 1,2 кВт – четвертая радиостанция, начавшая к тому времени свое вещание в Советском Союзе.

В мае 1925 года широко отмечается 20-летие стачки: в рамках торжественных мероприятий был даже запланирован визит эскадрильи имени Фрунзе. В ходе торжеств был открыт памятный обелиск Ф. А. Афанасьеву, установленный рядом с местом его гибели у реки Талки. Осенью того же года после неожиданной смерти 31 октября бывшего первого губернатора «красной» губернии в газете «Рабочий край» Иваново-Вознесенск называют Фрунзенском, но переименование города тогда не состоялось. А 15 ноября началось заселение первых жилых домов, построенных в Первом Рабочем поселке.

Развернутая в 1922–1923 годах градостроительная дискуссия по проблемам социалистического расселения, и в особенности по проблеме уничтожения противоположности между городом и деревней, непосредственно касалась отношения к концепции города-сада. В течение 1920-х годов предлагались и реализовывались очень разные модели соцрасселения [Меерович, 2008], и эта была довольно популярна. Как отмечал П. М. Кожаный, «идею городов-садов надо не отрицать, а видоизменить в полном соответствии с задачами рабочего класса. <...> Проще говоря, у нас должны быть города-сады не того типа, который мы встречаем в западноевропейских стра-

нах, а пролетарские города-сады...» [Кожаный, 1924, с. 53].

Для решения жилищной проблемы по всей стране начали создаваться рабочие жилищно-строительные кооперативные товарищества (РЖСКТ). Повсеместно они носили названия, отражавшие дух времени, и Иваново-Вознесенск, где появились поселки «Свет и воздух», «Красный химик», «Объединение», «Прогресс», в этом отношении был на высоте. Самым крупным товариществом в 1924 году стал РЖСКТ «Первый рабочий поселок». Проектирование поселка на 8000 жителей осуществляло Московское акционерное общество «Стандарт», дизайнерское бюро которого возглавлял Л. А. Веснин. Предполагалось строительство общественных зданий: школы, детского сада-яслей, амбулатории (арх. Г. Г. Павин). Уникальным для того времени был опыт создания типовых двухэтажных домов на основе приемов фахверкового строительства. Детали каркаса доставлялись в Иваново-Вознесенск из Кинешмы, где изготавливались на лесопильном заводе «Заветы Ильича». Жилые дома строились четырех типов: на 2, 4, 8 и 10 квартир. К лету 1926 года уже было высажено более 4500 деревьев, построена биологическая станция. Всего до 1928 года было построено 144 дома.

Второй Рабочий поселок проектировали местный архитектор А. А. Стаборовский и инженер Н. В. Рудницкий из Проектного бюро Иваново-Вознесенского государственного текстильного треста. Поселок состоял из нескольких десятков типовых 6-квартирных домов с мансардами, крупными окнами, большими остекленными террасами в торцах. В домах была применена традиционная для Иванова конструкция жилого дома с краснокирпичным первым и рубленным вторым этажами. Инфраструктура поселка включала два общественных сада, две детские площадки, спортивный комплекс с футбольным полем, ясли на 72 места, детский сад на 60 мест, прачечную, красный уголок и другие общественные учреждения. Как отмечал М. Меерович,

выбор жилищной кооперацией отдельно стоящего жилого дома (коттеджа) как основного типа застройки был предопределен в значительной мере особенностями послереволюционной экономической обстановки в стране – отсутствием квалифицированных кадров и строительной техники для осуществления многоэтажного строительства, дефицитом стройматериалов, стремлением предельно упростить и удешевить конструктивную систему, ускорить возведение жилья [Меерович, 2017].

Именно в середине 1920-х меняется вектор жилищного строительства: РЖСКТ начинают заказывать секционные дома. В 1925 году был объявлен Всесоюзный конкурс на составление проектов жилых домов для рабочих и служащих Гостекстильтреста с квартирами для семейных и одиноких рабочих

и служащих в Иваново-Вознесенске. Под застройку отводилось пять небольших участков, что обуславливало высокую плотность застройки (50–60%) при высоте домов в четыре этажа (включая мансардный этаж). Многие известные архитекторы, среди которых были П. А. Голосов, Н. А. Ладовский и Л. М. Лисицкий, Г. Б. Бархин при участии студента М. Г. Бархина и студент ВХУТЕМАСа И. И. Леонидов, приняли участие в конкурсе. Журнал «Современная архитектура» опубликовал рекомендованный к приобретению проект по застройке участка № II А. Булова и М. Парусникова, предложивших типовой блочно-серийный трехэтажный дом с мансардой, составленный из 12 блоков по две 3-комнатные квартиры на 5 человек каждая (по 9,18 кв. метра на человека) [Булов, Парусников, 1926, с. 62]. Ни один из проектов не был реализован. Для Большой иваново-вознесенской мануфактуры в 1927 году были построены три трехэтажных дома с мансардами по проекту не участвовавшего в конкурсе ленинградского архитектора С. К. Жука. Они были декорированы по фасаду цветной плиткой и украшены резьбой по штукатурке.

То, что город стал пионером в создании новой формы общественного питания, существенно укрепило символический статус «красного Манчестера». Проектные и строительные работы по реконструкции здания под фабрику-кухню вело московское акционерное общество «Стандарт». Авторами реконструкции были А. А. Андреевский, Б. А. Коршунов, М. М. Чураков и Е. Н. Максимова [Исаков, 2014; Канаева, Богородицкий, 2001]. Для оснащения предприятия в Германии было закуплено специальное оборудование, включая 19 котлов, холодильники, подъемники, электрические мойки, сушилки, хлеборезки и картофелечистки. Второй этаж занимали обеденный зал на 285 человек, игровая комната и библиотека с читальным залом. Фабрика-кухня обслуживала еще восемь фабричных и заводских столовых, а через три года обеспечивала питанием до четверти всех рабочих Иваново-Вознесенска. Народный комиссар здравоохранения Н. А. Семашко в своем приветствии назвал первую фабрику-кухню «бомбой, брошенной под старый быт». Газета «Известия» написала, что «редакция приветствует красных ткачей Иваново-Вознесенска в день открытия самой большой в Союзе механизированной общественной фабрики-кухни, являющейся лучшим показателем нового быта трудящихся и крупнейшего дела по пути раскрепощения женщин. В эпоху нашего мирного строительства каждое подобное начинание – завоевание в деле улучшения быта рабочих по пути к коммунизму» [Наши достижения, 1925].

Начиная с 1927 года преобразование города в русле самых передовых веяний градоустройства становилось все более и более заметным. Немецкий инженер Р. Эрбе, участвовавший с 1931 по 1933 год в качестве консультанта в строительстве цирка, кинотеатра «Центросоюза», стадиона «Динамо» и школы-интерната имени Е. Д. Стасовой, писал своей жене:

Первое впечатление от Иванова, что оно находится на сказочном подъеме, что-то вроде одной единой стройплощадки. Рядом с жалкими лачугами, которые скоро должны исчезнуть, вырастают многоэтажные дома. Но прежде всего построены фабрики. Здесь все связано с текстильной промышленностью [Азеева, 2011].

До революции местные фабриканты закупали пряжу в других городах, и после восстановления текстильного производства было принято решение о строительстве в городе нескольких прядильных производств. В январе 1926 года состоялся объявленный ВСНХ СССР конкурс на составление проекта прядильной фабрики Иваново-Вознесенского государственного текстильного треста в Иваново-Вознесенске. Проект должен был быть разработан не только с архитектурно-строительной стороны, но и включать весь план производства и полное механическое оборудование фабрики. На конкурс было представлено 17 проектов, в том числе 3 – из-за рубежа. Прядильная фабрика должна была быть спроектирована на 127 тыс. ватерных веретен для ежедневной 16-часовой выработки 18500 кг суrowой пряжи [Бархин, 1926, с. 126]. Наиболее масштабный проект фабрики из железобетона с семиэтажной технологической башней был предложен И. Н. Вильям и А. Л. Пастернак [Вильям, Пастернак, 1928, с. 126].

Вероятно, выбор проектов для реализации был продиктован стремлением к удешевлению строительства. Прядильная фабрика на 127 тыс. веретен была построена в 1927 году на базе Зубковской фабрики по проекту ивановского архитектора А. С. Саборовского и инженера Н. В. Рудницкого. В проектировании отдельных частей здания и разработке чертежей участвовала большая группа инженеров – выпускников Иваново-Вознесенского политехнического института. Железобетонные конструкции заполнялись кирпичной кладкой, а стены были оштукатурены для имитации бетона. Огромные вертикальные окна прорезали стены от цоколя до карниза. Ее торжественное открытие с участием председателя ВСНХ СССР В. В. Куйбышева состоялось 7 ноября 1927 года.

Закладка нового прядильного корпуса на 120 тыс. веретен на территории Петрищевской фабрики имени Федора Афанасьева была проведена 1 мая 1927 года, а осенью 1929 года состоялся его пуск. Авторами проекта выступили московские архитекторы И. С. Николаев и Б. В. Гладков. Корпус шириной 38 метров впервые в СССР был выполнен из железобетонных конструкций. Главный корпус был перекрыт двускатной крышей с треугольным стеклянным фонарем и завершался технологической башней, выполненной в виде трибуны. Фабрика получила новое имя – «Красная Талка» – в честь революционных событий 1905 года на реке Талке.

Наиболее амбициозным индустриальным проектом стало строительство самого крупного в то вре-

мя в мире текстильного предприятия – меланжевого комбината. Текстильный гигант был построен в рекордный срок – первый камень был заложен 1 мая 1928 года, а 7 ноября 1929 года комбинат вступил в строй.

Изменения в сфере здравоохранения были связаны с локальной спецификой занятости населения. Город называли царством ситца и чахотки, и первый построенный в СССР туберкулезный диспансер был спроектирован Г. Г. Павиным как новый тип лечебного здания, сочетающий функции профилактики заболеваний со стационарным лечением. Он был возведен в 1928 году на высоком правом берегу реки Уводь напротив Сада имени 1 Мая. В 1929 году приступили к постройке амбулатории по проекту А. И. Панова в местечке Ушаково для обслуживания рабочих фабрик Сосневской, «Красной Талки» и Петрищевской, и в феврале 1931 года она была построена. В сентябре 1931 года она получила наименование «Новоушаковский единый диспансер № 5» с обслуживанием взрослого и детского населения местечек Соснево, Старое и Новое Ушаково. Диспансер имел специальные приемы: кожный, глазной, гинекологический, туберкулезный кабинеты. Были открыты врачебные здравпункты на фабрике «Красная Талка» и Сосневской мануфактуре.

В 1924 году в городе был построен аэродром имени М. В. Фрунзе, а вот проблема передвижения по городу все еще ждала своего решения. 14 апреля 1925 года в «Рабочем крае» появилась заметка «Об автобусном движении», в которой шла речь о том, что отличительной особенностью Иваново-Вознесенска является его рассредоточенность на большом пространстве и отсутствие налаженной транспортной связи между частями города. Для того чтобы попасть в центр города откуда-нибудь из Хуторово, Соснево, Фряньково или из Глинищево, нужно было затратить более часа пути «по образу пешего хождения» [Власов, 1925]. С ноября 1926 года в Иваново-Вознесенске открылось автобусное движение, но пока всего лишь в составе двух машин (к концу 1928 года инвентарное количество машин было доведено до 15). О качестве покрытия городских улиц можно судить по тому, что 17 марта 1927 года было объявлено, что автобусное движение ввиду бездорожья прекращалось вплоть до установления удовлетворительного состояния дорог, по которым проходили автобусные маршруты [Орлов, 2017]. К 1929 году при длине всех улиц города в 304 км длина замощенных улиц составляла всего 77 км [Докладная, 1930].

Несмотря на низкое качество дорожного покрытия, к десятой годовщине Октябрьской революции новые, преимущественно идеологически заряженные, названия получили 348 улиц и переулков (некоторые из них ранее названий не имели). Появились улицы Октябрьская, Первомайская, Рабочая, Трудовая, Ударная, Мопровская, 9 Января, Футбольная и Пионерский переулок. Среди улиц, названных именами деятелей отечественного революционного

движения С. Л. Перовской, Г. В. Плеханова, Степана Халтурина, выделялось имя автора «Катехизиса революционера» С. Г. Нечаева, уроженца села Иваново. Пяти улицам были даны имена партийных и советских деятелей: Ф. Э. Дзержинского, М. М. Володарского, Я. М. Свердлов, Ю. Ю. Мархлевского и дипломата П. Л. Войкова. Особенно заметная в русской провинции дань пролетарскому интернационализму отразилась в названиях улиц III Интернационала, Н. Сакко, Б. Ванцетти, М. Ракоши, К. Либкнехта и Р. Люксембург. Но главным «великим почином» первой волны переименований, безусловно, является включение в городскую среду имен иваново-вознесенских революционеров и участников стачки 1905 года. Появились улицы, названные партийными кличками революционеров и депутатов первого Совета: Арсения – М. В. Фрунзе, Отцовская – Ф. А. Афанасьева, Громобоя – Р. М. Семенчикова, Ермака – В. Е. Морозова, Станко – И. Н. Уткина. Имена четырех человек – профессионального революционера М. В. Фрунзе, командиров иваново-вознесенских боевиков Р. М. Семенчикова, И. Н. Уткина и заместителя начальника боевой дружины В. Е. Морозова – получили еще четыре улицы, названные их настоящими фамилиями. 1-я Грачевская улица становится улицей Боевиков. Улицам города давались в основном имена погибших либо умерших депутатов первого Совета и большевиков-подпольщиков: А. А. Андрианова, Е. А. Дунаева, С. И. Балашова, О. М. Генкиной, В. Г. и Г. Г. Куконковых, В. И. Голубева, А. Ф. Колесникова, М. И. Лакина, И. Я. Мьякишева, Д. А. Фурманова. Исключением было имя здравствующей О. А. Варенцовой, присвоенное Покровской улице. Таким образом, было положено начало формированию мемориальной городской среды [Тимофеев, 2005].

В конце 1920-х годов все три полные средние школы города имели свои названия (школа № 1 имени А. С. Бубнова, школа № 2 имени Афанасьева-Отца и школа № 3 имени Десятилетия Октябрьской революции). Считается, что спроектированное архитектором А. И. Пановым здание школы № 2 имеет форму буквы Т, то есть, исходя из источников того времени, форму аэроплана, а здание школы № 3 архитектора В. И. Панкова – форму птицы. Школа № 1 была размещена в бывшей женской гимназии. К 1933 году в городе имелось 10 школ первой ступени, 3 вспомогательные школы, 13 семилеток и 3 указанные десятилетки.

Еще в 1918 году председатель Иваново-Вознесенского губисполкома М. В. Фрунзе поддержал идею местного активиста, юриста И. И. Власова, о переезде в столицу «красной губернии» Рижского политехнического института, эвакуированного в 1915 году в Москву. Часть профессуры политеха откликнулась на предложение, и 6 августа 1918 года декретом за подписью председателя Совнаркома В. И. Ленина был основан Иваново-Вознесенский политехнический институт (ИВПИ). Изначально в составе ИВПИ действовало шесть факультетов: хими-

ческий, сельскохозяйственный, социально-экономический, инженерно-строительный, прядильно-ткацкий и факультет фабрично-заводских механиков. Занятия проводились в нескольких десятках приспособленных зданий. Главный корпус разместился в бывшем реальном училище.

Вопрос о строительстве комплекса учебных корпусов, студенческих общежитий и домов для преподавателей ИВПИ начали решать во второй половине 1920-х годов. В 1927 году был построен первый дом для профессуры ИВПИ, началось строительство студенческого городка с четырьмя корпусами общежитий и корпусом со столовой и спортивным залом. В 1927 году Московское архитектурное общество провело всесоюзный конкурс на проект зданий политехнического института. Обладателей первых двух премий не смогли определить, а третья досталась М. Я. Гинзбургу. Однако к реализации был принят проект академика архитектуры И. А. Фомина, который предложил возвести архитектурный ансамбль в разработанном им стиле, известном как «красная дорика» (или «пролетарская классика»). Здания возводились на протяжении 1928–1937 годов [Кириченко, Щеболева, 1998, с. 311]. Комплекс ИВПИ занимает площадь нескольких городских кварталов. По первоначальному замыслу были возведены четыре здания института: главный корпус, химический факультет, рабочий факультет и библиотека. Композиционной осью архитектурного ансамбля являлась Соковская улица, на которую были обращены главные фасады всех зданий.

В 1930 году политех был расформирован, и в 1933 году в городе было уже 9 вузов: Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа имени товарища Молотова, Институт подготовки кадров красной профессуры, Промышленная академия, Медицинский, Педагогический, Сельскохозяйственный, Текстильный, Химико-технологический и Энергетический институты.

Столица рабочего края

Очередная административная реформа привела к тому, что 14 ноября 1929 года было принято решение об образовании Ивановской промышленной области (ИПО), объединившей современные Ивановскую, Владимирскую, Костромскую, Ярославскую и часть Нижегородской областей. ИПО была расформирована в 1936 году путем разделения на Ивановскую и Ярославскую, а в 1944-м из нее выделилась Владимирская область. Именно период с 1929 по 1936 год можно считать апогеем возвышения Иванова (27 декабря 1932 года постановлением ЦИК СССР город лишился второй части своего названия). Городское руководство, практически с момента создания «красной губернии» строившее весьма амбициозные планы, связанные с конвертацией символического капитала «родины первого Совета» в политический, наконец-то смогло эти замыслы реализовать.

Касаясь состояния и нужд областного центра, первый Областной съезд Советов констатировал и постановил следующее:

Исключительная неблагоустроенность гор. Иваново-Вознесенска, острая жилищная нужда в нем, отсутствие в этом крупном пролетарском центре зданий и помещений для размещения ряда учреждений по обслуживанию культурных потребностей его рабочего населения, неудовлетворительность местного транспорта, отсутствие достаточной сети столовых, торговых и складочных помещений, боен, холодильен, — обязывает Областной Исполнительный комитет учесть это положение и создать условия для усиленного роста бюджета г. Иваново-Вознесенска, как крупного пролетарского и областного центра. Вместе с тем Съезд поручает Областному Исполнительному комитету привлечь внимание Правительства к вопросу о мероприятиях по благоустройству города [Докладная..., 1930].

Основным вопросом городского благоустройства в документе был обозначен проект перепланировки города. В нем говорилось, что «из заштатной единицы город должен перестроиться в административно-культурный центр области» [Докладная..., 1930, с. 16]. Перечень необходимых мероприятий был обширен и включал развитие системы водопровода путем создания водохранилищ, строительство семи электростанций, торгово-складских помещений, бойни, фабрики-кухни мощностью 27 000 обедов, хлебозавода. Остро стояла проблема обеспечения жильем. Жилая площадь всех домовладений города к началу 1929 года составляла 587 847 кв. метров, и при количестве жителей 129 988 человек в среднем на одного человека приходилось 4,52 кв. метра. За три предшествующих года прироста обеспеченности горожан жилплощадью не было, и для выхода к 1933 году на среднюю для республики норму в 6,5 кв. метра при имеющемся росте населения требовалось построить 596 262 кв. метра жилья. Требовалась реконструкция и строительство школ, техникумов и вузов, медико-санитарных учреждений (больниц с родильными отделениями, ночного санатория, полидиспансера с туберкулезным, венерическим и психиатрическим отделениями).

Сверхцелью преобразования города первого Совета было построение идеального нового города для создания новых людей будущего. Эта интенция была одной из хорошо заметных в дискурсивных практиках эпохи. Так, пропагандистскую книжку теоретика архитектуры Л. М. Сабсовича «Советский Союз через 15 лет» завершает раздел под названием «Эпоха великих работ и проблема создания нового человека» [Сабсович, 1929]. Эпиграфом к другой своей книге — «Социалистические города» (1930) — Сабсович сделал фрагмент из работы Ленина «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме»: «Мы можем (и должны) начать строить социализм не из фантасти-

ческого и не из специально нами созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализмом. Это очень „трудно“, слов нет, но всякий иной подход к задаче так несерьезен, что о нем не стоит и говорить» [Сабсович, 1930].

Следует в очередной раз обратить внимание на то, что городское и областное руководство стремилось не просто следовать «линии партии», а предугадывать и опережать ее. «Перегибы на местах» не были в Иваново радикальными, но некоторые шаги местных властей демонстрировали попытки идти своим путем. Одной из показательных была дискуссия о домах-коммунах. С одной стороны, эта концепция имела свое экономическое обоснование. Как писал Н. А. Милютин:

строая отдельные кухни на 2–3 комнаты, мы затрачиваем в десятки раз больше средств и трудов, чем требуется для постройки большой фабрики-кухни или пищекомбината с сетью общественных столовых и подсобных кухонь при общежитиях. Сегодня этот вопрос решается нами путем попытки строить и то и другое, а так как денег-то у нас маловато, то и получается, что мы строим главным образом индивидуальные кухни, а не крупные, механизированные.

Буквально то же самое получается у нас и с яслями и садами для ребят. Строя отдельные квартиры для всей семьи рабочего, мы хотим одновременно создать сеть яслей и детских садов для их ребят, а так как средств на то и другое не хватает, то вопрос решается в пользу семейной квартиры, а не учреждений общественного воспитания ребят [Милютин, 1930].

С другой стороны, с точки зрения местных идеологов, город должен был быть в авангарде социалистического строительства. Главный редактор областной газеты «Рабочий край» М. З. Мануильский в опубликованных в феврале 1930 года заметках под характерными названиями «Надо строить дома-коммуны» и «Социалистический город – не фантазия» [Мануильский, 1930а; 1930б] указывал на отставание Иваново-Вознесенска от таких лидеров в создании нового быта, как Сталинград, Магнитогорск, Запорожье, Нижний Новгород:

К сожалению, у нас еще много есть людей, которых нужно убеждать, что проекты постройки социалистического города – не досужие мечты, что эти проекты воплотятся в жизнь в ближайшие годы. <...> Доходящие до нас сведения о том, что в ряде мест СССР разрабатываются планы социалистических городов, воспринимаются некоторыми товарищами так: да, будет построен социалистический город, состоящий из таких же домов, какие строим мы в Иваново. В нем будут ясли, детсады, школы, столовые, клубы, театры, такие же, как проектируются у нас. Ничего нового в этом нет. Нет, не так. Нового очень много. <...>

Именно дома-коммуны с общественным питанием, общественным воспитанием детей, а не теперешние дома с индивидуальными квартирами и кухнями являются теми ячейками, из которых будет состоять новый город [Мануильский, 1930а].

Тезис «Сначала постройте самый коллектив, а уже потом, поглядев на этот коллектив, мы будем строить дом» [В-ин, 1930], гневно обличался одним из авторов «Рабочего края». Однако уже 16 мая 1930 года в постановлении ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» осуждению подверглись «крайне необоснованные, полуфантастические, а поэтому чрезвычайно вредные попытки отдельных товарищей... „одним прыжком“ перескочить через... преграды на пути к социалистическому переустройству быта» [О работе..., 1930]. Анонсированный в «Рабочем крае» летом 1930 года дом-коммуна во Втором Рабочем поселке, постройка которого должна была завершиться к 1 сентября 1931 года [Дома-коммуны..., 1930], не был даже заложен.

Дом-коммуна должен был появиться в городе в результате конкурса, организованного в 1928 году товариществом «Первый Рабочий поселок». В результате был выбран проект И. А. Голосова, названный автором «Домом коллектива», представлявший собой 400-квартирный жилой комбинат с элементами обслуживания и включавший ясли, детский сад, столовую, прачечную и зал собраний. В первоначальный проект в ходе строительства и эксплуатации был внесен ряд изменений: коридорную систему заменили секционной, а фасады остались неоштукатуренными. Комплекс имел оригинальное пространственное решение – он состоял из четырех вытянутых прямоугольных корпусов, выходящих торцами на улицу Красных Зорь, объединенных попарно вдоль нее одноэтажными помещениями магазинов.

Другим примером социального эксперимента может служить соцгородок меланжевого комбината, состоявший из четырех отдельно стоящих корпусов, в трех из которых располагались квартиры для рабочих и служащих, а в одном было организовано общежитие для молодых рабочих, служившее образцом пролетарского быта. Четырехэтажное здание с коридорной системой планировки, кроме жилых комнат, включало большую общую столовую (обеды доставлялись из фабрики-кухни), красный уголок, комнаты общего отдыха на каждом этаже, читальный зал с библиотекой, спортзал на первом этаже. Жилые комнаты небольшого размера являлись спальнями и заселялись по 1, 2, 3 человека. Коммуна была ликвидирована после 1936 года, когда в связи с ростом семей возникла необходимость перепланировки дома и создания индивидуальных квартир. Существенно повлиять на решение жилищной проблемы эксперименты не смогли. При наличии в городе 150 тыс. жителей, на одного человека приходилось в среднем 2,7 кв. метра жилой площади, что было существенно ниже средних показателей по республике [Иваново..., 1936].

На новом этапе роста административно-территориального статуса особую роль приобретало, с одной стороны, изменение городской среды, а с другой – строительство знаковых объектов, демонстрирующих высокий статус города. Еще в 1928 году был составлен план коренной реконструкции и перепланировки города [Шуб, 1934, с. 18]. И, кроме неотложных задач по изменению низких показателей обеспечения населения жильем и основным перечнем бытовых услуг, были намечены приоритеты «культурного строительства»:

Превратить Иваново в подлинный культурно-хозяйственный центр области – такова директива правительства и партии. Иваново включен в первоочередной список реконструируемых городов. Перед городом поставлена задача не только форсированного строительства, но и строительства по строго разработанному плану.

Первая схема планировки Иванова намечена была еще в 1928 году – на губернский масштаб. Она устарела, конечно. Через два года проф. Ильин, которому поручено было проектирование, дал новую схему планировки Иванова как областного центра – с перспективой на 20–30 лет и с расчетом на миллион жителей. Ввиду сомнений в реальности такого роста населения (сейчас в Иванове – 206 тыс.) – признано было необходимым еще раз переделать проект [Волжанин, 1933, с. 14].

В 1929–1930 годах прошел конкурс на проект Дворца труда для Иваново-Вознесенска. Первую премию получил проект В. А. Щуко и В. Г. Гельфрейха [Хан-Магомедов, 1975]. Грандиозное здание в форме серпа и молота так и не было построено. После конкурса на Дворец труда, в 1930 году был объявлен конкурс на проект Дома Советов, победителем которого был объявлен ленинградский архитектор В. М. Гальперин. Его проект предусматривал возведение на центральной площади здания, состоящего из двух длинных корпусов, соединенных главным 8-этажным. Чтобы расчистить место под строительство, были снесены Федоровская часовня, Рождественская и Крестовоздвиженская церкви и две колокольни, одну из которых пытался отстоять куратор проекта Л. А. Ильин. К 1934 году был возведен четырехэтажный южный корпус, протянувшийся на 250 метров. Пространство перед главным корпусом планировалось использовать для массовых мероприятий. Уже в процессе строительства у руководства города возникли претензии к реализуемому проекту. На рубеже 1936–1937 годов решался вопрос перестройки уже возведенного корпуса и даже создания нового проекта. Центральная площадь города так и не обрела облик, достойный столицы крупного региона, а южный корпус Дома Советов стал символом недовершенных до завершения усилий по радикальному преобразению города.

Тем не менее с 1929 по 1936 год был реализован целый ряд общественных зданий «столичного» ста-

туса. Это конструктивистский железнодорожный вокзал (архитектор В. М. Каверинский, 1932), гостиница «Центральная» (Д. В. Разов, 1930), фабрика-кухня «Нарпит № 2» (А. А. Журавлёв, 1933), Центральный почтамт (Г. С. Гурьев-Гуревич, 1931) и кинотеатр «Центральный» (Е. Ю. Брокман, В. М. Воинов, 1929–1931), комплекс интернационального детского дома МОПРа имени Е. Д. Стасовой (Н. И. Порхунев, 1931–1933), здание ОГПУ (Н. И. Кадников, 1932) и самые неординарные памятники ивановского конструктивизма – дома-метафоры: дом-«корабль» (Д. Ф. Фридман, 1929–1930) и дом-«подкова» (А. И. Панов, 1933–1934) [Тимофеев, 2016].

Цирк, спроектированный в 1930 году Б. С. Виленским, должен был строиться в Иваново-Вознесенске, однако, как сообщала газета «Поволжская правда», «с большим трудом удалось отвоевать его для Саратова» [Полевой, 1930]. После этого в мае 1931 года в областных газетах был опубликован проект цирка на 3000 мест (архитектор С. А. Минофьев, инженер Б. В. Лопатин), в котором предусматривалась оригинальная конструкция полусферического купола из 32 деревянных полуарок. Уникальный цирк был возведен в 1933 году и стал самым крупным в СССР.

Пиком мегаломании можно считать объявленный в 1931 году всесоюзный конкурс на проектирование «театра массового действия», в котором приняли участие 11 архитекторов. Победителем стал Н. А. Троцкий, проект которого был отклонен из-за дороговизны и сложности. Принятый первоначально к осуществлению проект И. А. Голосова предусматривал создание зала на 2750 мест. Например, учитывалась возможность пропуска через сцену массовых демонстраций, воинских частей и автомобилей. Перед театром была запроектирована обширная площадь, где планировалось разворачивать массовые действия. Однако заказ на разработку проекта театра был передан представителю Всесоюзного объединения пролетарских архитекторов А. Власову [Хан-Магомедов, 2001]. Журнал «Рабочий край» в 1934 году сообщал следующие подробности строительства: «По наружной высоте театр с уровня будущей театральной площади на долгие годы будет самым высоким зданием в городе. Высота его будет 47 метров, что равняется высоте 15-этажного дома. Гора, на которой строится театр, снаружи будет облицована гранитом» [Кокурин, 1934, с. 27]. Принятый в эксплуатацию в 1940 году Ивановский Большой драматический театр стал одним из трех крупнейших театральных зданий театров страны, выдержанных в постконструктивистском стиле – наряду с Новосибирским театром оперы и балета и Ростовским академическим театром драмы. Розовым гранитом его так и не облицевали.

Накануне семнадцатой годовщины Октябрьской революции, 6 ноября 1934 года, в Иванове официально началась эпоха электротранспорта: по стальной колее под медными проводами начали курсировать 25 трамвайных вагонов. Две первые однопутные ветки (от вокзала через современный про-

спект Ленина и площадь Революции до меланжевого комбината и через Почтовую – до Первого Рабочего поселка) смогли подготовить за пять месяцев. Газета «Рабочий край» писала, что «трамвай для Иванова – это то же, что метро для Москвы. За его стройкой с горячим и жадным вниманием следит вся рабочая общественность. И его будут строить не только рабочие трамвайного управления, но все трудящиеся города – все Иваново» [Можаров, 1934, с. 27]. В мае 1935 года была пущена линия трамвая № 3, следовавшего от улицы Краснопрудной до Парка культуры и отдыха имени Степанова и стадиона «Динамо» (ныне «Текстильщик»). В том же году от улицы Почтовой в местечко Воробьево прокладывается маршрут трамвая № 4. Появившийся в 1936 году пятый маршрут следовал от площади Революции до фабрики «Красная Талка», соединив, таким образом, промзоны городской периферии с центром.

Масштабные урбанистические замыслы рушились по мере того, как форсированная индустриализация все в большей степени обнажала проблему дефицита ресурсов. Грандиозный замысел реконструкции центра Иванова так и не был претворен в жизнь из-за смены политической конъюнктуры в 1936 году, когда город перестал быть центром Ивановской промышленной области, а местные партийные руководители попали под каток политических репрессий.

Незавершенность можно по праву считать одним из ключевых понятий, через которые сегодня мыслится советское градостроительство 1920–1930-х гг. Нереализованные и незавершенные проекты советских архитекторов традиционно являются предметом пристального разбора и анализа, развитие многих городов советского периода нередко рассматривается через призму неосуществленных замыслов их реконструкции, «незавершенным» признается «авангардный» проект советской архитектуры, а в некоторой степени – и весь советский архитектурный проект в целом. Одним словом, незавершенность признается если не сущностной чертой советского градостроительства, то его отличительной особенностью и неотъемлемым символическим атрибутом [Ильченко, 2017].

Иваново-вознесенский случай формирования новой среды обитания для нового человека следует рассматривать в широком контексте, с учетом чаяний местного руководства и местных революционеров, занимавших в первые два послереволюционных десятилетия высокие партийные и государственные посты, настаивавших на избранности города в строительстве социализма. Именно утопичность высоких замыслов, с одной стороны, и приземленность повседневности – с другой, формировали особую атмосферу той эпохи. Как написал литературовед Л. Н. Таганов, «многим ивановцам-патриотам верилось тогда, что начинается строительство со-

вершенно небывалого города» [Таганов, 2006]. Воплотить в жизнь смелые мечты за отпущенный историей срок не получилось.

Источники

- 100% Иваново (2010) Агитационный текстиль 1920–1930-х годов из собрания Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д.Г.Бурылина. М.: Первая публикация.
- Азеева Г.Т. (ред.-сост.) (2011) Иваново-Вознесенск в письмах семьи немецкого инженера Эрбе = Iwanowo-Wosnessensk in Briefen der Familie des deutschen Ingenieurs Erbe. Иваново: А-Гриф.
- Ахьямова И.А., Ильченко М.С. (ред.) (2016) Опыты авангарда: от утопии к повседневности. Материалы международного симпозиума (12–15 мая 2015 г.). Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства.
- Бархин Г. (1926) Проект прядильной фабрики для города Иваново-Вознесенска. 1926 год // Современная архитектура. № 5–6. С. 126.
- Барц М., Владимиров В. (1929) Дом-коммуна. Стройком РСФСР // Современная архитектура. № 4. С. 122–129.
- Барыкин Н. (1937) Конкурс проектов // Ивановская область: ежемес. полит.-эконом. журн. № 1. С. 125–127.
- Бугров К.Д. (2018) Красноуральск – забытый соцгород первой пятилетки // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. С. 353–364.
- Буров А., Парусников М. (1926) Москва. Конкурсный проект рабочих домов для Иванова-Вознесенска // Современная архитектура. № 2. С. 62.
- В-ин А. (1930) За дома-коллективы // Рабочий край. 12 января.
- В. Г. (1931) В этом же году начать постройку дома-коммуны // Рабочий край. 2 июля.
- Валуев Д.В. (2015) Кампания по «коллективизации быта» в Смоленске (1929–1930 годы): истоки, проведение, результаты // Известия Смоленского государственного университета. № 4 (32). С. 274–285.
- Вильям И.Н., Пастернак А.Л. (1928) Прядильная фабрика в Иваново-Вознесенске // Современная архитектура. № 1. С. 10–11.
- Власов И. (1925) Об автобусном движении // Рабочий край. 14 апреля.
- Волжанин А. (1933) Иваново 1960 года // Рабочий край. № 1. С. 14–15.
- Докладная записка правительству РСФСР о необходимости благоустройства и социалистической реконструкции города Иваново-Вознесенска, как крупного пролетарского и нового областного центра. (1930) Иваново-Вознесенск: Изд-во горсовета.
- Дома-коммуны – решающее звено бытовой революции (1930) // Рабочий край. 4 июля.
- Иваново в годы социалистического строительства. (1936) Сб. материалов за 1924–1936 гг. Иваново.
- Ильченко М.С. (2017) Незавершенный проект как форма восприятия советского градостроительства 1920–1930-х гг.: опыт социалистических городов // Сибирские исторические исследования. № 2. С. 56–79.
- Исаков А.С. (2014) Ивановская область – стартовая точка в развитии типологии фабрик-кухонь в СССР в 1920–1930-е годы // Архитектон: известия вузов № 45. С. 128–133.
- Канаева Л.Б., Богородицкий В.В. (2001) Первая в СССР фабрика-кухня: открыты имена архитекторов // Краеведческие записки. Вып. 6–7. Иваново. С. 114–118.
- Кириченко Е.И., Шеболева Е.Г. (ред.) (1998) Свод памят-

- ников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. Ч. 1. М.: Наука.
- Кокурин А.Е. (1934) Каким будет новый театр? // Рабочий край. № 4. С. 26–27.
- Кондаков Б. (2007) Москва 1930-х как идеальный город будущего // *Miasta Nowych Ludzi: architektoniczna i urbanistyczna spuścizna komunizmu / Z. Grębecka, J. Sadowski (red.). Warszawa, Obóz. Problemy Narodów Wyłego Obozu Komunistycznego.* № 48. Т. I. S. 127–136.
- Косенкова Ю.Л. (ред.) (2018) Советское градостроительство. 1917–1941. Кн. 1 и 2. М.: Прогресс-Традиция.
- Кочухова Е.С., Рабинович Е.И. (2015) «Культурно-политический комбинат» под открытым небом: Центральный парк 1930-х vs клубные сады 1920-х: случай Свердловска // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований.* № 2. С. 6–18.
- Краснокамск: интеграция в будущее (2014) Материалы конференции «Архитектурное наследие соцгородов – бремя прошлого или ресурс развития?». 27–28 ноября 2013. Пермь: «Литер-А».
- Кропотов С, Литовская М. (2007) Ревитализация утопического в урбанистическом пространстве: случай Екатеринбург/Свердловска // *Miasta Nowych Ludzi: architektoniczna i urbanistyczna spuścizna komunizmu / Z. Grębecka, J. Sadowski (red.). Warszawa, Obóz. Problemy Narodów Wyłego Obozu Komunistycznego.* № 49. Т. II. S. 73–87.
- Кухер К. (2012) Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. М.: РОССПЭН.
- Ленин В.И. (1974) Речь на III съезде рабочих текстильной промышленности // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 317–324.
- Литовский О.С., Майоров И.А. (ред.) (1925) Красный Манчестер: Художественный альбом. Иваново-Вознесенская губерния. Ч. 1. Иваново-Вознесенск: изд. «Реклампроvincии» при газете «Рабочий край».
- Луночкин А.В., Фурман Е.Л. (2020) Сталинград накануне индустриализации: социально-культурное развитие и благоустройство // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения.* Т. 25. № 3. С. 6–20.
- Мануильский М. (1930а) Надо строить дома-коммуны // *Рабочий край.* 4, 5, 6 февр.
- Мануильский М. (1930б) Социалистический город – не фантазия // *Рабочий край.* 8 февр.
- МАО конкурсы. 1923–1926 (1926) М.: Издание Московского архитектурного общества.
- Меерович М. (2004) Концепция социалистического города: истоки и современное состояние // *Вестник Иркутского государственного технического ун-та.* № 4 (20). С. 95–98.
- Меерович М.Г. (2009) Соцгород – базовое понятие советской градостроительной теории первых пятилеток // *Вестник Томского государственного архитектурно-строительного ун-та.* № 4 (25). С. 51–56.
- Меерович М.Г. (2017) Градостроительная политика СССР, 1917–1929: от города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: Новое литературное обозрение.
- Меерович М.Г., Коньшева Е.В., Хмельницкий Д.С. (2011) Кладбище соцгородов: Градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М.: РОССПЭН.
- Мещеряков Н. (1931) О социалистических городах. М.: ОГИЗ «Молодая гвардия».
- Милютин Н.А. (1930) Соцгород. Проблема строительства социалистических городов. Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных мест СССР. Государственное издательство, Москва–Ленинград, 1930.
- Можаров Г. (1934) Иваново строит трамвай // *Рабочий край.* № 3. С. 27–28.
- Наши достижения (1925) // *Известия.* 29 марта.
- О работе по перестройке быта (постановление ЦК ВКП (б) от 16 мая 1930 г.) (1930) Режим доступа: http://ussr.totalarch.com/work_restructuring_life (дата обращения: 01.12.2020).
- Орельская О.В. (2018) Неосуществленные проекты 1930-х годов по застройке города Горького (Нижнего Новгорода) // *Academia. Архитектура и строительство.* № 3. С. 29–36.
- Орлов Д.Л. (2017) «Почему рабочий не ездит на автобусе?». К 90-летию открытия автобусного движения в Иваново // *Наша Родина Иваново-Вознесенск.* № 1. С. 46–55.
- Полевой Р. (1930) Цирк построить к сроку // *Поволжская правда,* 13 августа.
- Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации (2015) Проблемы российской истории. Вып. XIII. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати.
- Путеводитель-справочник по городу Иванову Ивановской промышленной области (1933) Иваново: Издание Ивановского городского бюро краеведения.
- Сабсович Л. (1930) Социалистические города. М.: Госиздат РСФСР; Моск. рабочий.
- Сабсович Л.М. (1929) СССР через 15 лет. Гипотеза генерального плана, как плана построения социализма в СССР. М.: Плановое хозяйство.
- Степанов А.В. (2012) Одна империя, три пути развития // Проект «Манчестер»: прошлое, настоящее и будущее индустриального города: сборник научных статей / М.Ю. Тимофеев (ред.). Иваново: Ивановский гос. ун-т. С. 10–27.
- Таганов Л.Н. (2006) «Ивановский миф» и литература. Иваново: Издательство МИК.
- Тимофеев М. (2016) От «красного Манчестера» к «красному Диснейленду»: конструктивистская архитектура и стратегии позиционирования города Иваново // *Quaestio Rossica.* Т. 4. № 3. С. 72–92. DOI 10.15826/qt.2016.3.176.
- Тимофеев М. (2021) Предчувствие утопии: Репрезентации города будущего в повести А.В.Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920) и в газетном романе Вл.Федорова «Чудо грешного Питирима» (1925) // *Новое литературное обозрение.* Т. 167. № 1. С. 36–48.
- Тимофеев М.Ю. (2005) История формирования семиосферы города Иваново (1917–1991) // *Вестник Ивановского университета.* № 3. С. 78–94.
- Тимофеев М.Ю. (2020) Создание «красной губернии»: Иваново-Кинешемский промышленный район в 1917–1922 гг. // 1917–1922 гг.: революция, кризис, провинция / Н.В. Липатова, С.А. Прокопенко (ред.). Ульяновск. С. 72–79.
- Уткин В. (2015) Тайна хрустального гроба // *Ивановский бизнес.* № 10. С. 42–43.
- Фурман Е.Л., Луночкин А.В., Юдина Т.В. (2020) Сталинград в конце 1920-х – начале 1930-х гг.: население, жилищно-коммунальное хозяйство, благоустройство города // *Экономическая история.* Т. 16. № 2 (49). С. 156–166.
- Хазанова В.Э. (1970) Советская архитектура первых лет Октября. 1917–1925 гг. М.: Наука. Режим доступа: https://www.alyoshin.ru/Files/publika/hazanova/hazanova_october_01.html (дата обращения: 01.12.2020).
- Хан-Магомедов С.О. (1975) Архитектура общественных зданий. 1917–1932 // *Всеобщая история архитектуры.* Т. 12. Кн. 1. Архитектура СССР / Н.В. Баранова (ред.). М.: Стройиздат.
- Хан-Магомедов С.О. (2001) Архитектура советского авангарда. Кн. 2: Социальные проблемы. М.: Стройиздат.
- Шуб А. (1934) Иваново ближайшего будущего // *Рабочий край.* № 4. С. 18–19.

The creation of an exemplary socialist city: Ivanovo-Voznesensk in the 1920-1930s

Mikhail Y. Timofeev, DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Ivanovo State University, Head of the IVGU Scientific and Educational Center «Urban and Regional Studies»; editor-in-chief of the magazine «Labyrinth. Theory and Practice of Culture»; 5 Timiryazeva Street, Ivanovo, 153025, Russian Federation, tel. +7903 878 77 99
E-mail: timofeev.01@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the attempt in the 1920s and 1930s to transform the city of Ivanovo-Voznesensk (Ivanovo since 1932) into an exemplary socialist city. This idea was based on the special role of the city during the first Russian revolution, when the Union of Workers' Deputies was created during the general strike. The local authorities tested the most modern ideas in the formation of the urban environment and implemented ambitious architectural projects. Since the socio-cultural sphere had to be created almost from scratch, a large number of projects were constructed in the new architectural forms of constructivism, post-constructivism and "proletarian classics". In 1918, the city infrastructure of Ivanovo-Voznesensk was completely unsuitable for a provincial center. Initially, water supply and sewerage systems were created and streets were paved. Some large-scale projects (e.g. the Lenin People's House) could not be implemented because of a lack of resources. As a result of a mass renaming in 1927, about 300 streets were ideologically named. The creation of the Polytechnic Institute, the launch of a tram in 1934, and the opening of the first kitchen factory in the USSR in 1925 were symbolic acts. At the end of the 1920s, two new spinning factories and a huge melange mill were built in the city. From the mid-1920s to the second half of the 1930s several workers' settlements, a large number of residential buildings, a large railway station, banks, hospitals, kindergartens, a cinema, a circus, an international orphanage, and student dormitories were built in the city. All-Union competitions preceded the construction of the Bolshoi Drama Theater and buildings for the Polytechnic Institute. At the turn of the 1920s and 1930s special importance was attached to the con-

struction of a commune house in the city. In 1936 the city was deprived of its status as the first Council homeland. The Ivanovo industrial region was liquidated and as a result, a significant part of the city development plans were not implemented.

Keywords: urban studies; social city; Soviet architecture; city morphology; urban narratives

Citation: Timofeev M. (2021) The Creation of an Exemplary Socialist City: Ivanovo-Voznesensk in the 1920-1930s. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 1, pp. 50-65. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp61202150-65>

References

- 100% Ivanovo (2010) *Agitatsionnyy tekstil' 1920-kh–1930-kh godov iz sobraniya Ivanovskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya im. D.G.Burylina* [100% Ivanovo: Agitation Textiles of the 1920s-1930s from the Collection of the Ivanovo State Museum of History and Local Lore of D.G.Burylin]. Moskva: Pervaya publikatsiya [Moscow: First Publication Publishing House]. (in Russian)
- Akh'yamova I.A., Il'chenko M.S. (2016) *Opyty avangarda: ot utopii k povsednevnosti. Materialy mezhdunarod. simpoziuma (12-15 maya 2015 g.)* [Avant-garde Experiences: from Utopia to Everyday Practices. Proceedings of the International Symposium (May 12-15, 2015)]. Ekaterinburg: Ekaterinburgskaya akademiya sovremennogo iskusstva [Yekaterinburg: Yekaterinburg Academy of Contemporary Art.]. (in Russian)
- Azeeva G.T. (ed.) (2011) *Ivanovo-Voznesensk v pis'makh sem'i nemetskogo inzhenera Erbe = Iwanowo-Wosnessensk in Briefen der Familie des deutschen Ingenieurs Erbe* [Ivanovo-Voznesensk in the family letters of the German engineer Erbe]. Ivanovo: A-Grif.
- Barkhin G. (1926) *Proekt pryadil'noy fabriki dlya goroda Ivanovo-Voznesenska. 1926 god* [Spinning Mill Project for Ivanovo-Voznesensk. 1926]. *Sovremennaya arkhitektura* [Modern Architecture], no 5-6, p. 126. (in Russian)
- Barshch M., Vladimirov V. (1929) *Dom-kommuna. Stroykom RSFSR [A House-commune. Construction Company of the RSFSR]. *Sovremennaya arkhitektura* [Modern Architecture], no 4, pp. 122-129. (in Russian)*

Barykin N. (1937) *Konkurs proektov [The Project Competition]. Ivanovskaya oblast': ezheмес. polit.-ekonom. zhurnal* [Ivanovo Region: Monthly Political and Economic Journal], no 1, pp. 125-127. (in Russian)

Bugrov K.D. (2018) *Krasnoural'sk-zabytyy sotsgorod pervoy pyatiletki [Krasnouralsk: Forgotten "Socialist City" of the First Five Year Plan]. *Sovetskiy proekt. 1917-1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii: sbornik nauchnykh trudov* [Soviet Project. 1917-1930s: Stages and Mechanisms of Implementation: Collection of Scientific Papers]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta [Yekaterinburg: Ural University Publishing House], pp. 353-364. (in Russian)*

Burov A., Parusnikov M. (1926) *Moskva. Konkurny proekt rabochikh domov dlya Ivanovo-Voznesenska* [Moscow. Competition project of working houses for Ivanovo-Voznesensk]. *Sovremennaya arkhitektura* [Modern Architecture], no 2, p. 62. (in Russian)

Dokladnaya zapiska pravitel'stvu RSFSR o neobkhodimosti blagoustroystva i sotsialisticheskoy rekonstruktsii goroda Ivanovo-Voznesenska, kak krupnogo proletarskogo i novogo oblastnogo tsentra (1930) [Memorandum to the Government of the RSFSR on the Need for Improvement and Socialist Reconstruction of Ivanovo-Voznesensk, as a Large Proletarian and New Regional Center]. Ivanovo-Voznesensk: Izd-vo gorsoвета [Ivanovo-Voznesensk: Gorsovet Publishing House]. (in Russian)

Doma-kommuny-reshayushchee zveno bytovoy revolyutsii (1930) [House-communes—the Crucial Detail in the Revolution of Everyday Life]. *Rabochiy kray* [Labor Side], 4 July.

Furman E.L., Lunochkin A.V., Yudina T.V. (2020) *Stalingrad v kontse 1920-kh–nachale 1930-kh gg.: naselenie, zhilishchno-kommunal'noe khozyaystvo, blagoustroystvo goroda* [Stalingrad in the Late 1920s–Early 1930s: Population, Housing and Communal Services, City Improvement]. *Ekonomicheskaya istoriya* [Russian Journal of Economic History], vol. 16, no 2 (49), pp. 156-166. (in Russian)

Il'chenko M.S. (2017) *Nezavershennyy proekt kak forma vospriyatiya sovetskogo gradostroitel'stva 1920-1930-kh gg.: opyt sotsialisticheskikh gorodov* [Unfinished Project as a Way to Conceive Soviet Urban Planning in the 1920s

- and the 1930s: The Case of Socialist Cities]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], no 2, pp. 56–79. (in Russian)
- Ivanov A.S. (2014) Ivanovskaya oblast'—startovaya tochka v razvitiy tipologii fabrik-kukhon' v SSSR v 1920–1930-e gody [Ivanovo Region—The Starting Point in the Development of the Typology of Kitchen Factories in the USSR in the 1920s and 30s]. *Arkhitekton: izvestiya vuzov* [Architecton: Proceedings of Higher Education], no 45, pp. 128–133. (in Russian)
- Ivanovo v gody sotsialisticheskogo stroitel'stva Sb. mat-lov za 1924–1936 gg. (1936) [Ivanovo During the Years of Socialist Construction. Collection of Materials for the 1924–1936 years]. Ivanovo. (in Russian)
- Kanaeva L.B., Bogoroditskiy V.V. (2001) Pervaya v SSSR fabrika-kukhnya: otkryty imena arkhitektov [The First Factory-kitchen in the USSR: the Names of Architects are Revealed]. *Kraevedcheskie zapiski. Vyp. 6–7* [Local History Notes. Issue 5–7]. Ivanovo, pp. 114–118. (in Russian)
- Khan-Magomedov S.O. (1975) Arkhitektura obshchestvennykh zdaniy. 1917–1932 [Architecture of Public Buildings. 1917–1932]. Baranov N.V. (ed.) *Vseobshchaya istoriya arkhitektury. Tom 12. Kniga pervaya. Arkhitektura SSSR* [General History of Architecture. Volume 12. Book one. Architecture of the USSR]. M.: Stroyizdat. (in Russian)
- Khan-Magomedov S.O. (2001) Arkhitektura sovetskogo avangarda. Kn. 2: Sotsial'nye problemy. [Architecture of Soviet Avantgarde. Book 2: Social Problems]. M.: Stroyizdat. (in Russian)
- Khazanova V.E. (1970) Sovetskaya arkhitektura pervykh let Oktyabrya. 1917–1925 gg. [Soviet Architecture of the Earliest October Years, 1917–1925] Moskva: Nauka [Moscow: Publishing House Nauka]. (in Russian)
- Kirichenko E.I., Shcheboleva E.G. (eds.) (1998) Svod pamyatnikov arkhitektury i monumental'nogo iskusstva Rossii. Ivanovskaya oblast'. Ch. 1 [Code of Monuments of Russian Architecture and Monumental Art. Part 1]. Moskva: Nauka [Publishing House Nauka]. (in Russian)
- Kochukhova E.S., Rabinovich E.I. (2015) "Kul'turno-politicheskiy kombinat" pod otkrytym nebom: Tsentral'nyy park 1930-kh vs klubnye sady 1920-kh.: sluchay Sverdlovskaya [Open Air "Cultural-Political Complex": Central Park of the 1930s Vs Clubs Parks of the 1920s (The Case of Sverdlovsk)]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth: Journal of Social and Humanities Research], no 2, pp. 6–18. (in Russian)
- Kokurin A.E. (1934) Kakim budet novyy teatr? [What Will the New Theater be Like?]. *Rabochiy kray* [Labor Side], no 4, pp. 26–27. (in Russian)
- Kondakov B. (2007) Moskva 1930-kh kak ideal'nyy gorod budushchego [Moscow of the 1930s as an Ideal City of the Future]. Grębecka Z., Sadowski J. (red.) *Miasta Nowych Ludzi: architektoniczna i urbanistyczna spuścizna komunizmu. Warszawa, Obóz. Problemy Narodów Byłego Obozu Komunistycznego* [Cities of New People: The Architectural and Urban Legacy of Communism. Problems of the Peoples of the Former Communist Camp], vol. 1, no 48, pp. 127–136. (in Russian)
- Kosenkova Y.L. (2018) Sovetskoe gradostroitel'stvo. 1917–1941. Knigi 1 i 2 [Soviet Urban Planning. 1917–1941. Books 1 and 2]. Moskva: Progress-Traditsiya [Moscow: Progress-Tradition Publishing House]. (in Russian)
- Krasnokamsk: integratsiya v budushchee. Materialy konferentsii «Arkhitekturnoe nasledie sotsgorodov—bremya proshlogo ili resurs razvitiya?» 27–28 noyabrya 2013 (2014) [Krasnokamsk: integration into the future. Materials of the conference «Architectural heritage of social cities—a burden of the past or a resource for development?». November 27–28, 2013.] Perm': «Liter-A». (in Russian)
- Kropotov S, Litovskaya M. (2007) Revitalizatsiya utopicheskogo v urbanisticheskoy prostranstve: sluchay Ekaterinburga/Sverdlovskaya [Revitalization of the Utopian in Urban Space: The Case of Yekaterinburg/Sverdlovsk]. Grębecka Z., Sadowski J. (red.) *Miasta Nowych Ludzi: architektoniczna i urbanistyczna spuścizna komunizmu. Warszawa, Obóz. Problemy Narodów Byłego Obozu Komunistycznego* [Cities of New People: The Architectural and Urban Legacy of Communism. Problems of the Peoples of the Former Communist Camp], vol. 2, no 49, pp. 73–87. (in Russian)
- Kukher K. (2012) Park Gor'kogo. Kul'tura dosuga v stalinskuyu epokhu. 1928–1941 [Gorky Park: Leisure Culture in the Stalin era. 1928–1941]. M.: ROSSPEN. (in Russian)
- Lenin V.I. (1974) Rech' na III s'ezde rabochikh tekstil'noy promyshlennosti [Speech Delivered at the Third All-Russia Congress of Textile]. *Poln. sobr. soch.* [Complete Collection of Works], col. 40, pp. 317–324. (in Russian)
- Litovskiy O.S., Mayorov I.A. (1925) Krasnyy Manchester: Khudozhestvennyy Al'bom. Ivanovo-Voznesenskaya Guberniya. Ch. 1 [Red Manchester: Art Album. Ivanov-Voznesensk Province. Part 1]. Ivanovo-Voznesensk: izd. «Reklamprovintsiya» pri gaz. «Rabochiy kray» [Ivanovo-Voznesensk: Publishing House in the «Labor Side» Newspaper]. (in Russian)
- Lunochkin A.V., Furman E.L. (2020) Stalingrad nakanune industrializatsii: sotsial'no-kul'turnoe razvitiye i blagoustroystvo [Stalingrad on the Eve of Industrialization: Social and Cultural Development and Improvement]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations], vol. 25, no 3, pp. 6–20. (in Russian)
- Manuil'skiy M. (1930a) Nado stroit' doma-kommuny [We Ought to Build Commune-houses]. *Rabochiy kray* [Labor Side], 4, 5, 6 February. (in Russian)
- Manuil'skiy M. (1930b) Sotsialisticheskiy gorod—ne fantaziya [A Socialist City is not a Fantasy]. *Rabochiy kray* [Labor Side]. 8 February. (in Russian)
- MAO konkursy. 1923–1926 (1926) [MAO contests. 1923–1926] Moskva: Izdanie Moskovskogo arkhitekturnogo obshchestva [Publication of the Moscow Architectural Society]. (in Russian)
- Meerovich M. (2004) Kontseptsiya sotsialisticheskogo goroda. Istoki i sovremennoe sostoyaniye [The concept of a socialist city. The origins and current state]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Proceedings of Irkutsk State Technical University], no 4 (20) pp. 95–98. (in Russian)
- Meerovich M.G. (2009) Sotsgorod—bazovoye ponyatiye sovetskoy gradostroitel'noy teorii pervykh pyatiletok [Socialist city is a basic concept of the soviet town-planning theory of the first five-years plans]. *Vestnik Tomskogo go-*

- sudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta [Vestnik of Tomsk State University of Architecture and Building], no 4 (25), pp. 51–56. (in Russian)
- Meerovich M.G. (2017) Gradostroitel'naya politika SSSR, 1917–1929: ot goroda-sada k vedomstvennomu rabochemu poselku [Town-planning policy in the USSR in 1917–1929: from the Garden City to the department working district]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer Publishing House]. (in Russian)
- Meerovich M.G., Konyshcheva E.V., Khmel'nitskiy D.S. (2011) Kladbishche sotsgorodov: Grado-stroitel'naya politika v SSSR (1928–1932 gg.) [A cemetery of social cities: Urban planning policy in the USSR (1928–1932)]. M.: ROSSPEN. (in Russian)
- Meshcheryakov N. (1931) O sotsialisticheskikh gorodakh [On Socialist Cities]. M.: OGIZ Molodaya gvardiya. (in Russian)
- Milyutin N.A. (1930) Sotsgorod. Problema stroitel'stva sotsialisticheskikh gorodov. Osnovnye voprosy ratsional'noy planirovki i stroitel'stva naselennykh mest SSSR [Sotsgorod. The problem of socialist cities' construction]. Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Moskva-Leningrad [Moscow-Leningrad: State Publishing House]. (in Russian)
- Mozharov G. (1934) Ivanovo stroit tramvay [Ivanovo is building a tram]. *Rabochiy kray* [Labor Side], no 3, pp. 27–28. (in Russian)
- Nashi dostizheniya (1925) [Our achievements]. *Izvestiya*. 29 marta.
- O rabote po perestroyke byta (postanovlenie TsK VKP (b) ot 16 maya 1930 g.) [About the work on the reconstruction of everyday life (Resolution of the Central Committee of the AUCP(b) of May 16, 1930)]. Available at: http://ussr.totalarch.com/work_restructuring_life (accessed 01 December 2020) (in Russian)
- Orel'skaya O.V. (2018) Neosushchestvlyennyye proekty 1930-kh godov po zastroyke goroda Gor'kogo (Nizhnego Novgoroda) [The 1930s Unrealized Projects on Development of Gorky City (Nizhny Novgorod)]. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and Construction], no 3, pp. 29–36. (in Russian)
- Orlov D.L. (2017) "Pochemu rabochiy ne ezdit na avtobuse?". K 90-letiyu otkrytiya avtobusnogo dvizheniya v Ivanove ["Why Doesn't the Worker Go by Bus?" Dedicated to the 90th Anniversary of the Opening of Bus Traffic in Ivanovo]. *Nasha Rodina Ivanovo-Voznesensk* [Our Homeland Ivanovo-Voznesensk], no 1, pp. 46–55. (in Russian)
- Polevoy R. (1930) Tsirk postroit' k sroku [The circus has to be built on time]. *Povolzhskaya Pravda* [Povolzhskaya Pravda], 13 August. (in Russian)
- Sotsialisticheskiy gorod i sotsiokul'turnye aspekty urbanizatsii. Problemy rossiyskoy istorii. Vyp. XIII (2015) [Socialist city and sociocultural aspects of urbanization. Russian History Problems. Issue XIII]. Magnitogorsk: Magnitogorskiy dom pechati [Magnitogorsk Publishing House]. (in Russian)
- Putevoditel'-spravochnik po gorodu Ivanovu Ivanovskoy Promyshlennoy oblasti (1933) [Ivanovo, Ivanovo Industrial Region guide/reference book]. Ivanovo: Izdanie Ivanovskogo gorodskogo byuro kraevedeniya. (in Russian)
- Sabsovich L. (1930) Sotsialisticheskie goroda [Socialist Cities]. Moskva: Gosizdat RSFSR; Mosk. Rabochiy [Moscow: Gosizdat Publishing House]. (in Russian)
- Sabsovich L.M. (1929) SSSR cherez 15 let. Gipoteza general'nogo plana, kak plana postroyeniya sotsializma v SSSR [USSR in 15 Years. The Hypothesis of the General Plan as a Plan for Building Socialism in the USSR]. Moskva: Planovoe khozyaystvo [Moscow: Planned Economy]. (in Russian)
- Shub A. (1934) Ivanovo blizhayshego budushchego [Ivanovo in the near future]. *Rabochiy kray* [Labor Side], no 4, pp. 18–19. (in Russian)
- Stepanov A.V. (2012) Odnaya imperiya, tri puti razvitiya [One Empire, Three Ways of Development]. Timofeeva M.Yu. (ed.) *Proekt "Manchester": proshloe, nastoyashchee i budushchee industrial'nogo goroda: sbornik nauchnykh statey* [The Manchester Project: the Past, Present and Future of an Industrial City: Collection of Scientific Papers]. Ivanovo: Ivan. gos. un-t [Ivanovo State University Publishing House], pp. 10–27. (in Russian)
- Taganov L.N. (2006) "Ivanovskiy mif" i literatura. [“Ivanovo Myth” and Literature]. Ivanovo: Izdatel'stvo MIK. (in Russian)
- Timofeev M. (2016) Ot "krasnogo Manchestera" k "krasnomu Disneylendu": konstruktivistskaya arkhitektura i strategii pozitisionirovaniya goroda Ivanovo [From 'Red Manchester' to 'Red Disneyland': Constructivist Architecture and the Representation of Ivanovo]. *Quaestio Rossica* [Quaestio Rossica], vol. 4, no 3, pp. 72–92. (in Russian) DOI 10.15826/qr.2016.3.176.
- Timofeev M. (2021) Predchuvstvie utopii: Rezentatsii goroda budushchego v povesti A.V.Chayanova "Puteshestvie moego brata Alekseya v stranu krest'yanskoy utopii" (1920) i v gazetnom romane Vl.Fedorova "Chudo greshnogo Pitirima" (1925) [The Anticipation of Utopia: Representations of the City of the Future in the Alexander Chayanov's Story "The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia" (1920) and in Vl.Fedorov's Serial The Miracle of the Sinful Pitirim (1925)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], vol. 167, no 1, pp. 36–48.
- Timofeev M.Yu. (2005) Istoriya formirovaniya semiosfery goroda Ivanova (1917–1991) [History of the Formation of the Semiosphere of Ivanovo (1917–1991)]. *Vestnik Ivanovskogo universiteta* [Ivanovo State University Bulletin], no 3, pp. 78–94. (in Russian)
- Timofeev M.Yu. (2020) Sozdanie "krasnoy gubernii": Ivanovo-Kineshemskiy promyshlennyy rayon v 1917–1922 gg. [Creation of the "Red Province": Ivanovo-Kineshemy Industrial Region in 1917–1922]. Lipatova N.V., Prokopenko S.A. (eds.) *1917–1922 gg.: revolyutsiya, krizis, provintsziya* [1917–1922: Revolution, Crisis, Province]. Ul'yanovsk, pp. 72–79. (in Russian)
- Utkin V. (2015) Tayna khrustal'nogo groba [The Mystery of the Crystal Coffin]. *Ivanovskiy biznes* [Ivanovo Business], no 10, pp. 42–43. (in Russian)
- V-in A. (1930) Za doma-kollektivy [For the Houses-collectives]. *Rabochiy kray* [Labor Side], 12 January. (in Russian)
- V. G. (1931) V etom zhe godu nachat' postroyku doma-kommuny [Start the Construction of the Commune House This Year]. *Rabochiy kray* [Labor Side], 2 July. (in Russian)
- Valuev D.V. (2015) Kampaniya po "kollektivizatsii byta" v Smolenske (1929–1930 gody): istoki, provedenie, rezul'taty [Campaign of "Collectivization of Life" in Smolensk (1929–1930): Origins, Conduct, Results].

Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta [Smolensk State University Proceedings], no 4 (32), pp. 274–285. (in Russian)
Vil'yam I.N., Pasternak A.L. (1928) Pryadil'naya fabrika v Ivanovo-

Voznesenske [Spinning Factory in Ivanovo-Voznesensk]. *Sovremennaya arkhitektura* [Modern Architecture], no 1, pp. 10–11. (in Russian)
Vlasov I. (1925) Ob avtobusnom dvizhenii [About the Bus Traffic].

Rabochiy kray [Labor Side], 14 April. (in Russian)
Volzhanin A. (1933) Ivanovo 1960 goda [Ivanovo 1960]. *Rabochiy kray* [Labor Side], no 1, pp. 14–15. (in Russian)

Конструктивизм в Иваново- Вознесенске Перипетии строительства здания Ивсельбанка

Владимир Околотин

Введение

По сложившейся традиции на большинстве зданий, отнесенных к памятникам архитектуры, размещаются памятные доски со сведениями об авторе проекта. Именно на основе этой информации выделяются достижения градостроительной мысли в разные исторические периоды. К сожалению, такой односторонний подход приводит к затуханию роли заказчиков и исполнителей таких проектов. Однако возведение будущих памятников градостроительной архитектуры не менее важно и достойно признания, чем труд авторов проектов. Задача этой статьи – преодоление такого исторического забвения на примере строительства здания Ивсельбанка в Иваново-Вознесенске в 1926–1928 годах. В справочных изданиях указывается, что оно построено в духе советского конструктивизма по проекту московского архитектора Виктора Александровича Веснина [Чередина, 2007, с. 341–350]. Согласно «Своду архитектурных памятников и монументального искусства России», здание Ивсельбанка признано одним из лучших произведений конструктивизма 1920-х годов и «занимает важное место в творчестве мастера». Там же содержится его краткое описание:

Объемно-пространственная композиция трехэтажного, Г-образного в плане сооружения строится на сопоставлении двух одинаковых по высоте, но различных по длине корпусов (большой выходит на ул. Театральную). На углу их объединяет полукруглый пластичный объем лестничной клетки, обращенный к ул. Красной Армии и нависающий над первым этажом в виде эркера. На фасадах глухой монолит стен контрастирует с прозрачными плоскостями остек-

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Ивановского государственного университета; Российская Федерация, 153025, Ивановская область, Иваново, ул. Тимирязева, д. 5, тел.: +7920 356 22 02
E-mail: okolotin.vladimir@yandex.ru

Статья посвящена перипетиям истории проектирования и строительства здания Иваново-Вознесенского губернского сельскохозяйственного кредитного союза (Ивсельбанка) в городе Иваново-Вознесенске в 1927–1928 годах. Оно было построено по проекту советского конструктивиста В. А. Веснина, выбранному по итогам конкурса. В исследованиях градостроительного наследия основное внимание традиционно уделяют деятельности авторов проектов, пренебрегая ролью заказчиков и подрядчиков в осуществлении архитектурного замысла. Реализуемый в данной статье подход, напротив, стремится снять эту асимметрию: автор детально прослеживает все этапы строительства – от конкурса проектов и поиска финансирования до приемки здания, а также сеть связей между заказчиком, архитектором, финансовыми учреждениями, подрядчиками и местной прессой. Например, обсуждаются специфика поиска финансирования и территории, переговоров с подрядчиками. В центре же внимания оказывается сотрудничество председателя Ивсельбанка А. Н. Спиридонова и В. А. Веснина на всем протяжении строительства. Исследование проведено на основе архивных документов, в том числе впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: новая экономическая политика; сельскохозяйственная кредитная кооперация; градостроение; А. Н. Спиридонов; В. А. Веснин; Новлянская кооперативно-строительная артель; советский конструктивизм; государственный банк; Центральный банк России; памятник архитектуры федерального значения

Цитирование: Околотин В. С. (2021) Конструктивизм в Иваново-Вознесенске: перипетии строительства здания Ивсельбанка // Городские исследования и практики. Т. 6. № 1. С. 66–76. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp61201966-76>

ления сплошных витрин первого этажа, крупных высоких окон второго и небольших – третьего. Зрительное нарастание массы стен и убывание стеклянных поверхностей придает архитектуре здания особую выразительность, создает впечатление приподнятости его объема над землей.

Главный вход расположен на углу и ведет в вестибюль с центральной лестницей. На первом этаже первоначально располагался универсальный магазин (ныне банковские помещения), на втором – два крупных операционных зала, в третьем – конторские комнаты. Интересны подчеркнута свободные интерьеры операционных залов, неожиданно большие пространства, которые с двумя рядами широко расставленных тонких опор ярко залиты светом с двух сторон [Свод... 1998, с. 152].

О том же, кто являлся инициатором его строительства и реализовывал архитектурный замысел в довольно смелых для того времени строительных конструкциях, не говорится ни слова. Возможно, это было связано с общепринятым подходом, а возможно, и с тем, что заказчиком строительства от губернского сельскохозяйственного кредитного союза «Ивсельбанк» (далее – Ивсельбанк) был его председатель Андрей Николаевич Спиридонов, который в 1937 году был осужден особым совещанием на 5 лет исправительно-трудовых работ за принадлежность к «контрреволюционной террористической организации правых в Ивановской области». Дабы восстановить историческую справедливость и расширить наше представление о строительстве здания Ивсельбанка, ставшего памятником архитектуры советского конструктивизма, мы обратились к делопроизводственным документам Государственного архива Ивановской области и материалам Центральной универсальной научной библиотеки.

Строительство здания Ивсельбанка

В период новой экономической политики (НЭП) традиционная для Иваново-Вознесенской губернии текстильная промышленность была локомотивом восстановления народного хозяйства страны и региона. Однако без подъема сельскохозяйственного производства сделать это было крайне трудно. Сельские жители рас-

сматривались не только в качестве резерва рабочей силы и рынка сбыта товаров, производимых в городах и рабочих поселках губернии, но и в качестве поставщиков продуктов, необходимых для фабричных и промышленных центров. Для увеличения объема сельскохозяйственного производства требовались значительные денежные средства. К сожалению, несмотря на возрождение в 1921 году кредитно-банковской системы во главе с Государственным банком РСФСР, а затем СССР, удовлетворить растущие потребности селян государство не могло. Решение этой задачи и было отведено сельскохозяйственной кредитной кооперации, которая стала одной из составляющих советской банковской системы в период НЭПа. По мере накопления кредитной кооперацией денежных средств возникла потребность в банковских учреждениях. В связи с этим и появилась идея создать Ивсельбанк, который бы стал центром кредитования сельского населения Иваново-Вознесенской губернии.

В конце ноября 1926 года по этому вопросу при непосредственном участии председателя Ивсельбанка А. Н. Спиридонова были приняты два важных решения. В частности, на заседании совета Иваново-Вознесенского губернского общества сельхозкредита «Ивсельбанк» 29 ноября 1926 года было решено – просить общее собрание пайщиков разрешить постройку дома и поручить правлению губернского общества сельхозкредита детально проработать этот вопрос. На следующий день, 30 ноября 1926 года, присутствовавший на общем собрании пайщиков председатель губисполкома С. М. Балахнин в своем выступлении поддержал решение Совета о строительстве здания, в результате чего оно и было принято пайщиками единогласно.

В поисках средств на постройку здания руководство губсельхозкредита обратилось в Россельбанк (Сельскохозяйственный банк РСФСР) и Центральный сельскохозяйственный банк (Центросельбанк СССР, ЦСХБ). Обращение ивановцев поддержали, и на заседаниях правлений этих организаций 6 и 7 января 1927 года под председательством К. Г. Мяскова и М. Е. Шефлера Иваново-Вознесенскому губернскому обществу сельскохозяйственного кредита были предоставлены долгосрочные ссуды под 5% годовых на 3 года и общую сумму 200 тыс. руб.¹ Что важно для истории Ивановской области, в 1928 году правления Россельбанка и Центросельбанка возгла-

1. Государственный архив Ивановской области. ФР. – 895. Оп. 1. Д. 32. Л. 3–3а. Далее – сокращенно ГАИО.

вили ивановцы Павел Александрович Месяцев и Александр Николаевич Асаткин соответственно.

На очередном заседании 8 февраля 1927 года члены Совета признали «постройку собственного трехэтажного каменного здания с подвальным помещением целесобразной и осуществимой», поручили правлению взять в Центросельбанке и Россельбанке долгосрочный заем на общую сумму 200 тыс. руб. и ходатайствовать об отпуске средств уже в 1927 году. Средства были необходимы для закупки строительных материалов, стоимость которых составляла до 70% от стоимости всего строительства. Кроме того, для поиска недостающих средств на постройку здания правлению было поручено ходатайствовать перед Центральным коммунальным банком об отпуске льготной ссуды на 100 тыс. руб. Всего на постройку здания предполагалось потратить 400 тыс. руб. Эта сумма была признана ориентировочно максимальной: в ее пределах планировалось в кратчайшие сроки составить предварительную смету, заняться ею должен был губернский отдел коммунального хозяйства (губкомхоз). Постройку в черновом виде, то есть кладку здания, приспособление подвальных помещений и первого этажа под магазины, а также складские помещения предполагалось закончить к концу 1927 года, чтобы уже через год сдавать их в аренду.

Одновременно требовалось решить задачу по освобождению земельного участка от находившихся на нем строений и выселению проживавших там жильцов². На заседании президиума Иваново-Вознесенского городского совета рабочих и красноармейских депутатов 18 января 1927 года вопрос об отводе участка земли под постройку здания Ивсельбанка был решен положительно. Выделили участок площадью в 1475 кв. метров, а находившиеся на нем двухэтажный смешанный дом и сарай, которые значились в муниципальном владении, были переданы Ивсельбанку по их действительной стоимости³.

Первоначально по ходатайству правления Ивсельбанка президиум губисполкома принял решение передать постройку здания строительному отделу губкомхоза. В феврале 1927 года состоялось несколько рабочих встреч с участием главного инженера губкомхоза В. И. Воронцова-Вельяминова, где обсуждались условия постройки

здания⁴. Строительный отдел представил проект и ориентировочную смету на сумму 400 850,38 руб.⁵, в которой стоимость 1 куб. метра постройки составляла 360 руб. При этом перед началом работ в марте-апреле 1927 года Ивсельбанку предстояло оплатить строительному отделу 200 тыс. руб. и еще 100 тыс. – в течение строительного сезона этого года. Такие условия изначально были неприемлемы, поскольку по срокам предстоящих выплат не соответствовали кредитным линиям, открываемым Центросельбанком и Россельбанком. Кроме того, у Ивсельбанка появились более интересные предложения от других организаций не только по проекту здания, но и по его строительству. Поэтому 6 апреля 1927 года правление Ивсельбанка вновь обратилось в президиум губисполкома с просьбой отменить прежнее решение о сдаче постройки здания строительному отделу губкомхоза и разрешить ему проведение «соревнования на сдачу названной постройки»⁶.

Накануне конкурса, 11 апреля 1927 года, в Ивсельбанке был представлен проект архитектора В. А. Веснина. Веснин в те годы работал преподавателем инженерно-строительного факультета Московского высшего технического училища по архитектурному и фабрично-заводскому проектированию. Несмотря на ряд успешно реализованных проектов, Веснин в ту пору еще не был широко известен. Общественное признание пришло к нему несколько позже, когда по проекту творческого коллектива под его руководством была построена Днепровская ГЭС. Тем не менее из таких маленьких кирпичиков, как будущее здание Ивсельбанка, складывалась его профессиональная известность.

Архитектор лично представил членам правления и приглашенным на его заседание представителям губернских органов власти свой проект. После его выступления собравшиеся сошлись во мнении, что «проект составлен удачно», было решено «признать постройку здания в городе Иваново-Вознесенске по представленному проекту желательной». В то же время заведующий облпланом Г. И. Носович при обсуждении проекта высказал ряд сомнений и замечаний. В частности, он полагал, что при возведении здания по проекту Веснина Ивсельбанк не уложится в ассигнованные ему на постройку 400 тыс. руб. и что

2. ГАИО. ФР. – 895. Оп. 1. Д. 32. Л. 4.

3. ГАИО. ФР. – 895. Оп. 1. Д. 32. Л. 10.

4. ГАИО. ФР. – 895. Оп. 1. Д. 32. Л. 19.

5. ГАИО. ФР. – 895. Оп. 1. Д. 32. Л. 31.

6. ГАИО. ФР. – 895. Оп. 1. Д. 32. Л. 106.

конструкция здания не отвечает кооперативному духу тех организаций, которые предполагается в нем разместить. При более детальном разборе проекта стало понятно, что, возможно, придется внести некоторые изменения в расположение внутренних помещений. Было решено поручить рабочему аппарату рассчитать стоимость постройки здания по представленному архитектором Весниным проекту и просить губкомхоз выслать Ивсельбанку новый проект, чтобы обсудить его и окончательно определиться с выбором⁷.

Конкурс на лучший проект здания Ивсельбанка состоялся 13 апреля 1927 года на заседании правления Иваново-Вознесенского общества сельскохозяйственного кредита, проводившемся под председательством Спиридонова. В работе конкурса от Ивсельбанка приняли участие члены правления И. И. Гуськов, В. И. Седов, Н. Г. Рыбаков, В. Б. Малков и В. М. Владимиров (кандидат в члены правления), а также член совета, управляющий отделением Госбанка А. И. Борисов. Интересы губкомхоза представляли главный инженер В. И. Воронцов-Вельяминов и инженер В. А. Зеленин. На заседании также присутствовали архитекторы В. Н. Аляев, Г. Г. Павин и Панков и зам. председателя губисполкома В. И. Савенков.

В конкурсе участвовали проекты здания Ивсельбанка, представленные губкомхозом и Весниным. В ходе обсуждения в отношении обоих проектов прозвучали вполне аргументированные замечания, касавшиеся как конструктивных деталей, так и исчисления «кубатуры и доходности». Однако в целом более удачным был признан проект Веснина. По словам архитектора Павина, «проект губкомхоза местного характера, постоянно повторяющийся, между тем как проект Веснина будет служить украшением города, тем более он явится угольным зданием намечающейся площади, вокруг коей будут возведены здания административного характера». Что касается помещений внутри здания, то, по его мнению, проект Веснина привлекателен тем, что «делает контору совершенно открытой, не закупоривая администрацию в клетки».

Архитектор Аляев, согласившись с Павиным, также назвал проект губкомхоза «узко утилитарным». Проект же Веснина, по его мнению, отличался европейским характером и давал большой эффект. Не-

смотря на очевидное признание преимуществ проекта Веснина, на заседании было принято довольно взвешенное решение о необходимости проверки цифр, указанных в обоих проектах. Эту работу попросили взять на себя инженера Зеленина и архитекторов Аляева и Павина⁸.

О том, как проводилась эта проверка и проводилась ли она, сведений, к сожалению, нет. Но даже если она проводилась, то была выполнена в очень короткий срок, поскольку уже 20 апреля 1927 года правление Ивсельбанка утвердило проект Веснина и обратилось к нему с просьбой срочно разработать рабочие чертежи и к 25 апреля сообщить смету стоимости постройки исходя из московских цен⁹. Веснин обязался изготовить рабочие чертежи, необходимые для строительства здания, к 1 июня 1927 года. Несмотря на занятость, он выполнил не только свое обещание, но и значительно удешевил строительство здания по сравнению с проектом губкомхоза.

К сожалению, в архиве не удалось обнаружить документов, свидетельствовавших о начальном этапе установления отношений между Спиридоновым и Весниным. Собственно, благодаря встрече этих людей и появился проект, а спустя год было построено здание, ставшее на долгие годы украшением города. Можно лишь предполагать, что Веснин, уроженец города Юрьевца Иваново-Вознесенской губернии, был известен местной архитектурной обществу, поскольку реализовал здесь ряд своих проектов – в Кинешме и Бонячках (позднее – город Вичуга).

Публичные торги на сдачу подряда по возведению здания Ивсельбанка на пересечении улиц Никольской и Красной Армии состоялись 28 апреля 1927 года. Они были проведены торговой комиссией в составе самого Спиридонова как председателя и членов В. В. Малкова, А. И. Борисова и секретаря С. Я. Лебедь-Скшидлевского в помещении Ивсельбанка по адресу: ул. Никольская, д. 5. Торги начались в 13 часов 45 минут и окончились в тот же день в 15 часов. В газете «Рабочий край» правление Ивсельбанка разместило следующую информацию об их проведении:

Правление Ивсельбанка назначает на 28 апреля 1927 года в помещении Ивсельбанка открытые торги на постройку 3-этажного каменного здания

7. ГАИО. ФР. – 895. Оп. 1. Д. 26. Л. 38.

8. ГАИО. ФР. – 895. Оп. 1. Д. 32. Л. 88.

9. ГАИО. ФР. – 895. Оп. 1. Д. 32. Л. 63.

Ивсельбанка общей кубатурой около 15 000 куб. метр. = 1509 к. саж. из материалов подрядчика. Приблизительная стоимость около 400 000 руб.

Проекты, кондиции и условия можно видеть в Правлении Ивсельбанка ежедневно с 10 часов до 2 часов дня с 18 апреля. Учреждения и лица, не освобожденные от взноса залога, должны внести таковой в сумме 42 500 руб. в кассу Ивсельбанка. Правление оставляет за собой право выбора контрагента, независимо от предложенной цены¹⁰.

Для участия в торгах были поданы заявки от Ивгубстройтреста и Новлянского промыслово-строительного товарищества. В день проведения торгов от этих организаций присутствовали М. И. Коротков и Т. С. Бубнов соответственно. В итоге Новлянское промыслово-строительное товарищество предложило наиболее приемлемую цену 270 руб. за кубическую сажень, включая стоимость электрического освещения здания, и было утверждено торговой комиссией в качестве победителя торгов¹¹.

Строительный отдел губкомхоза в лице Воронцова-Вельяминова, с которым ранее проводились рабочие встречи, в переписке с Ивсельбанком признал цену 270 руб. за кубическую сажень для себя неприемлемой.¹² Акционерному обществу «Стандартстрой», выполнявшему крупнейшие работы в разных пунктах СССР и желавшему стать подрядчиком строительства банка, было отказано по причине того, что торги уже прошли. Таким образом, законным подрядчиком строительства здания Ивсельбанка по проекту Веснина стало Новлянское промыслово-строительное товарищество, с которым и был заключен договор. От Ивсельбанка его подписал Спиридонов, а от товарищества – Бубнов.

Товарищество довольно быстро приступило к работе, и к началу июня уже был готов котлован для строительства здания¹³. Несколько дней спустя в Ивсельбанк от архитектора Веснина поступили два свертка с рабочими чертежами. Один из них оставался в распоряжении Ивсельбанка, а другой должен был быть передан инженеру товарищества Б. И. Филиппову¹⁴.

Как следует из архивных документов, рабочие отношения между председателем Ивсельбанка Спиридоновым и Весниным продолжались и в дальнейшем. Так, 20 июня 1927 года Веснину было направлено письмо с подтверждением предложения, сделанного ему лично Спиридоновым, о наблюдении за ходом возведения здания и приглашением посетить Иваново-Вознесенск для личных переговоров об условиях наблюдения и вознаграждения за труд¹⁵. В начале июля правление Ивсельбанка вновь обратилось к архитектору с просьбой поспешить с ответом на обращение от 20 июня¹⁶. Он принял предложение и в течение 1927 года трижды приезжал в Иваново-Вознесенск, чтобы наблюдать за ходом строительства. Об этом свидетельствуют составленные им акты о состоянии работ от 27 июля, 14 августа и 11 сентября¹⁷. В них дается развернутая оценка состояния, качества и организации работ на строительстве.

По актам можно судить о темпах строительства. Например, на 24 июля каменные работы были выполнены до уровня пола второго этажа. К 14 августа кирпичная кладка была доведена строителями до уровня пола третьего этажа, а уже к 11 сентября основные каменные работы были завершены. По результатам всех трех осмотров хода строительства у Веснина не возникало серьезных замечаний к организации и качеству работ. Более того, в актах имеют место фразы, свидетельствующие о положительном впечатлении от общего хода строительства. В акте от 27 июля встречается первая такая оценка: «в общем следует отметить очень благоприятное впечатление от работы в целом»¹⁸. Акт от 14 августа заканчивается следующими словами: «Не могу не отметить вторично, как и в первый приезд, очень хорошее впечатление как от организации, так и от качества работ»¹⁹. Последний акт от 11 сентября завершается словами: «В общем надо признать, что работы велись как в смысле организации, так и качества вполне удовлетворительно»²⁰.

В деле о постройке здания Ивсельбанка, находящемся в Государственном архиве Ивановской области, хранится и письмо Веснина от 27 августа 1927 года, адресо-

10. Рабочий край. 1927. 15 апреля.

11. ГАИО. ФР.–895. Оп. 1. Д. 32. Л. 119.

12. ГАИО. ФР.–895. Оп. 1. Д. 32. Л. 125.

13. ГАИО. ФР.–895. Оп. 1. Д. 32. Л. 109.

14. ГАИО. ФР.–895. Оп. 1. Д. 32. Л. 111.

15. ГАИО. ФР.–895. Оп. 1. Д. 32. Л. 116.

16. ГАИО. ФР.–895. Оп. 1. Д. 32. Л. 141.

17. ГАИО. ФР.–895. Оп. 1. Д. 32. Л. 165–167 об.

18. ГАИО. ФР.–895. Оп. 1. Л. 32. Л. 166 об.

19. ГАИО. ФР.–895. Оп. 1. Д. 32. Л. 167 об.

20. ГАИО. ФР.–895. Оп. 1. Д. 32. Л. 168 об.

ванное лично Спиридонову. Оно подготовлено в ответ на его записку и содержит описание брендмауэров – строительных конструкций здания. В заключение письма Веснин писал: «Очень сожалею, что вы не застали меня в Москве и мне не пришлось лично рассеять Ваши сомнения. Очень прошу Вас в дальнейшем при всяком недоумении обращаться ко мне без всякого стеснения»²¹.

Со своей стороны, вспоминая о строительстве Ивсельбанка, Веснин говорил о том, «как приходилось экономить буквально на каждой бочке цемента, на каждом фунте гвоздей, но была еще одна экономия – не вынужденная, а принципиальная экономия выразительных средств, придавшая образу здания столько правды и силы» [Полякова, 1989, с. 177]. По утверждению исследователей его творчества, заполняя анкету, он так характеризовал пятилетие с 1925 по 1930 год: «Крупнейшие работы последнего времени – постройка института минерального сырья в Москве, Сельскохозяйственного банка в Иванове и Днепровское строительство» [Полякова, 1989, с. 176]. Однако впервые сведения о строительстве Днепростроя и Ивсельбанка встречаются вместе в одном месте без упоминания автора этих проектов на страницах газеты «Рабочий край» 13 августа 1927 года. В этом номере были размещены две статьи под заголовками «На Днепрострое строят перемычку» и «Ивсельбанк строится». Такое, пусть даже незначительное, информирование в местной газете о Днепрострое, позволяет нам утверждать, что Веснин, курируя строительство Ивсельбанка, мог одновременно уже работать над проектом будущего здания Днепровской ГЭС.

Возвращаясь к Ивсельбанку, важно сказать, что даже спустя десятилетия при оценке вклада Веснина в развитие советской архитектуры его исследователями утверждается, что «экономично им спроектированное, сравнительно небольшое здание банка в Иванове несет в себе выразительный художественный образ, вписываясь в окрестные улицы красивым силуэтом» [Юрьевец..., 1998, с. 80].

С самого начала строительства Ивсельбанка ему придавалось большое пропагандистское значение. О ходе его строительства неоднократно информировала газета «Рабочий край». Так, на передовице одного из апрельских номеров газеты

за 1927 год под эскизом здания банка был размещен следующий текст:

На нашем снимке – проект здания Ивсельбанка, которое начнут строить в этом году по ул. Красной Армии против отделения Госбанка. Этот проект выполнен известным архитектором профессором ВХУТЕМАСа Виктором Александровичем Весниным, который получил первую премию на конкурсе проектов нардома им. Ленина. Ассоциация московских архитекторов направляет проект на выставку в Нью-Йорк. Здание будет стоить около 400 000 руб. и вместит не только Ивсельбанк, но и огромный магазин ИВГУМа²².

В другом номере «Рабочего края» под заголовком «Ивсельбанк строится» говорилось следующее:

Новое здание Ивсельбанка несомненно будет одно из самых красивых в городе. Постройка Ивсельбанка интересна с двух сторон: по быстроте хода работ и по сложности своей конструкции. Закладка здания была произведена 15 июля и уже 20 сентября оно вчерне будет окончено под крышу. Наиболее сложной частью здания является полуциркульный выступ на переднем плане – клетка парадной лестницы. Выступ имеет железобетонный скелет с кирпичной облицовкой и шлаковым заполнением. Из кирпича сложена только лестничная клетка на заднем плане. В остальном все здание из железобетона: легкие, но большой прочности железобетонные колонны с громадными просветами между ними и такие же перекрытия. Здание будет выделяться своей отделкой. Фасад будет иметь зеркальные стекла. Парадная железобетонная лестница – ступени и панели – будут отделаны дубом. Наружные рамы в магазине ИВГУМа, в первом этаже, будут железные. ИВГУМом будет занят также и подвальный этаж. Второй и третий этажи займет Ивсельбанк. Сейчас закончена постройка лестничных клеток всех трех этажей и заканчивается перекрытие верхнего этажа. К 20 сентября здание будет готово²³.

21. ГАИО. ФР.–895. Оп. 1. Д. 32. Л. 144.

22. Рабочий край. 1927. 20 апреля.

23. Рабочий край. 1927. 13 августа.

На вчерне выполненном фасаде здания, вероятно зимой 1927–1928 годов, согласно сохранившимся фотографиям, был размещен большой лозунг со словами:

Сотни лет пыталось русское крестьянство освободиться от эксплуататорского ярма. Это освобождение ему принесла Октябрьская революция. Батрак и бедняк – главная опора пролетариата в деревне. Укрепим организацию бедняков, подыдем их активность, поможем бедняку кредитом, машиной, школой, землеустройством²⁴.

Содержание лозунга соответствовало сущности сельскохозяйственной кредитной политики, проводимой в губернии в этот период. Однако в процессе свертывания НЭПа указанный лозунг очень быстро утратил свое прежнее значение и в ходе последующей коллективизации в рамках плановой экономики практически был отвергнут.

Сохранились краткие воспоминания близких Спиридонова о строительстве здания Ивсельбанка. Так, его дочь Таисия Андреевна Спиридонова о событиях того времени рассказала в 2007 году автору статьи следующее:

При мне папа никогда не говорил о политике и не рассказывал подробно о своей работе. Я помню, что сначала банк, где работал папа, располагался на втором этаже жилого дома по улице Театральной. Помещение было небольшое, и решено было построить новое здание для Ивсельбанка. Папа активно участвовал в строительстве, а дома говорил: «Возведен второй этаж» или: «Здание уже покрыли крышей». Можно сказать, что эта стройка была его детищем. Когда велась внутренняя отделка, папа брал меня с собой на стройку, мы залезали с ним на крышу и смотрели на город в подзорную трубу. Сам банк располагался на втором этаже здания, куда вела винтовая лестница, а на первом этаже был магазин меховых изделий. По винтовой лестнице поднимались и попадали в большой холл с антресолями-балкончиками. Там, наверху, были поставлены столы, за ними работали конторщики [Околотин, 2007, с. 426].

24. Из фондов музея Весниных в г. Юрьевце Ивановской области.

Следует сказать, что не все успешно складывалось в строительстве нового здания. Об этом свидетельствуют различные акты и переписка с рядом губернских и городских ведомств, в том числе о подведении к зданию коммуникаций, телефонного и электрического кабелей. Так, первое обращение правления Ивсельбанка в коммунальный трест «Водосвет» в августе 1927 года с просьбой о выполнении кабельного ввода в здание оказалось неудачным. Трест сослался на отсутствие необходимого кабеля и предложил найти его самостоятельно. Однако, по утверждению «Водосвета», даже если такая подводка и будет выполнена, он не сможет отпустить Ивсельбанку необходимые 15 кВт, так как городская станция работает с большой нагрузкой, «поэтому ни о каких новых добавлениях не может быть и речи»²⁵. Хлопоты правления о подключении к зданию электричества продолжались более года. Подводка кабеля к зданию была выполнена в октябре 1928 года, тем не менее «Водосвет» по-прежнему отказывался от подключения, мотивируя отказ недостатком электрической энергии. К этому времени здание банка, уже принятое к эксплуатации, освещалось керосиновыми лампами. Разрешить наболевшую проблему удалось только после обращения правления Ивсельбанка в губисполком и президиум горсовета за содействием в получении от «Водосвета» электрической энергии «хотя бы в минимальных размерах» для бесперебойной работы размещенных в здании учреждений и торговых предприятий²⁶.

Для завершения строительства требовались деньги. Однако Центросельбанк в письме от 28 декабря 1927 года сообщил о «невозможности открытия кредита на достройку нового здания банка в сумме 50 тыс. руб.». В связи с тем, что ранее тот же банк при заключении с Ивсельбанком договоров санкционировал выделение кредита, на заседании правления 17 января 1928 года Спиридонову было поручено выехать в Москву для выяснения причин отказа. Эту поездку предполагалось совершить вместе с председателем губисполкома С. М. Балахниным²⁷.

Качество строительных работ тщательно контролировалось, также в них вносили некоторые коррективы. Например, в январе 1928 года строительной комиссией в составе ее членов А. И. Борисова, В. В. Мал-

25. ГАИО. ФР. – 895. Оп. 1. Д. 32. Л. 162, 347.

26. ГАИО. ФР. – 895. Оп. 1. Д. 32. Л. 347.

27. ГАИО. ФР. – 895. Оп. 1. Д. 38. Л. 12.

кова и М. И. Грязнова под председательством Спиридонова было принято решение поставить в подвальных окнах наравне с потолком деревянные рамы с остеклением из бемского стекла, утеплить стенки под окнами и поставить железную решетку с сеткой с наружной стороны, чтобы сохранить стекла от биения²⁸.

В конце февраля 1928 года той же комиссией было установлено, что водопроводные трубы ведутся открыто, от чего они могут всегда покрываться испариной и сырость будет проникать на окрашенные стены. В результате подрядчику работ было в категоричной форме предложено скрыть все водопроводные трубы. Поставленные строителями черные навесы также по разным причинам не устроили членов комиссии, и их было предложено заменить на никелированные или медные согласно кондиции²⁹. В середине мая 1928 года строительная комиссия во главе со Спиридоновым и ее членами Борисовым и Грязновым вновь осмотрела производство работ и выявила ряд недостатков. Согласно кондициям, штукатурка всех стен должна была производиться цементно-известковым раствором, а была произведена известково-алебастровым составом. На лестничных площадках строителями были поставлены радиаторы отопления, не углубленные в ниши, что привело к сокращению пространства, а следовательно, в перспективе могло повлечь затруднения в движении и поднятии разных тяжестей в конторы³⁰.

В конце мая 1928 года архитектор управления строительного контроля Г. Г. Павин, представитель технадзора от Ивсельбанка М. И. Грязнов и председатель строительной комиссии Спиридонов вновь произвели осмотр строительных работ. В процессе осмотра было обнаружено отсутствие каких-либо пропорций при изготовлении раствора. Запаса затворенной извести и алебаstra, необходимого для известковой штукатурки, на стройке не оказалось. В присутствии комиссии при затворении извести одновременно использовались негашеная известь и известь-пушонка. Горячее известковое молоко тут же наливалось в ушаты для получения смешанного цементного раствора. При осмотре уже нанесенной известковой штукатурки обнаружены рваные волдыри (следы частичного гашения извести в процессе работ),

28. ГАИО. ФР. – 895. Оп. 1. Д. 32. Л. 193.

29. ГАИО. ФР. – 895. Оп. 1. Д. 52. Л. 199.

30. ГАИО. ФР. – 895. Оп. 1. Д. 32. Л. 220.

а свежая, только что нанесенная штукатурка имела все признаки переложеного песка. Штукатурка, нанесенная три недели тому назад, была слишком песчаниста, еще не схватилась и легко резалась ножом. Штукатурка же, выполненная смешанным раствором, особых видимых дефектов не имела. По результатам обследования было решено предложить технической части Новлянской кооперативно-строительной артели представить точные пропорции составов штукатурки как внутренней, так и наружной, как известковой, так и цементно-смешанной и согласовать последние с техническим надзором Ивсельбанка. Произведенную без надзора штукатурку взять под наблюдение, предусмотрев возможность переделки ее за счет подрядчика³¹.

23 июня 1928 года комиссия в составе председателя строительной комиссии Ивсельбанка А. Н. Спиридонова, архитектора Г. Г. Павина, М. И. Грязнова, управляющего отделением Госбанка А. И. Борисова и других произвела техническое освидетельствование качества внутренней штукатурки в строящемся здании. В результате комиссия сочла нужным в первую очередь обязать подрядчика сбить недоброкачественную известковую штукатурку в междурамных местах оконных откосов и оштукатурить смешанным раствором. Всю внутреннюю штукатурку, подвергшуюся освидетельствованию, признать недоброкачественной, сбить ее до кирпича и произвести вновь раствором согласно смете. В случае отказа подрядчика от переделки штукатурки было решено удержать с него 65% от сметной стоимости всей внутренней штукатурки в предположении будущей переделки³².

Эксплуатация нового здания банка и ситуация с достройкой и оборудованием обсуждались на заседании общества 16 августа 1928 года. Помимо прочего было принято решение заключить с Новлянским товариществом договор на производство работ по асфальтированию двора согласно ориентировочной смете до 9 тыс. руб., оборудовать здание всем необходимым противопожарным инвентарем в соответствии с требованиями управления пожарной охраны. Помещения с завершённой отделкой, подлежащие сдаче в аренду организациям, надлежало принять с актами по каждому отдельному случаю. Правлениям Единого потребительского общества (ЕПО), Губпромсоюза и Ткачсоюза было

31. ГАИО. ФР. – 895. Оп. 1. Д. 32. Л. 226.

32. ГАИО. ФР. – 895. Оп. 1. Д. 32. Л. 233.

предложено оформить подписание договоров на аренду помещений на срок 5 лет. Окончательную приемку отопления, освещения и канализации предполагалось произвести с приглашением автора проекта внутренних коммуникаций инженера Хлудова. На приемку здания по завершении отделки было решено пригласить самого Веснина. Решено было также принять срочные меры к приобретению вводного электрокабеля, оборудовать арматуру электроосвещения всего здания, а также оснастить его телефоном и сигнализацией. Последней мерой воздействия на «Водосвет» стало обращение правления Ивсельбанка в президиум горсовета с ходатайством о предоставлении электричества в новое здание банка. В заключение заседания было решено установить на границе владения банка деревянный забор, а по Театральной улице – железно-решетчатый забор и ворота с устройством в них калитки³³.

22 августа 1928 года правление Ивсельбанка вновь обратилось к Веснину с просьбой составить и выслать проект металлических ворот, калитки и решетки по прилагаемому чертежу для установки при здании Ивсельбанка³⁴. Каким был ответ, установить по архивным документам не удалось.

Здания Ивсельбанка было принято строительной комиссией и правлением 30 августа 1928 года³⁵, а спустя две недели газета «Рабочий край» под заголовком «В новом здании Ивсельбанка» опубликовала новость о завершении его строительства³⁶. В статье завершённое здание получило восторженную оценку:

Когда идешь по ровной асфальтовой панели, что тянется вдоль зеркальных витрин нового здания Ивсельбанка, невольно переносишься мыслью в Москву, с ее огромными красивыми сооружениями. Еще тогда, когда здание Ивсельбанка было заключено в сетку лесов, можно было судить о его красоте, а теперь оно вполне заслуженно привлекает внимание прохожих³⁷.

К сожалению, данных об участии в этой церемонии самого архитектора Веснина найти не удалось, нет в архиве и других

упоминаний о завершении сотрудничества с ним. В память о нем на спроектированном им здании, ныне занимаемом Отделением по Ивановской области Главного управления Банка России по Центральному Федеральному округу, размещена памятная доска с надписью: «Памятник архитектуры. Здание построено в 1928 году по проекту архитектора В. А. Веснина (1882–1950)».

Заключение

Реализация данного проекта Веснина стала возможной благодаря организационным усилиям Спиридонова, назначенного в 1925 году на должность председателя правления Ивсельбанка. Под его руководством был организован конкурс на лучший проект здания Ивсельбанка, решены вопросы о выделении участка земли под будущее строительство, в Центральном сельскохозяйственном банке СССР и Сельскохозяйственном банке РСФСР получены необходимые кредиты. Он же возглавлял строительную комиссию, поэтому постоянно общался с Весниным. Однако главная заслуга Спиридонова состоит в том, что он не ограничился проектами, предложенными местными архитекторами, а создал условия для участия в конкурсе Веснина. Этим решением он смог увековечить советский конструктивизм в региональном и российском масштабе [Околотин, 2018, с. 63–108].

В дальнейшем здание Ивсельбанка было передано Государственному банку СССР и сыграло важную роль в региональной экономике. В 1989 году в облик здания, занимаемого тогда областным управлением Государственного банка СССР, были внесены незначительные изменения: замена плоского козырька над центральным входом пологой двускатной крышей, окраска нижней части остекления первого этажа, закладка узких лежачих окон в цокольной части и небольшие внутренние переделки.

В 1995 году было начато строительство архитектурного комплекса зданий Главного управления Центрального банка Российской Федерации по улице Красной Армии в г. Иванове. Оно было завершено в декабре 1998 года. Строительство осуществлялось на средства Центрального банка России. Проект комплекса зданий выполнили ГПИ «Ивановогражданпроект» (директор В. А. Сапожников) и «Архитектурно-строительная мастерская № 1» (начальник и главный

33. ГАИО. ФР.– 895. Оп. 1. Д. 38. Л. 56–57.

34. ГАИО. ФР.– 895. Оп. 1. Д. 32. Л. 285.

35. ГАИО. ФР.– 895. Оп. 1. Д. 32. Л. 293, 303.

36. Рабочий край. 1928. 13 сентября.

37. Там же.

конструктор Ю. В. Ананьев). Авторами проекта этой современной постройки стали архитекторы В. В. Алмаев и Н. В. Бутин. Проект прошел самую взыскательскую экспертизу московских архитекторов и выполнен в стиле постмодернизма. Старое здание Ивсельбанка в нем было сохранено [Околотин, 2006, с. 333–335].

30 августа 2020 года исполнилось 92 года с момента приема здания Ивсельбанка в эксплуатацию. Его строительство стало возможным благодаря организационным усилиям председателя губернского сельскохозяйственного кредитного союза Спиридонова по реализации смелого проекта архитектора Веснина. Результатом их сотрудничества стал памятник советского конструктивизма, являющийся архитектурным достоянием не только регионального, но и федерального градостроения.

Источники

- Околотин В. С. (2006) История Государственного банка на Ивановской земле. 1886–2006. Годы. События. Люди. Иваново.
- Околотин В. С. (2007) Личность в истории XX века: А. Н. Спиридонов в документах и воспоминаниях (1883–1938). Иваново: ООО «Владимир Полиграф».
- Околотин В. С. (2018) Из истории сельскохозяйственной кредитной кооперации в Иваново-Вознесенской губернии (1921–1929 гг.). Иваново: А-Гриф.
- Полякова Л. Л. (1989) Зодчие братья Веснины. Москва: Верхне-Волжское книжное издательство. Ивановское отделение.
- Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. Ч. 1 (1998) Москва: Наука.
- Череди́на И. С. (2007) Архитектор, который умел проектировать все. К 125-летию со дня рождения академика В. А. Веснина // Вестник РАН. 2007. № 4. С. 341–350.
- Юрьевец. Прошлое и настоящее города на Волге (1998) Иваново.

CONSTRUCTIVISM OF IVANOVO-VOZNESENSK: Vicissitudes Of The Ivselbank Building Construction

Vladimir Okolotin, DSc in History, Professor of the Department of Russian History, Ivanovo State University; 5 Timiryazeva Street, Ivanovo, 153025, Russian Federation, tel.: +7 920 356 22 02
E-mail: okolotin.vladimir@yandex.ru

Abstract. This article examines the vicissitudes of the design and construction of the Ivanovo-Voznesensk Provincial Agricultural Credit Union (Ivselbank) in the city of Ivanovo-Voznesensk in 1927–1928. It was built according to the design of the Soviet constructivist Vesnin. Studies of urban heritage traditionally focus on the activities of project authors, neglecting the role of customers and contractors in the realization of the architectural plan. The approach implemented in this article seeks to remove this asymmetry. The article traces all the phases of the construction from the competition of architectural projects and fundraising to the approval of the building. It also traces the network of relations between the client, the architect, financial institutions, contractors and local press, focusing on the cooperation between the Chairman of Ivselbank, Spiridonov, and the architect Vesnin, a future classic of Soviet constructivism. The research was carried out on the basis of archival documents, including those introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: new economic policy; agricultural credit cooperation; urban planning; Spiridonov; Vesnin; Ivselbank; Novlyanskaya cooperative and construction artel; Soviet constructivism; state bank; Central Bank of Russia; federal architectural monument

Citation: Okolotin V.S. (2021) Constructivism of Ivanovo-Voznesensk: Vicissitudes of the Ivselbank Building Construction. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 1, pp. 66–76. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp61202166-76>

References

- Cheredina I.S. (2007) *Arkhitekt, kotoryj umel proektirovat' vse. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V.A. Vesnina* [An Architect Who Knew How to Design Everything. To the 125th Anniversary of the Birth of Academician V.A. Vesnina]. *Vestnik RAN* [Herald of the Russian Academy of Sciences], no 4, pp. 341–350. (in Russian)
- Okolotin V.S. (2006) *Istoriya Gosudarstvennogo banka na Ivanovskoj zemle. 1886–2006. Gody. Sobytiya. Lyudi* [History of the State Bank on Ivanovo Land. 1886–2006. Years. Developments. People]. Ivanovo. (in Russian)
- Okolotin V.S. (2007) *Lichnost' v istorii XX veka: A.N. Spiridonov v dokumentakh i vospominaniyakh (1883–1938)* [Personality in the History of the XX Century: A.N. Spiridonov in Documents and Memoirs (1883–1938)]. Ivanovo. (in Russian)

- Okolotin V.S. (2018) Iz istorii sel'skokhozyajstvennoj kreditnoj kooperatsii v Ivanovo-Voznesenskoj gubernii (1921-1929 gg.) [From the History of Agricultural Credit Cooperation in the Ivanovo-Voznesensk Province (1921-1929)]. Ivanovo: A-Grif. (in Russian)
- Polyakova L.L. (1989) Zodchie brat'ya Vesniny [Architect Brothers Vesnin]. Moskva: Verkhne-Volzskoe knizhnoe izdatel'stvo. Ivanovskoe otdelenie [Moscow: Verkhne-Volzskoe Book Publishing House. Ivanovo Branch]. (in Russian)
- Svod pamyatnikov arkhitektury i monumental'nogo iskusstva Rossii. Ivanovskaya oblast'. CHast' 1 (1998) [The collection of architectural monuments and monumental art of Russia. Ivanovo region. Part 1]. Moskva: Nauka [Moscow: Nauka Publishing House]. (in Russian)
- Yuryevets. Yur'evets. Proshloe i nastoyashhee goroda na Volge (1998) [Past and Present of the City on the Volga]. Ivanovo. (in Russian)

«Самый советский» город Конструируя родину Советов (Иваново-Вознесенск/ Иваново, 1918–1985)

А. М. Семеновко,
М. Ю. Тимофеев

Мы проанализируем, как политика мемориализации событий стачки 1905 года и концепт первого Совета влияли на формирование символической городской среды города Иванова (до 1932 года – Иваново-Вознесенска) в 1920–1980-е годы. Изменение бренда города вследствие продвижения идеологемы «родина первого Совета» важно для понимания того, как символическая политика влияет на топонимию, мемориальную сферу и туристическое позиционирование города Иванова. Бурный экономический рост промышленного села Иванова начинается во второй половине XIX века, и к концу столетия оно с легкой руки академика В. П. Безобразова нарекается «русским Манчестером» [Безобразов, 1864]. В 1920-е годы на смену этому маркеру приходят «красный Манчестер» [Красный Манчестер, 1926] и ряд уточняющих его вариантов: «город красных ткачей», «кузница пролетарских кадров», «третья пролетарская столица» и, наконец, «родина первого Совета». Образ «столицы текстильного края» постепенно становится вторичным в брендировании города, однако две составные части символической среды Иваново-Вознесенска – текстильная и революционная – по-прежнему существуют нераздельно. В 1960-х годах к идеологизированным концептам добавляется легкомысленный образ Иванова как «города невест». В 1970-е годы происходит модернизация мест памяти, выступавших в качестве основных достопримечательностей города в рамках туристического маршрута «Золотое кольцо», а город осваивает уникальную идеологическую нишу, которая так и не смогла значительно повысить символический статус города.

Семеновко Александр Михайлович, кандидат исторических наук, директор Государственного архива Ивановской области; Российская Федерация, 153025, Иваново, ул. Куконых, д.1, тел. +7960 506 87 84
E-mail: smuta.cohma@yandex.ru

Михаил Юрьевич Тимофеев, доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета; руководитель научно-образовательного центра ИвГУ «Городские и региональные исследования»; главный редактор журнала «Labyrinth. Теория и практики культуры»; Российская Федерация, 153025, Иваново, ул. Тимирязева, д.5, тел. +7903 878 77 99
E-mail: timofeev.01@gmail.com

В статье исследуется влияние политики мемориализации событий стачки 1905 года и идеи первенства иваново-вознесенского Совета рабочих депутатов на брендинг и формирование городской среды Иванова (до 1932 года – Иваново-Вознесенска). Авторы рассматривают способы включения истории создания местного Совета в символическую политику города и страны на разных этапах истории в 1920–1980-х годах. Примечательно, что образ Иванова предполагал двусоставность – город революции и центр текстильного региона. Особое внимание уделяется целенаправленной работе по продвижению первенства созданного в 1905 году Совета как символического ресурса, обуславливающего статус города (и его партийного руководства) начиная с 1960-х годов. (Ранее этому продвижению препятствовал прежде всего авторитет «Краткого курса истории ВКП(б)», ясно утверждавшего, что ивановский Совет был одним из первых.) Этот образ постепенно внедрялся в советское символическое пространство, например, через всеозначные туристические маршруты. Так, на фоне других городов «Золотого кольца» Иваново выделялся как прежде всего революционный, советский город *par excellence*. В фокусе внимания авторов не только дискурсивное оформление такого образа, но и его воплощение в городской среде – в названиях улиц, памятниках, музеях, мемориальных комплексах, а также празднованиях юбилеев революционных событий 1905 и 1917 годов.

Ключевые слова: брендинг города; топонимия; политика памяти; символическая политика; монументальная пропаганда в СССР; городское пространство

Цитирование: Семеновко А. М., Тимофеев М. Ю. (2021) «Самый советский»

Третья пролетарская столица (1918–1936)

Город ткачей и поэтов,
Третья России столица,
Родина красных Советов,
Нового мира бойница.

Авенир Ноздрин (1922)

город: конструируя родину Советов (Иваново-Вознесенск/Иваново, 1918–1985) // Городские исследования и практики. Т. 6. № 1. С. 77–86.
DOI: <https://doi.org/10.17323/usp61202177-86>

В мае 1925 года в Иваново-Вознесенске широко отмечалось 20-летие стачки: в губернском краеведческом музее открылась мемориальная экспозиция, на предприятиях прошли торжественные мероприятия. В ходе торжеств открыли памятный обелиск руководителю стачки 1905 года Ф. А. Афанасьеву, установленный рядом с местом его гибели у реки Талки [Город, 1971, с. 104]. Был даже запланирован визит эскадрильи имени Фрунзе [Готовьтесь, 1925].

В 1927 году к десятой годовщине Октябрьской революции в городе проводится «топонимическая революция». Имена получили 348 улиц и переулков (некоторые из них ранее названий не имели). Главным «великим почином» первой волны переименований стало включение в городскую среду имен иваново-вознесенских революционеров и участников стачки 1905 года. Так, появились улицы, названные партийными кличками революционеров и депутатов первого Совета: улица Арсения – М. В. Фрунзе, Отцовская – Ф. А. Афанасьева, Громобоя – Р. М. Семенчикова, Ермака – В. Е. Морозова, Станко – И. Н. Уткина [Улицы..., 1958]. При этом четыре улицы были названы их настоящими фамилиями – профессионального революционера М. В. Фрунзе, командиров иваново-вознесенских боевиков Р. М. Семенчикова и И. Н. Уткина, заместителя начальника боевой дружины В. Е. Морозова. (Улица В. Е. Морозова в 1974 году получает имя его однофамильца, партийного деятеля Д. Г. Морозова.) 1-я Грачевская улица становится улицей Боевиков. В основном улицам города давались имена погибших или умерших депутатов первого Совета и большевиков-подпольщиков: А. А. Андрианова, Е. А. Дунаева, С. И. Балашова, О. М. Генкиной, В. Г. и Г. Г. Куконковых, В. И. Голубева, А. Ф. Колесникова, М. И. Лакина, И. Я. Мякишева. Исключением было имя здравствовавшей О. А. Варенцовой, присвоенное Покровской улице. Так было положено начало формированию мемориальной городской среды [Прокуроров, Бочков, 1981]. Следует отметить, что к концу 1980-х годов из установленных в городе 228 мемориальных досок более 100 разъясняли наименования улиц [Бяковский, 1987, с. 33].

Вплоть до середины 1930-х годов участники иваново-вознесенской стачки 1905 года настаивали на первенстве созданного тогда Совета рабочих депутатов [Самойлов, 1931, с. 5]. В 1935 году в здании ивановского цирка состоялось торжественное собрание, посвященное 30-летию Совета. С докладом выступил уроженец Иваново-Вознесенска, нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов. В это время вопрос о Совете как о стачечном комитете уже не ставился, город позиционировался как родина Советов. Ситуация изменилась после выхода «Краткого курса истории ВКП(б)», в котором указывалось, что «иваново-вознесенские рабочие создали Совет уполномоченных, который был фактически одним из первых Советов рабочих депутатов в России (курсив наш. – А.С., М.Т.)» [История ВКП(б), 1938, с. 57]. С 1938 года вплоть до конца 1950-х эта точка зрения становится неоспоримой [Всеобщая стачка, 1955, с. 19, 47]. Так, например, историк В. И. Галкин писал: «Необходимо еще раз подчеркнуть, что Совет уполномоченных был именно одним из первых Советов рабочих депутатов, а не первым, как это ошибочно утверждают некоторые исследователи (курсив наш. – А.С., М.Т.)» [Галкин, 1952, с. 118].

Однако революционный символический капитал не был забыт. Ивановцы должны были гордиться тем, что «немногие города нашей стра-

ны имеют такое богатое и славное революционное прошлое, как город Иваново» [Глебов, 1951, с. 3]. В этот период революционными памятниками города служили в основном конспиративные квартиры, подпольные большевистские типографии, места революционных событий. Во второй половине 1950-х годов появляются существующие до настоящего времени монументы: памятник Ленину на одноименной площади, памятник М. В. Фрунзе в сквере на проспекте Сталина. В 1957 году в сороковую годовщину Октябрьской революции на берегу речки Талки был возведен 19-метровый кирпичный обелиск в честь событий 1905 года. А в 1959 году торжественно отмечалось 100-летие со дня рождения Ф. А. Афанасьева («Отца»).

Родина первого Совета (1960–1985)

Мой город светит ровным светом,
Не господин, не исполин,
Мой город – родина Советов,
Такой на всю страну один.
Геннадий Серебряков (1980)

В августе 1960 года расположенное на улице Негорелой здание бывшей Мещанской управы становится памятником истории федерального значения – как «дом, в котором проходили заседания одного из первых в России Советов рабочих депутатов в 1905 г.» [Постановление, 1960]. В том же году улица получила имя Сталина, а с 1961 года стала Советской. Мемориальная доска с текстом «В 1905 г., во время всеобщей стачки иваново-вознесенских рабочих, здесь происходили собрания *одного из первых Советов рабочих депутатов* (курсив наш. – А.С., М.Т.)» [Глебов, 1951, с. 22] заменяется. Новый вариант гласит: «В 1905 г. во время всеобщей политической стачки иваново-вознесенских рабочих в этом здании происходили собрания *первого в России общегородского Совета рабочих депутатов* (курсив наш. – А.С., М.Т.)» [Иваново, 1972, с. 37].

Начиная с 1960-х годов Иваново в советском символическом пространстве позиционируется сначала на региональном, а затем на всесоюзном уровне как «город первого Совета», вовлекая в идеологически маркированное поле как жителей города, так и его гостей (прежде всего в рамках туристического маршрута «Золотое кольцо России»). В конце 1960-х пропагандисты отказываются от сравнения Иванова с Манчестером, утверждая, что «Иваново – не советский Манчестер!», так как советская текстильная промышленность по всем показателям обогнала английскую [Лешуков, 1971, с. 143–153].

В области начинают широко отмечаться памятные даты революционного движения и юбилеи ивановских революционеров. В 1961 году празднуется 75-летие со дня рождения Д. А. Фурманова, в 1962-м – 100-летие со дня рождения О. А. Варенцовой. В декабре того же года в бывшем особняке

фабрикантов Зубковых, где в 1918 году размещался комиссариат Ярославского военного округа, открылся мемориальный музей-кабинет М. В. Фрунзе, а в 1965 году наряду с 60-летием Совета отмечалось его 80-летие.

В 1961 году улица Сталина становится Советской. Тогда имя председателя первого Совета рабочих депутатов, гравера и поэта А. Е. Ноздрина получает улица Никитская (на пересечении которой с Негорелой улицей в 1905 году находилась мещанская управа, в которой был создан Совет). Примечательно, что семантика названия улицы («поэта Ноздрина») не революционная, а литературная. В 1960-х в названиях улиц, которым присваиваются имена ивановских ветеранов революционного движения, появляются фамилии тех из них, кто был репрессирован в 1930-е годы, – П. П. Постышева, А. С. Бубнова, Н. Н. Колотилова, И. И. и Д. И. Черниковых, И. П. Косарева, М. Н. Разумовой, М. Ф. Наговицной-Икрянистовой, Г. Е. Гнедина и др.

На постепенность внедрения статуса родины Советов в советское символическое пространство указывает, в частности, то, что в 1965 году круглая дата праздновалась достаточно скромно [Первый Совет, 1965]. На юбилейную сессию городского Совета прибыли гости из польского города-побратима Лодзи, из Ташкента, Ярославля, Владимира и Костромы [Очерки истории, 1967, с. 489]. Лишь в 1967 году, в год 50-летия Октябрьской революции, в городе был установлен кирпичный обелиск на Талке и создано мемориальное кладбище революционеров текстильного края, а 4 ноября был открыт Дом-музей первого Совета рабочих депутатов 1905 года. Путеводитель 1968 года начинается с главки под названием «Иваново – родина первых Советов» [Глебов и др., 1968, с. 5]. Среди отмеченных в книге достопримечательностей города – штаб-квартира революционных марксистских организаций, первый Совет рабочих депутатов 1905 года, подпольная большевистская типография, конспиративные квартиры большевиков-подпольщиков 1905 года (упоминается, в частности, мастерская по изготовлению бомб на улице Куконковых), памятные места, связанные с жизнью и деятельностью М. В. Фрунзе (от мест рабочих митингов и бывшей Ямской тюрьмы до губисполкома и штаба Ярославского военного округа), памятные места истории Ленинского комсомола (6 мест, где в разное время находились городские и губернские молодежные организации [Глебов и др., 1968]. В путеводителе, выпущенном через 4 года, даны 8 туристических маршрутов: «В прошлое», «Годы розовые», «По памятным местам», «Трудовая героика», «По улицам и площадям», «Мир познания», «По местам отдыха» [Иваново, 1972].

В 1968 году на улице Энгельса был установлен памятник из красного гранита Ф. А. Афанасьеву («Отцу») [Бяковский, 1987, с. 10]. Летом 1965 года было принято решение установить «памятник вечного огня жертвам революции 1905 года» из красно-

го полированного гранита. Сделать это предполагалось в сквере на площади Революции на месте уже существовавшего обелиска, возведенного в память о расстреле 1915 года [Задание, 1965].

17 января 1971 года в жизни города произошло знаменательное событие – в Иваново прибыл автобус-экспресс с туристами из Москвы. Это был первый рейс по новому всесоюзному туристическому маршруту, который получил название «Золотое кольцо России». Предполагалось, что «приезжая в Иваново, люди прежде всего стремятся подышать воздухом революционной истории, героической борьбы иваново-вознесенских рабочих против царского самодержавия за построение нового общества» [Глебов, Приходько, 1972, с. 11]. В путеводителе по «Золотому кольцу» сообщалось, что «туристам, приезжающим в Иваново, гостеприимные хозяева обязательно покажут Дом первого Совета – главную достопримечательность города» [Бычков, Десятников, 1981, с. 238]. Контраст с главными достопримечательностями других городов маршрута был разительным, так что специфика Иваново в «Золотом кольце» была очевидна. Для размещения туристов по типовому проекту была построена гостиница с соответствующим образу города названием «Советская» (1970). До этого в городе было лишь две гостиницы – построенная в 1929 году в стиле конструктивизма «Центральная» и «Иваново», типовой проект 1963 года [Балдин, Семененко, 1996].

В 1972 году первым секретарем Ивановского обкома КПСС становится В. Г. Ключев¹. Именно он инициировал кампанию по продвижению идеи позиционирования Иваново как родины первого Совета. Подготовка к празднованию 70-летия Совета началась осенью 1973 года. На бюро горкома КПСС были приняты решения закончить реконструкцию обелиска на реке Талке, соорудить памятник «Жертвам расстрела царским самодержавием мирной демонстрации 10 августа 1915 года», провести праздники улиц, названных именами революционеров, и торжественно переименовать в 1975 году улицу Лежневскую в улицу имени Первого Совета [Постановление, 1973]. Последнее решение не было реализовано. 4 сентября 1974 года Исполком горсовета принимает распоряжение «О строительстве памятника Борцам Революции и благоустройстве прилегающей территории на площади Революции» [Распоряжение, 1974], в котором, в частности, говорится об обеспечении финансирования, изготовления, установки и отделки скульптурной группы памятника. В 1974 году от имени В. Г. Ключева в Институт марксизма-ленинизма было направлено письмо, призванное окончательно закрепить за городом статус родины первого Совета².

В результате масштабной подготовки 1975 год стал очень насыщенным по количеству мероприятий, посвященных Совету. Университет, образованный в начале 1974 года на базе педагогического института имени Д. А. Фурманова, 10 февраля 1975 года получает, пожалуй, самое длинное в СССР название – Ивановский государственный университет имени первого в России Иваново-Вознесенского общегородского Совета рабочих депутатов. 18 мая открылся фестиваль «Мастера искусств страны – родине первого Совета» (он станет ежегодным фестивалем искусств под «революционным» названием «Красная гвоздика»). В конце месяца были открыты два монументальных комплекса, посвященных событиям 1905 года. 28 мая на берегу реки Талки был открыт мемориальный комплекс «Красная Талка» и зажжен вечный огонь. Обелиск представлял собой сочетание сужающихся кверху двенадцати труб, символизирующих трубы текстильных фабрик Иваново-Вознесенска. На пилонах монумента были помещены гексаметры ивановского поэта В. С. Жукова, наполненные революционно-поэтическими штампами:

Вечная память и слава
Павшим за счастье живущих,
В битвах бессмертных создавшим
Первый в России Совет.
Шли на борьбу как на праздник,
Толпы голодных и честных,
Клич поднимая суровый:
Самодержавье долой!
К схваткам за правое дело
Звал агитатор рабочих,
Пламенным словом партийным
Вел на решительный бой [Бяковский, 1987, с. 17].

На начинающейся от улицы Свободы аллее было установлено 14 гранитных бюстов руководителей стачки и депутатов Совета.

29 мая на площади Революции был открыт мемориал «Борцам революции» (скульптор Д. Б. Рябичев, архитектор Е. И. Кутырев и художник М. И. Малютин). До сих пор многие горожане полагают, что скульптурная группа «Знамя пролетариата – знамя революции» первоначально предназначалась для установки в Одессе, поэтому ее герои не были обуты, что при помещении в центрально-российский социокультурный и климатический контекст резко меняло семантику памятника. На митинге в день открытия мемориала над головами собравшихся развевался транспарант с текстом «Ивановцы, помните: на этой священной земле 70 лет назад ваши отцы и деды боролись за светлое будущее». Пафос монументальной пропаганды был отражен в путеводителе «По „Золотому кольцу“ России»: «Величайшей

1. В 1963–1964 годах он работал заведующим отделом текстильной промышленности Ивановского промышленного обкома КПСС, в 1964–1966 годах – первым секретарем Ивановского горкома КПСС, а в 1966–1972 годах – вторым секретарем Ивановского обкома КПСС.

2. Текст письма см.: Приложение. Текст находится в документах отдела специальных фондов и современной документации ГАИО.

святыней ивановцев стал мемориал на реке Талке. Здесь царские палачи расстреляли собравшихся на митинг пролетариев Иваново-Вознесенска. Здесь родилась идея рабочего Совета, из которой позднее, после Великого Октября, выросло светлое здание советской власти – власти трудящихся социалистической России» [Бычков, Десятников, 1981, с. 238].

В главке «Рабочий город Иваново» путеводителя «Золотое кольцо», сданного в печать 6 июня 1974 года, сообщается, что «это город революционных традиций, город первого в стране общегородского Совета рабочих депутатов, город героев Гражданской войны, столица текстильного края» [Попадейкин, Струков, 1975, с. 131]. Пущенный по маршруту Иваново – Москва в мае 1975 года фирменный поезд «Красная Талка» наряду с фирменным поездом «Текстильный край» на маршруте Иваново – Ленинград подчеркивали бинарность образа города.

Важной составляющей монументальной пропаганды в эти годы становятся идеологизированные мозаики. В 1975 году на окаймляющих железнодорожный вокзал зданиях появились работы ивановских художников М. Малютина и Е. Грибова, посвященные событиям 1905 года и Великой Отечественной войны. В том же году эпичное мозаичное панно «Герои революции», изображающее уже упоминавшихся Фрунзе, Афанасьева, Дунаева

Приложение

Зам. директора ИМЛ при ЦК КПСС А. Д. Педосову

Об истории названия Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов 1905 г. и его приоритете возникновения как первого общегородского Совета в России

В связи с приближающейся датой – 70-летием первой русской революции и возникновением Советов – Ивановский обком КПСС обращается с просьбой в ИМЛ при ЦК КПСС о восстановлении по поводу возникновения и деятельности Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов 1905 г. Эта просьба вызвана тем, что до сих пор как в историко-партийной литературе, так и периодической печати временами появляются ошибочные определения, вроде «Иваново-Вознесенский Совет уполномоченных – один из первых Советов рабочих депутатов в России».

Историческая правда состоит в следующем:

Выражение «Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов» широкое распространение получило после Великой Октябрьской социалистической революции, особенно в двадцатые-тридцатые годы. В это время издается много литературы о революции 1905 года, где Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов называется *первым* Советом в России. (См. В. И. Невский. История ВКП (б). Ленинград, 1926 г., стр. 261; Н. Попов. Очерки по истории ВКП(б).

и Варенцову, украсило торцевую часть прядильного корпуса фабрики «Красная Талка» (авторы – К. П. Фролов и Б. М. Романычев).

В 1976 году ревизии подвергся перечень памятников истории, находившихся под местной и республиканской охраной [О мерах улучшения, 1976]. Изменения коснулись ряда зданий, выполнявших важную символическую функцию. Так, дом, в котором в 1905 году проходили заседания первого в России Иваново-Вознесенского общегородского Совета рабочих депутатов, был рекомендован к включению в список объектов республиканского значения [Тимофеев, 2015], а дом, в котором родился и жил до 1862 года С. Г. Нечаев, было решено из перечня памятников местного значения убрать; кроме того, улица Нечаева в 1978 году была переименована в улицу Варенцовой.

В 1977 году в дни проведения VIII Всесоюзного слета участников похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа было открыто несколько монументальных объектов. 30 августа на торцевой части Дома Советов, обращенной к проспекту Ленина, было установлено монументальное панно с барельефом Ленина и его высказыванием, подчеркивавшим значимость города в истории советского государства: «...Пролетариат московский, питерский и иваново-вознесенский...

Партиздат, М., 1928 г., стр. 100; Е. Ярославский. История ВКП (б). Изд. 1933 г., стр. 129; М. Н. Покровский. Русская история в самом кратком изложении. М., 1933 г., т. 3, стр. 348). Это же утверждают и многочисленные воспоминания, написанные М. В. Фрунзе, Н. И. Подвойским, Ф. Н. Самойловым, Н. А. Жиделевым, А. В. Мандельштамом, С. И. Балашовым и другими. Все они Иваново-Вознесенское депутатское собрание называют Советом и считают его по времени появления *первым* в России. Такую характеристику Ивановскому Совету дает вся историческая партийная литература, вышедшая до 1938 г., в том числе и газеты «Правда», «Известия».

Это положение в двадцатые годы оспаривали троцкисты и меньшевики, доказывавшие, что *первым* в России был Петроградский, а Иваново-Вознесенский Совет – это общегородской стачечный комитет. Им резко возражал академик М. Н. Покровский, который в ряде работ показывал Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов «*первым* в мире настоящим Советом рабочих депутатов».

2. С выходом «Истории ВКП (б). Краткий курс» в литературу вошло другое определение: иваново-вознесенские рабочие в 1905 г. в ходе забастовки «создали Совет уполномоченных, который был фактически одним из первых Советов рабочих депутатов в России» (см. стр. 57).

Трудно сказать, на чем базировались авторы и редакторы этого учебника, давая такое определение. По крайней мере, документов, подтверждающих выражение «Совет уполномоченных»,

доказал на деле, что никакой ценой не уступит завоевания революции». 2 сентября на Вокзальной площади была открыта монументальная декоративная композиция «Подвигу молодых революционеров» (позже закрепилось название «Молодым революционеркам текстильного края», учитывающее бинарность позиционирования города). Прообразом скульптурного изображения выступила «молодая революционерка Ольга Генкина, трагически погибшая от рук черносотенцев» [Бяковский, 1987, с. 22–23]. Расправа над ней произошла 16 ноября 1905 года, после того как в оставленном ею на вокзале багаже полиция обнаружила револьверы и патроны. 5 ноября 1977 года на проспекте Ленина была установлена стела с портретом Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева и надписью, перекликающейся по своему содержанию с изречением Ленина: «Летопись великой революции навсегда сохранит память о беспримерной отваге и стойкости пролетариев Питера и матросов Балтики, рабочих Москвы, Иваново-Вознесенска... и других районов страны, где были одержаны первые победы в ходе триумфального шествия революции по нашей стране» [Иваново, 1981, с. 59–60].

В выпущенной в 1979 году туристической схеме Иванова были фотографии шести уголков города –

не существует. В ряде листовок имеется такое словосочетание: «уполномоченные депутаты заявили», «уполномоченные депутаты фабрик и заводов», где «уполномоченный» выступает как поясняющее, как прилагательное к «депутатам».

Выше приведенное определение из «Краткого курса истории ВКП (б)» господствовало в литературе до 1965 года. Предпринимаемые попытки исправить это неверное утверждение заканчивались для их авторов репрессиями.

3. В 1965 году в журнале «Вопросы истории КПСС» № 4 была опубликована статья А. А. Осинкина «Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов в 1905 г. (К 60-летию с момента возникновения)». В ней автор со ссылкой на документы показал, что Иваново-Вознесенский Совет был «*первым общегородским Советом рабочих депутатов в России*» и что этот орган никогда не назывался «Советом уполномоченных». Ранее возникшие Советы в Алапаевске, Надеждинске были *общезаводскими* и не выполняли тех функций, которые взял на себя Иваново-Вознесенский Совет (образование милиции, охрана порядка в городе, организация снабжения продовольствием бастующих, запрещение фабрикантам выселять рабочих из фабричных спален и т. п.).

4. Ошибочное определение Иваново-Вознесенского Совета, данное в «Кратком курсе истории ВКП (б)», оказалось настолько живучим, что продолжает кочевать до наших дней из учебника в учебник, из статьи в статью. См. «История КПСС», изд. 4 (дополн.), Москва, 1973 г., стр. 86; «Очерки истории

мемориальных комплексов на реке Талке и площадях Революции и Вокзальной, а также дома первого Совета и вида с реки Уводи на здание драматического театра. Справочная часть содержала перечень из 16 памятных мест историко-революционного характера, 10 мест, связанных с именами замечательных людей, 9 памятников (из них два – это монументальные стелы с портретами Л. И. Брежнева, установленные в 1977 году). В перечне было 6 архитектурных памятников: два сооружения XVII века, по одному – XVIII и XIX веков, а также Дом коллектива – жилой комплекс на 400 квартир архитектора И. А. Голосова, построенный в 1929–1932 годах, и комплекс зданий, созданный для Ивановского политехнического института по проекту И. А. Фомина в 1927–1932 годах в стиле «красной дорики», или «пролетарской классики».

В 1980 году у Дворца культуры текстильщиков был открыт памятник О. А. Варенцовой. А 28 мая, в день 75-й годовщины создания Совета, рядом с домом-музеем (бывшей мещанской управой) в специально построенном здании был открыт Музей первого Совета. С 1976 по 1980 год Ивановский объединенный историко-революционный музей, в который входил и краеведческий музей (бывший Музей фабриканта Д. Г. Бурылина), посетили 2,8 млн человек. Среди них были туристы более чем

КПСС для системы партийной учебы», изд. 5, М., 1972 г.; «Лекции по истории КПСС», вып. 1, Изд. «Мысль», 1973 г., стр. 139–140; газеты: «Комсомольская правда» от 14 мая 1974 г., «Известия» от 17 июня 1974 г.; энциклопедии – Историческая, БСЭ, МСЭ – и другая литература трактует как «Совет уполномоченных...», один из первых в России».

Из многочисленной исторической литературы правильно сказано только в шеститомном издании «Истории КПСС», М., 1966 г., т. 2, стр. 82.

5. Как показывают публикации, среди советских историков нет единства взглядов о возникновении Советов в 1905 году. Отсюда идут такие неопределенные трактовки, как «один из первых». Напрашивается вопрос: а какой Совет был первым? Если говорить о Мотовилихинском, Алапаевском, Надеждинском, то, судя по «Очеркам истории Пермской областной партийной организации» (Перм. книж. изд-во, 1971), их появление авторы относят к лету и осени 1905 г.

6. Таким образом, правильное определение Иваново-Вознесенского Совета 1905 г. и использование его опыта партией при создании Советов в Москве, Петрограде и других городах в период первой русской революции, плохо освещается в нашей исторической литературе. Не настало ли время дать объективную оценку этому всемирно-историческому событию?

Секретарь Ивановского обкома КПСС (В. Клюев)
8/VIII-74 г.

из 20 стран – ГДР, Польши, Болгарии, Чехословакии, Румынии, Югославии, Кубы, Кореи, Лаоса, Зимбабве, Франции, Шри-Ланки и др. [Тимофеев, 2005].

Визуальной кульминацией экспозиции являлась диорама «Митинг иваново-вознесенских рабочих на берегу реки Талки. Рождение первого Совета» [Горбунова, 1986, с. 100–104].

На модернизированном кладбище старых большевиков в 1983 году были установлены четыре вертикальные бетонные стелы с двусторонними ивановского поэта В. С. Жукова:

Сердце свое распахни перед памятью павших,
Жизнь отдавших за светлое счастье твое.
Умерли вы, но любовь и бессмертие с вами.
В дело народа вложили вы жизни свои.
Память о вас, революции верных солдатах,
В сердце своем Иваново-Вознесенск сохранит.
Вечен их подвиг в сердцах поколений грядущих,
Будем достойны немеркнувшей памяти их!

Во время очередных юбилейных дней в 1985 году на мемориале у реки Талки была открыта бронзовая скульптурная группа «Иваново-вознесенские ткачи», а ряд из 14 скульптурных портретов был дополнен бюстами К. И. Кирякиной-Колотиловой, М. П. Сарментовой, М. И. Лакина, В. Е. Морозова, Н. П. Грачева, П. П. Постышева. Кроме того, бронзовый бюст А. С. Бубнова был установлен перед зданием медицинского института, в 1981 году получившего его имя, а перед зданием текстильного института был открыт бюст М. В. Фрунзе, чье имя присвоили вузу еще в 1960 году [Бяковский, 1987, с. 28]. В 1985 году из семи ивановских вузов имена имели четыре (энергетический институт носил имя В. И. Ленина).

И именно в 1985 году произошло последнее переименование улицы, апеллирующее к революционному прошлому: 5-й Завокзальный переулок, ведущий к Парку культуры и отдыха имени Революции 1905 года, стал улицей Первых Маевок. Всего к концу 1980-х на государственной охране находилось 89 памятников местного и 21 памятник республиканского значения [Бяковский, 1987, с. 5]. Так завершилось формирование символического пространства «самого советского» города СССР.

* * *

Изменявшиеся на протяжении советской истории идеологические дискурсы в значительной степени нашли отражение в символическом пространстве Иванова. Особенностью же формирования семиосферы города являлось присутствие в ней на протяжении значительной части советской истории знаков и символов, репрезентировавших события революционного прошлого. Ю. М. Лотман, обращаясь к феномену трансляции значений, писал, что «являясь важным механизмом памяти культуры, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного ее пласта в другой.

Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов в значительной мере берут на себя функцию механизмов единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты. Единство основного набора доминирующих символов и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют национальные и ареальные границы культур» [Лотман, 1992, с. 241]. В 1920–1930-е годы городские власти всячески стремились поддерживать статус «третьей пролетарской столицы» и прилагали усилия к тому, чтобы превратить Иваново-Вознесенск в образцовый социалистический город. В 1970-е годы идеологическая перегруженность городского пространства стала максимальной, возникла возможность трансляции символического поля города на все советское социокультурное пространство (в частности, путем включения Иванова во всеобщие туристические маршруты). Однако повышения статуса города, сопоставимого с периодом 1918–1936 годов, не произошло [Агеев, 1996]. После 1991 года запускается процесс десоветизации городского пространства [Тимофеев, 2018].

Источники

- Агеев А. (1996) Город второй категории снабжения // Знамя. № 10. С. 182–191.
- Балдин К. Е., Семенов А. М. (1996) Иваново: история и современность. Иваново: Иван. газ.
- Безобразов В. П. (1864) Село Иваново. Общественно-физиологический очерк // Отечественные записки. № 1. С. 266–304.
- Бычков Ю. А., Десятников В. А. (1981) По «Золотому кольцу» России. Фотопутеводитель. М.: Планета.
- Бяковский В. С. (1987) Памятники истории и культуры города Иванова: проспект. Иваново.
- Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих в 1905 году (1955) Сборник документов и материалов. Иваново: Ивановское книжное издательство.
- Галкин В. А. (1952) Иваново-вознесенские большевики в период первой русской революции. Иваново: Ивановское книжное издательство.
- Глебов Ю. Ф. (1951) Революционные памятники города Иванова. Иваново: Облгиз.
- Глебов Ю. Ф., Лешуков Т. Н. (1981) Иваново. Путеводитель. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство.
- Глебов Ю. Ф., Лешуков Т. Н., Логинов С. Ф. (1968) Город Иваново. Путеводитель. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство.
- Глебов Ю. Ф., Приходько А. Ф. (1972) Иваново. Путеводитель. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство.
- Горбунова Л. Г. (1986) История первого Совета в музейной экспозиции // Советские истории и современность: материалы Всесоюз. научн.-практ. конф., посвящ. 80-летию первых Советов. Иваново, май 1985. Москва. С. 100–104.
- Город Иваново за 100 лет (1971) Статистический сборник. Иваново.
- Готовьтесь ко дню 20-летия 1905 г. (1925) // Рабочий край. № 112. 20 мая.
- Задание на проектирование памятника «вечного огня» на пл. Революции в г. Иванове. ГАИО. Ф. Р-1175. Оп. 20. Д. 16. Л. 278, 279.
- Иваново (1972) Путеводитель. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство.

- История ВКП(б) (1938) Краткий курс истории ВКП (б). М.: ОГИЗ. Красный Манчестер: худож. альбом (1926) Иваново-Вознесенская губерния / под ред. О. Литовского, И. Майорова; фото Н. Киселева, Э. Ю. Плетцера, Т. Попеля, М. Соколова, И. Миронова. Иваново-Вознесенск: Изд-е «Реклампровинции» при газете «Рабочий край».
- Лешуков Т. Н. (1961) Текстильный цех республики. М.: Советская Россия.
- Лотман Ю. М. (1992) Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн: Александра. С. 191–199. Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-92e.htm> (дата обращения: 20.03.2021).
- О мерах (1976) О мерах улучшения содержания памятников истории и культуры г. Иванова и использовании их в коммунистическом воспитании трудящихся. Решение от 11 октября 1976 года № 18/27. Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/13116592> (дата обращения: 20.03.2021).
- Очерки истории Ивановской организации КПСС (1967) Ч. 2. 1917–1967. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство.
- Первый Совет (1965) Первый Совет рабочих депутатов. Иваново-Вознесенск. Май–июль 1905 г. Фотоальбом. Ярославль.
- Попадейкин В., Струков В. (1975) Золотое кольцо. М.: Физкультура и спорт.
- Постановление (1960) Постановление от 30 августа 1960 года №1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» Режим доступа: <https://zakonbase.ru/content/base/48229> (дата обращения: 20.03.2021).
- Постановление (1973) Постановление бюро городского комитета КПСС и исполкома городского Совета депутатов трудящихся от 15 ноября 1973 года № 270. Протокол № 21 «О подготовке к проведению 70-летия первого Совета рабочих депутатов в городе Иванове». ГАИО. Ф. 27. Р. 31. Оп. 17. Д. 648. Л. 358.
- Прокуроров Ф. Е., Бочков М. В. (1981) Имена улиц города Иванова. Иваново: Редакционно-издательский отдел упрполиграфиздата Ивановского обл. исполкома.
- Путеводитель-справочник (1934) Путеводитель-справочник по городу Иванову. Иваново.
- Самойлов Ф. Н. (1935) Первый Совет рабочих депутатов. М.: Молодая гвардия.
- Тимофеев М. (2018) Специфика десоветизации города Иваново как «родины первого Совета» (1991–2016) // *Między nostalgia a ironią. Pamięć reżimu komunistycznego w dialogu międzykulturowym / Pod redakcją Elżbiety Tomasi-Kapral i Doroty Utrackiej.* Łódź: Wydawnictwo Naukowe Ibidem. S. 83–94.
- Тимофеев М. Ю. (2015) Музей первого Совета как фактор репрезентации города Иваново // Материалы научно-практической конференции «Музей. История. Наука». Иваново, 18 декабря 2014 года. Иваново. С. 28–36.
- Тимофеев М. Ю. (2005) История формирования семисферы города Иваново-Вознесенска (1917–1991) // Вестник Ивановского университета. № 3. С. 296–308.
- Улицы нашего города (1958) Иваново: Ивановское книжное издательство.
- “The Most Soviet-Looking” City: Constructing The Homeland Of The Soviets (Ivanovo-Voznesensk / Ivanovo, 1918–1985)**
- Alexander M. Semenenko**, PhD in History, Head of The State Archive of Ivanovo Region; 1 Kukonkovykh st., Ivanovo, 153025, Russian Federation, tel. +7960 506 87 84
E-mail: smuta.cohma@yandex.ru
- Mikhail Y. Timofeev**, DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Ivanovo State University; Head of the IBGU Scientific and Educational Center “Urban and Regional Studies”; editor-in-chief of the journal “Labyrinth. Theory and Practice of Culture”; 5 Timiryazeva st., Ivanovo, 153025, Russian Federation, tel. +7903 878 77 99
E-mail: timofeev.01@gmail.com
- Abstract.** This article examines the influence of the policy of memorializing the 1905 strike and the primacy of the Ivanovo-Voznesensk Soviet of Workers’ Deputies on the branding and formation of the urban environment of Ivanovo (Ivanovo-Voznesensk before 1932). The authors consider ways to include the history of the creation of the Soviet in the symbolic politics of the city and the country at different stages of history from the 1920s to the 1980s. Ivanovo assumed a double image—the city of revolution and the center of the textile industry. Particular attention is paid to the work to promote primacy of the Soviet, created in 1905, as a symbolic resource, which determined the status of the city (and its party leadership) from the 1960s. (Earlier, this progress was hindered primarily by the authority of the “History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): Short Course”, which clearly stated that the Ivanovo Soviet was one of the first Soviets.) This image was gradually introduced into the Soviet symbolic space, for example, through the all-soviet tourist routes. Compared to other cities of the “Golden Ring”, Ivanovo stood out as primarily a revolutionary, Soviet city *par excellence*. The authors focus not only on the discursive design of such an image, but also on its implementation in the urban environment—street names, monuments, museums, memorial complexes, as well as celebrations of the anniversaries of the revolutionary events of 1905 and 1917.
- Keywords:** city branding; toponymy; politics of memory; symbolic poli-

tics; monumental propaganda in the USSR; urban space

Citation: Semenenko A.M., Timofeev M.Y. (2021) "The Most Soviet-Looking" City: Constructing the Homeland of the Soviets (Ivanovo-Voznesensk / Ivanovo, 1918-1985). *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 1, pp. 77-86. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp61202177-86>

References

- Ageev A. (1996) Gorod vtoroy kategorii snabzheniya [City of the second supply category]. *Znamya* [Flag], no 10, pp. 182-191. (in Russian)
- Baldin K.E., Semenenko A.M. (1996) Ivanovo. Istorija i sovremennost' [Ivanovo. History and Contemporaneity]. Ivanovo: "Ivanovskaja gazeta" [Ivanovo: Ivanovo Newspaper]. (in Russian)
- Bezobrazov V.P. (1864) Selo Ivanovo. Obshchestvenno-fiziologicheskij ocherk [Selo Ivanovo. Socio-physiological sketch]. *Otechestvennye zapiski* [Otechestvennye Zapiski], no 1, pp. 266-304. (in Russian)
- Byakovskiy V.S. (1987) Pamyatniki istorii i kul'tury goroda Ivanova: prospekt [Monuments of History and Culture of the City of Ivanovo: Prospect]. Ivanovo. (in Russian)
- Bychkov Y.A., Desyatnikov V.A. (1981) Po "Zolotomu kol'tsu" Rossii. Fotoputevoditel' [Around the "Golden Ring" of Russia. Photo guide]. M.: Planeta. (in Russian)
- Galkin V.A. (1952) Ivanovo-voznescenskie bol'sheviki v period pervoy russkoy revolyutsii [Ivanovo-Voznesensk Bolsheviks during the first Russian revolution]. Ivanovo: Ivanovo Book Publishing House. (in Russian)
- Glebov Y.F. (1951) Revolyutsionnye pamyatniki goroda Ivanova [Ivanovo City Revolutionary Monuments]. Ivanovo: Oblgiz. (in Russian)
- Glebov Y.F., Leshukov T.N. (1981) Ivanovo. Putevoditel' [Ivanovo. Guide]. Yaroslavl': Verkhne-volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo [Yaroslavl: Verkhne-Volzhscoe Book Publishing House]. (in Russian)
- Glebov Y.F., Leshukov T.N., Loginov S.F. (1968) Gorod Ivanovo. Putevoditel' [Ivanovo. Guide]. Yaroslavl': Verkhne-volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo [Yaroslavl: Verkhne-Volzhscoe Book Publishing House]. (in Russian)
- Glebov Y.F., Prikhod'ko A.F. (1972) Ivanovo. Putevoditel' [Ivanovo. Guide]. Yaroslavl': Verkhne-volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo [Yaroslavl: Verkhne-Volzhscoe Book Publishing House]. (in Russian)
- Gorbunova L.G. (1986) Istorija pervogo Soveta v muzeynoy ekspozitsii [History of the first Council in the museum exhibition]. *Sovety: istoriya i sovremennost': materialy Vsesoyuz. nauchn.-prakt. konf., posvyashch. 80-letiyu pervykh Sovetov, Ivanovo, may 1985 g.* [Soviets: History and Contemporaneity: All-Union Scientific Conference. Ivanovo, May 1985]. Moscow, pp. 100-104. (in Russian)
- Gorod Ivanovo za 100 let. Statisticheskii sb (1971) [100 years of the City of Ivanovo. Statistical Collection]. Ivanovo. (in Russian)
- Gotov'tes' ko dnyu 20-letiya 1905 g. (1925) [Get ready for the day of the 20th anniversary of 1905]. *Rabochiy kray* [Labor Side], no 112. (in Russian)
- Istoriya VKP (b) (1938) Kratkiy kurs istorii VKP (b) [History of the CPSU (b)]. M.: OGIZ.
- Ivanovo. Putevoditel' (1972) [Ivanovo. Guide]. Yaroslavl': Verkh.-Volzh. kn. izd-vo [Yaroslavl: Verkhne-Volzhscoe Book Publishing House]. (in Russian)
- Krasnyy Manchester: Khudozhestvennyy al'bom. Ivanovo-Voznesenskaya guberniya. Ch. 1 [Red Manchester: Art Album. Ivanovo-Voznesensk Region] (1926) Ivanovo-Voznesensk: izd. "Reklamprovintsii" pri gaz. "Rabochiy kray". (in Russian)
- Leshukov T.N. (1961) Tekstil'nyy tsekh respubliki [Textile Workshop of the Republic]. Moscow: Soviet Russia. (in Russian)
- Lotman Yu.M. (1992) Simvol v sisteme kul'tury [The Symbol in the System of Culture]. *Lotman Yu.M. Izbrannye stat'i. T. 1* [Lotman Yu.M. Selected Articles. Vol. 1]. Tallinn: Aleksandra. S. 191-199. (accessed 20 March 2021). <http://www.philology.ru/literature1/lotman-92e.htm> (in Russian)
- O merakh (1976) O merakh uluchsheniya soderzhaniya pamyatnikov istorii i kul'tury g. Ivanova i ispol'zovaniy ikh v kommunisticheskom vospitanii trudyashchikhsya. Reshenie ot 11 oktyabrya 1976 goda № 18/27 [On Measures to Improve Preservation of Historical and Cultural Monuments in Ivanovo and Their Use in the Communist Education of Workers. Decision from 11 October 1976. № 18/27]. Available at: <http://docs.pravo.ru/document/view/13116592> (accessed 20 March 2021). (in Russian)
- Ocherki istorii Ivanovskoy organizatsii KPSS. Ch. 2. 1917-1967 (1967) [Essays on the History of the Ivanovo Organization of the CPSU. Part 2. 1917-1967]. Yaroslavl': Verkh.-Volzh. kn. izd-vo [Yaroslavl: Verkhne-Volzhscoe Book Publishing House]. (in Russian)
- Verkh.-Volzh. kn. izd-vo [Yaroslavl: Verkhne-Volzhscoe Book Publishing House]. (in Russian)
- Pervyy Sovet (1965) Pervyy Sovet rabochikh deputatov. Ivanovo-Voznesensk. May-iyul' 1905 g. Fotoal'bom [The First Soviet of Workers' Deputies. Ivanovo-Voznesensk. May-July 1905. Photo album]. Yaroslavl'. (in Russian)
- Popadeykin V., Strukov V. (1975) Zolotoe kol'tso. [The Golden Ring]. M.: Fizkul'tura i sport [Moscow: Physical Culture and Sport]. (in Russian)
- Postanovlenie (1960) Postanovlenie Soveta ministrov RSFSR № 1327 ot 30 avgusta 1960 g. "O dal'neyshem uluchshenii dela okhrany pamyatnikov kul'tury v RSFSR" [On Further Improvement of Protection of Cultural Monuments in the RSFSR]. Available at: <https://zakonbase.ru/content/base/48229> (accessed 20 March 2021). (in Russian)
- Postanovlenie (1973) Postanovlenie byuro gorodskogo komiteta KPSS i ispolkoma gorodskogo Soveta deputatov trudyashchikhsya ot 15 noyabrya 1973 goda № 270. Protokol № 21 "O podgotovke k provedeniyu 70-letiya pervogo Soveta rabochikh deputatov v gorode Ivanove". [Resolution of the Bureau of the City Committee of the CPSU and the Executive Committee of the City Council of Workers' Deputies]. GAIО. F. 27. R. 31. Op. 17. D. 648. L. 358. (in Russian)
- Prokurorov F.E., Bochkov M.V. (1981) Imena ulits goroda Ivanova. [Names of Ivanovo Streets]. Ivanovo: Redakcionno-izdatel'skiy otdel uprpolicgrafizdata Ivanovskogo oblispolkoma. (in Russian)
- Putevoditel'-spravochnik (1934) Putevoditel'-spravochnik po gorodu Ivanovu [Ivanovo. Guide]. Ivanovo. (in Russian)
- Samoylov F.N. (1935) Pervyy Sovet rabochikh deputatov. [First Soviet of Workers' Deputies]. M.: Mol. Gvardiya [Moscow: Young Guard]. (in Russian)
- Timofeev M. (2018) Spetsifika desovetizatsii goroda Ivanovo kak "rodiny pervogo Soveta" (1991-2016) [Specificity of de-Sovietization of the city of Ivanovo as the "City of the First Soviet" (1991-2016)]. E. Tomasi-Kapral, D. Utrackiej (eds.) *Między nostalgia a ironią. Pamięć reżimu komunistycznego w dialogu międzykulturowym* [Between Nostalgia and Irony. The Memory of the Communist Regime in Intercultural Dialogue]. Łódź: Wydawnictwo Naukowe Ibidem [Lodz: Scientific Publishing House Ibidem], pp. 83-94. (in Russian)

- Timofeev M.Yu. (2015) Muzej pervogo Soveta kak faktor reprezentatsii goroda Ivanovo [Museum of the First Council as a factor in representing the city of Ivanovo] // Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Muzej. Istoriya. Nauka". Ivanovo, 18 dekabrya 2014 goda. Ivanovo, pp. 28-36. (in Russian)
- Timofeev M.Yu. (2005) Istoriya formirovaniya semiosfery goroda Ivanovo-Voznesenska (1917-1991) [History of the formation of the semiosphere of the city of Ivanovo-Voznesensk (1917-1991)] // Vestnik Ivanovskogo universiteta, no 3, pp. 296-308. (in Russian)
- Ulitsy nashogo goroda (1958) [Streets of our city]. Ivanovo: Ivanovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Vseobshchaya stachka ivanovo-voznese-nskikh rabochikh v 1905 godu. Sbornik dokumentov i materialov (1955) [The General Strike of the Ivanovo-Voznesensk Workers in 1905. Collection of Documents and Materials]. Ivanovo: Ivanovo Book Publishing House. (in Russian)
- Zadanie na proektirovanie pamyatnika "vechnogo ognya" na pl. Revolyutsii v g. Ivanove. [Assignment for the Design of the "Eternal Flame" Monument on Revolution Square in Ivanovo]. GAI0. F. R-1175. Op. 20. D. 16. L. 278, 279. (in Russian)

Репродуктивные страхи жителей малых городов Ивановской области

Наталья Гафизова,
Екатерина Цалко

Введение

Малые города Ивановской области – это особенный жизненный мир, характеризующийся сочетанием элементов традиционного, советского и современного образов жизни [Кодина, 2012]. Проводимые в последнее десятилетие замеры социального самочувствия жителей малых городов Ивановского региона [Аргунова, Гафизова, Кодина, Панкратова, 2012; Гафизова, Панкратова, Смирнова, 2016] зафиксировали наличие повышенной тревожности вследствие чуткой реакции на социально-экономическую ситуацию страны и региона, преобладание жизненной стратегии «Главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии», обусловленность социального самочувствия динамикой уровня доходов. Также было отмечено, что приватная сфера жизни малого города характеризуется высоким уровнем социальной солидарности, проявляющейся в тесном взаимодействии и взаимопомощи семейных групп и кровных родственников.

Повышенная тревожность, чувство социальной незащищенности жителей малых городов порождают многочисленные социальные страхи, среди которых присутствуют репродуктивные страхи. Репродуктивные страхи относятся к категории социальных страхов, изучение которых активизировалось в российской социологии с конца 1990-х годов в связи с изучением реакции населения на произошедшие кардинальные перемены в обществе. В общесоциологической теории, как отмечает А. В. Мигунова, страх представляется как эмоция, оказывающая негативное воздействие на состояние эмоционального баланса общества, которое, в свою очередь, является одним из показателей адаптации населения к меняющимся условиям социальной жизни [Мигунова, 2007]. Наличие страхов большинство социологов связывают с оценкой населением существующей социально-экономической, политической

Гафизова Наталья Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории управления Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы; Российская Федерация, 153002, Ивановская область, Иваново, Посадский пер., д.8, литер А1, тел.: +7910 981 84 96 E-mail: gafizova-nb@ranepa.ru

Цалко Екатерина Олеговна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории управления Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы; Российская Федерация, 153002, Ивановская область, Иваново, Посадский пер., д.8, литер А1, тел.: +7920 675 79 96 E-mail: tsalko-eo@ranepa.ru

Опираясь на результаты социологического исследования (анкетирование и фокус-групповое интервью), авторы выявляют и описывают репродуктивные страхи жителей малых городов Ивановской области и ключевые факторы их формирования. Анализ статистических данных показывает, что Ивановская область продолжает «стареть», увеличивается диспропорция между долями мужчин и женщин в старших возрастных группах, очередная демографическая волна приводит к снижению количества женщин и мужчин репродуктивного возраста, высокая разводимость усугубляет демографическую ситуацию в регионе. Эти негативные демографические процессы сопровождаются формированием и устойчивым воспроизводством репродуктивных страхов. Авторы выделили следующие факторы формирования и воспроизводства репродуктивных страхов: общая социально-экономическая ситуация в регионе, социальное самочувствие жителей, исторически сложившиеся особенности репродуктивного поведения жителей, проблемы в системах жизнеобеспечения (здравоохранение, социальная защита, образование и др.). Наиболее распространенные репродуктивные страхи: ухудшение материального положения (этот страх присущ жителям с низким материальным достатком и высоким уровнем образования), падение личных доходов (чаще тревогу по этому поводу испытывают женщины, молодежь и респонденты в позднем фертильном возрасте), боязнь потери полноценного отдыха (об этом более склонны тревожиться молодые жители малых городов и представители низкодоходных групп населения). Также исследование выявило четыре типа мотивов, ограничивающих детность: эгоистический, материальный, престижный, психологический. Авторы приходят к выводу, что существующие меры стимулирования рождаемости, качество услуг в здра-

вохранении и системе социального обеспечения, доступность иных социально значимых услуг пока не способны преодолеть тренд малодетности и нивелировать сложившиеся репродуктивные страхи.

Ключевые слова: малые города; социальное самочувствие; репродуктивные страхи; репродуктивное поведение

Цитирование: Гафизова Н. Б., Цалко Е. О. (2021) Репродуктивные страхи жителей малых городов Ивановской области // Городские исследования и практики. Т. 6. № 1. С. 87–99. DOI: <https://doi.org/10.17323/uspp61202187-99>

и культурной ситуации, наличествующих и потенциальных угроз «удовлетворению потребностей в данной объективной ситуации» [Баринов, 2009].

Так, авторы монографии «Россия на новом этапе: страхи и тревоги», опираясь на широкий массив данных, выявили, что в первое десятилетие XXI века чувства страха и тревоги испытывали большинство наших сограждан (около 70%), независимо от пола, возраста, дохода и т. п., а в структуре страхов преобладали страхи личного плана – за жизнь и здоровье, свое имущество [Горшков, Крумм, Петухов, 2009]. Заслуживает внимание и исследования Немировского В. Г. с соавторами, для которых социальные страхи выступили основой типологизации регионов Сибири [Немировский, Немировская, 2012]. Продолжая разработку темы, в 2018 году авторы выявили наиболее значимые страхи россиян: страх перед бедностью, экологической угрозой, произволом чиновников и преступностью [Немировский, Немировская, Булатова, 2018].

Распространенной в российской науке является типология психолога С. Ю. Мамонтова, который выделил пять видов социальных страхов: страх отвержения (получить отказ, быть непризнанным, отверженным, боязнь равнодушия и т. д.), боязнь потери (партнера, супруга, работы и т. д.), страх принять самостоятельное решение (взять на себя ответственность, нежелание рисковать и т. д.), страх публично проявлять свои чувства, высказываться, обозначать потребности, говорить «нет» и т. д., страх перед авторитарными личностями [Мамонтов, 2002]. Мы считаем, что репродуктивные страхи связаны со страхом принятия самостоятельного решения (взять на себя ответственность, нежелание рисковать и т. д.).

Также психологи выделяют следующие функции страха – сигнальную, приспособительно-адаптивную, когнитивную, воспитательную, мотивационную. Как отмечают Н. Н. Ярушкин и Н. Н. Сатонина, мотивационная функция страха может иметь своим следствием торможение или, наоборот, побуждение к определенной активности [Ярушкин, Сатонина, 2007]. Авторы утверждают, что страхи имеют непосредственное отношение к регуляции ответственного поведения индивида [Ярушкин, Сатонина, 2007]. Поэтому можно сделать вывод, что наличие репродуктивных страхов оказывает непосредственное влияние на репродуктивное поведение человека.

Итак, мы полагаем, что репродуктивные страхи – это разновидность социальных страхов, которые возникают как своеобразная реакция индивида на негативные процессы в жизни региона/города и следствием которых выступает изменение мотивации к деторождению в виде превалирования установок на бездетность и малодетность. Также репродуктивные страхи свидетельствуют об осознанном и ответственном поведении индивида в репродуктивной сфере. Общая структура репродуктивных страхов отражена на рис. 1.

В данной статье предпринимается попытка выявить и описать репродуктивные страхи жителей малых городов Ивановской области в контексте социально-экономической обстановки региона с учетом общих показателей социального самочувствия и специфики их репродуктивных установок. Новизна исследования связана с тем, что анализ репродуктивных страхов жителей малых городов осуществляется на основе сочетания количественных и качественных социологических методов (анкетирования и фокус-группового интервью).

Актуальность исследования

Ивановская область известна не только своими демографическими диспропорциями («Иваново – город невест»), но и тем, что относится к регионам с устойчивой тенденцией к депопуляции. Если по данным Ивановстата на 1 января 2019 года численность населения Ивановской области составляла 1 004 180 человек [Численность населения...,

РИС. 1. Структура репродуктивных страхов

Источник: выполнено авторами.

2019], то в 2020 году она впервые стала меньше 1 млн человек. По прогнозным оценкам, в 2020 году численность постоянного населения составит 992,1 тыс. человек, к 2022 году она будет составлять 978,3 тыс. человек [Правительство..., 2019].

Общее снижение численности населения региона обусловлено в основном естественной убылью населения. По данным региональной статистики, за девять месяцев 2020 года в регионе родилось всего 1970 человек, а скончалось 4016 [Цифры недели, 2020]. В Ивановской области удельный вес женщин по-прежнему значи-

тельно больше, чем мужчин, – 55 и 45% соответственно. Неблагоприятно складывается ситуация в отношении нагрузки на трудоспособное население. В общей структуре населения доля граждан старше трудоспособного возраста составила 26,9%, лица трудоспособного возраста – 55,2%, детское население – 17,9%.

Также отметим, что Ивановская область – одна из самых урбанизированных в стране. Сведения о городах и населенных пунктах городского типа Ивановской области представлены в табл. 1.

По данным Ивановостата, на начало 2019 года городское население составило 81,6%. Важно также учитывать, что подавляющая часть городских поселений относится к разряду малых. Из всех городов Ивановской области только два имеют численность населения свыше 80 тыс. – это Иваново и Кинешма [Территориальный орган..., 2020].

Кратко охарактеризуем ключевые социально-демографические характеристики жителей городских поселений региона. Возрастная структура городского населения области выглядит следующим образом: лица моложе трудоспособного возраста (0–15 лет) составляют 17,1% населения, лица трудоспособного возраста – 54,3%, старше трудоспособного возраста – 28,6%. При этом если в первых двух возрастных группах на 1000 мужчин приходится 952 и 944 женщины соответственно, то в старших возрастах наблюдается значительная диспропорция – на 1000 мужчин приходится 2778 женщин.

Для оценки естественного движения населения обратимся к показателям рождаемости и смертности. На начало 2019 года на 1000 городского населения приходилось 16 умерших и 9,4 родившихся. Тенденция депопуляции населения в области продолжает сохраняться на протяжении более 20 лет. Суммарный коэффициент рождаемости у городского населения на начало 2019 года составил 1,396 (среднее число детей, рожденных женщиной за свою жизнь), что ниже общероссийского показателя за тот же период. Ожидаемая продолжительность жизни горожан в Ивановской области при рождении составила 65,2 года у мужчин и 76,5 года у женщин. Кроме естественной убыли населения области регистрируется и миграционная убыль.

Негативным фактором, оказывающим влияние на рождаемость и динамику численности населения, является разводимость. По данным переписи 2010 года,

ТАБЛИЦА 1.
Численность населения городских поселений Ивановской области на 01.01.2020, тыс. чел.

Источник: [Территориальный орган..., 2020].

Городские поселения	Численность населения
Городской округ Иваново	404 598
Городской округ Кинешма	80 950
Городской округ Шуя	57 039
Городской округ Вичуга	33 292
Городской округ Тейково	31 801
Городской округ Кохма	30 161
г. Фурманов	33 181
г. Родники	23 924
г. Приволжск	15 264
г. Южа	12 229
г. Заволжск	9 637
г. Наволоки	9 096
г. Комсомольск	8 023
г. Юрьеvec	7 945
пгт Лежнево	7 635
г. Пучеж	6 255
пгт Каменка	3 483
пгт Ново-Писцово	2 218
пгт Старая Вичуга	4 647
пгт Верхний Ландех	1 643
г. Гаврилов Посад	5 560
пгт Савино	4 843
пгт Палех	4 620
пгт Пестяки	3 227
пгт Ильинское-Хованское	2 825
пгт Лух	2 620
пгт Колобово	2 376
пгт Нерль	1 776
г. Плес	1 732

С учетом доходов всех членов домохозяйства, имеющие возможность:	
оплачивать жизненно необходимые (важнейшие) лекарственные препараты.	93,7
справиться с неожиданными тратами (расходы на срочный ремонт жилья или замену предметов длительного пользования, срочные медицинские услуги и так далее)	32,7
заменить пришедшую в негодность самую простую мебель	33,6
покупать членам семьи новую одежду по мере износа	88,6
покупать каждому члену семьи две пары удобной и подходящей по сезону обуви (по одной на каждый сезон)	53,0
позволить питание из мяса, птицы или рыбы (или равноценную вегетарианскую пищу) раз в 2 дня	93,6
употреблять фрукты в любое время года	78,0
приглашать гостей на семейное торжество (день рождения, Новый год и пр.).	75,8
каждый год одну неделю отпуска проводить вне дома (включая проведенное время во втором жилье, у родственников, у друзей).	32,9
не имеют возможности осуществлять ничего из перечисленного.	0,6
Указали, что могут «свести концы с концами» при покупке самого необходимого:	
очень легко	0,0
легко	1,7
сравнительно легко	9,1
с небольшими затруднениями	28,9
с затруднениями	35,9
с большими затруднениями	24,3
Минимальный месячный доход, необходимый, по оценке домохозяйств, чтобы «свести концы с концами», при покупке самого необходимого (в среднем на домохозяйство, тыс. руб.)	
	56,44

При наличии детей в возрасте до 15 лет в случае заболевания ребенка:	
обращаются в медицинскую организацию во всех случаях.	68,6
обращаются в медицинскую организацию не во всех случаях	23,2
не обращаются или практически не обращаются в медицинскую организацию	8,2
не определено	0,0

ТАБЛИЦА 2.
Оценка домохозяйствами своего финансового положения, 2019 год, %
Источник: [Территориальный орган..., 2020].

из всех женщин бракоспособного возраста (от 16 лет), проживающих в городах, никогда не состояли в браке 15,5%, состоят в браке 45,5% (из них в незарегистрированном – 14,5%), официально разведенные и разошедшиеся – 12%, вдовы – 21,5%. У мужчин-горожан бракоспособного возраста: никогда не состояли в браке 23,2%, состоят в браке 59,8% (в том числе в незарегистрированном – 8,7%), разведены (разошлись) – 7,2% и вдовы – 3,7%. Однако, если обратиться к текущей статистике и посмотреть количество браков и разводов на 1000 населения, то картина будет явно печальнее. На начало 2019 года на 1000 городского населения области произошло 5,9 брака и 4,2 развода. В целом получается, что 2/3 заключенных браков заканчиваются разводами.

Еще одним важным показателем, характеризующим качество жизни и уровень здравоохранения в городских поселениях региона, является показатель младенческой смертности. Уже на протяжении бо-

лее чем 10 лет данный показатель имеет устойчивую тенденцию к снижению: со 104 детей, умерших до года, в 2005 году, до 35 – в 2018 году.

Таким образом, мы видим, что изменения в динамике рождаемости и смертности оказывают влияние на половозрастную структуру населения – оно продолжает «стареть», увеличивается диспропорция между долями мужчин и женщин в старших возрастных группах. Кроме этого, очередная демографическая волна приводит к снижению количества женщин и мужчин репродуктивного возраста, а высокая разводимость только усугубляет демографическую ситуацию в городских поселениях и в целом в регионе.

Однако неправильно было бы оценивать демографическую ситуацию в регионе без учета влияния социально-экономических факторов. Наиболее важным, на наш взгляд, фактором, оказывающим влияние на репродуктивное поведение, является финансовое благополучие семьи. По данным Ивановостата [Территориальный орган..., 2020], городские домохозяйства так оценивают свое финансовое положение (см. табл. 2).

Таким образом, мы видим, что основная доля городских домохозяйств оценивает свое финансовое положение как достаточное для поддержания только минимального уровня жизни, при этом более трети при покупке самого необходимого с затруднениями «сводят концы с концами».

Субъективные оценки жителей региона являются логичным ответом на социально-экономическое положение в области. Если обратиться к анализу различных рейтингов, отражающих социально-экономическое положение регионов страны и качество жизни населения в них, станет очевидно, что Ивановская область занимает позиции ниже средних, а по ряду показателей входит в топ аутсайдеров. Например, эксперты РИА «Рейтинг», опираясь на официальную статистику, поместили Ивановскую область на 61-е место из 85 в рейтинге социально-экономического положения регионов по итогам 2019 года [Рейтинг..., 2020, с. 32].

Другое аналитическое агентство, Европейское рейтинговое агентство RAEX-Eurore, составляет единственный в своем роде ESG-рейтинг российских регионов, который позволяет в рамках одной шкалы оценить экологические и социальные риски, а также качество государственного управления. По показателям группы «Экологические риски» (Environmental) Иванов-

Оценка экономического положения семьи	Ваше место проживания			Итого
	городской округ	городское поселение, малый город	сельское поселение	
Живем в достатке, ни в чем себе не отказываем	4,0	0,0	3,1	3,0
Живем прилично, хотя приходится работать изо всех сил	30,4	24,1	27,9	28,5
Живем от зарплаты до зарплаты, еле сводим концы с концами	47,1	46,4	44,8	46,1
Отказались почти от всего, все средства уходят на питание	7,9	14,3	13,4	11,1
Бедствуем	4,3	8,0	3,4	4,5
Затрудняюсь ответить	6,4	7,1	7,2	6,8

ТАБЛИЦА 3.
Оценка экономического положения семьи в зависимости от места проживания, % (N = 751)

Источник: данные авторов.

ская область заняла 77-е место, по группе «Социальные риски» (Social) – 49-е и только по показателям группы «Качество управления» (Governance) – 29-е место. Итоговое место региона в ESG-рейтинге – 66-е [ESG-рейтинг..., 2020].

Краткий анализ демографической ситуации в Ивановской области, оценок социально-экономической ситуации в ней показывает наличие крайне негативных факторов, способных оказать влияние на репродуктивное поведение в целом и на установки детности в частности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки действенных мер в преодолении депопуляции региона и его малых городов, минимизации репродуктивных страхов и их последствий, трансформации репродуктивных установок с малодетности на средне- и многодетность.

Выборка и методы исследования

Эмпирической базой для нашей статьи стали результаты исследования репродуктивных установок жителей Ивановской области, проведенного в мае-июне 2019 года. Использовались два метода – анкетирование и фокус-групповое интервью. Для проведения анкетирования населения применялась стратифицированная непропорциональная выборочная совокупность, которую составили жители Ивановской области репродуктивного возраста. Основными котируемые признаками выступили возраст, пол, место проживания (городской округ, городские поселения (к которым относится большинство малых городов Ивановской области) и сельские

поселения). В каждом из 27 муниципальных образований региона опрашивались жители репродуктивного возраста (от 18 до 49 лет) соответственно половозрастным различиям и месту проживания – город/ село. Всего было проанкетировано 756 человек. Первичная информация была обработана в программе IBM SPSS Statistic-23.

Кратко охарактеризуем выборочную совокупность. Всего в выборке – 49% мужчин и 51% женщин. Распределение респондентов по возрасту соответствовало типу выборки – каждая возрастная группа представлена в равных частях. Более половины опрошенных состоят в браке, треть не замужем / не женаты и менее 10% состоят в гражданском браке или разведены. По уровню образования наибольшее количество респондентов имеют высшее (39,7%) или среднее профессиональное образование (34,9%), около 15% имеют только полное среднее общее. Распределение респондентов по субъективным оценкам своего экономического положения в целом отражает экономическое положение семей в Ивановской области: основная часть (более 40%) находится на краю бедности («живем от зарплаты до зарплаты, еле сводим концы с концами»), трети респондентов «приходится работать изо всех сил», чтобы обеспечивать себе приличное существование, 15% опрошенных живут в бедности. При этом среди жителей малых городов состояние хронической бедности отмечается чаще (см. табл. 3).

Состояние детности в Ивановской области отражает общероссийские тренды: преобладают однодетные и двухдетные семьи. Многодетные семьи – в демографическом понимании этого термина, то есть 5 и более детей, – составили чуть более 1%. Среди жителей малых городов, как видно на рис. 2, однодетные и двухдетные семьи также преобладают.

Также было проведено 4 фокус-групповых интервью по каждому типу муниципальных образований области: городской округ (город Иваново), Юрьеvecкий муниципальный район (малый город Юрьеvecкого района), городское поселение (малый город Комсомольск), сельское поселение (село Аньково Ильинского района). Во всех четырех фокус-группах участвовало по 9 информантов, представлявших различные категории населения по полу и возрасту.

Сочетание результатов анкетирования жителей городских поселений и фокус-

РИС. 2. Характеристики детности в зависимости от места проживания, % (N = 719)

Источник: данные авторов.

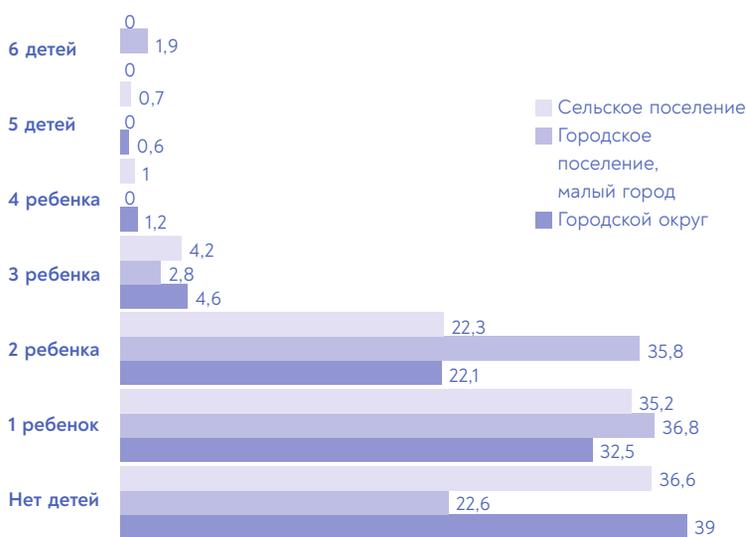
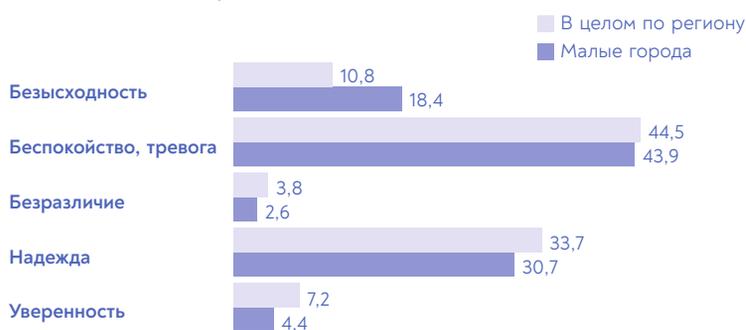

РИС. 3. Эмоциональное восприятие будущего в зависимости от места проживания, % (N = 751)

Источник: данные авторов.

группового интервью жителей Юрьевца и Комсомольска позволило нам выявить и описать репродуктивные страхи жителей малых городов Ивановской области, а также сопоставить их с картиной репродуктивных страхов по региону в целом.

Результаты исследования

Как указывалось выше, репродуктивные страхи возникают под влиянием негативных процессов в жизни региона/города, а общая оценка жизни и восприятие будущего влияют на репродуктивное поведение и порождают репродуктивные страхи. Каким видят собственное будущее жители малых городов Ивановской области?

Как видим, жители малых городов реже высказывали оптимистичные оценки собственного будущего и практически в два раза чаще отмечали состояние безысходности. Данные анкетирования подтверждаются высказываниями участников фокус-

группы. Приведем наиболее типичные ответы:

- «Опасения, потому что доход падает» (Антон, 30–34 лет, г. Комсомольск).
- «С опасением, потому что закрываются предприятия и я боюсь потерять доход; наше предприятие перевели в город, и я лишился сельских доплат; что дальше будет – непонятно» (Сергей, 25–29 лет, г. Юрьевец).
- «Я не знаю, чего ждать» (Андрей, 30–34 лет, г. Юрьевец).

Отметим, что среди тех, кто высказывал положительные оценки, преобладали молодые женщины, например:

- «С надеждой на лучшую жизнь» (Елизавета, 15–19 лет, г. Юрьевец).
- «Хочется верить, что будет лучше, чем сейчас» (Наталья, 25–29 лет, г. Юрьевец).

Восприятие будущего существенно коррелировало с материальным благополучием: чем выше оценивал респондент свой достаток, тем более он был склонен к позитивному восприятию будущего.

Доминирование негативных оценок в восприятии своего будущего и низкие характеристики социально-экономического положения приводят к изменению мотивации к деторождению в виде преобладания установок на бездетность и малодетность. Как показало анкетирование, идеальной для жителей региона является однодетная и двухдетная семья: 2/3 жителей Ивановской области ориентированы на двухдетную семью, 1/5 – на однодетную и только 16,9% – на многодетную. Для 1,4% жителей региона идеальной является семья без детей. На вопрос о том, какое количество детей хотели бы в своей семье, наши респонденты ответили следующее (см. рис. 4).

Как видно на рис. 4, идеальное и желаемое количество детей в представлениях жителей малых городов совпадают. Отвечая на этот вопрос, участники фокус-групп чаще не только озвучивали количество желаемых детей, но комментировали причины своего выбора:

- «Одного, потому что и его будет сложно поднять на ноги» (Антон, 30–34 лет, г. Комсомольск).
- «Один, может, двое, если муж хороший и достаток в семье» (Елизавета, 15–19 лет, г. Юрьевец).

РИС. 4. Желаемое количество детей, % (N = 751)

Источник: данные авторов.

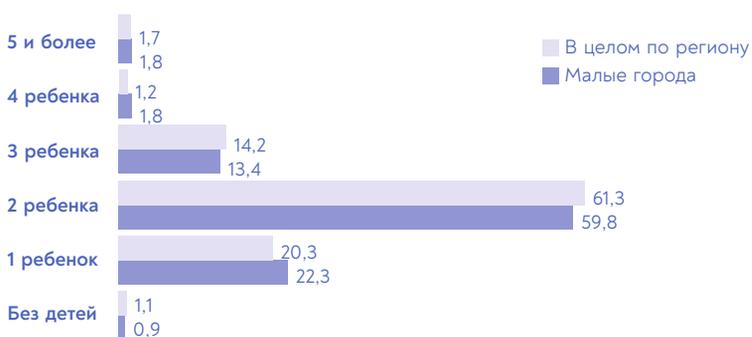
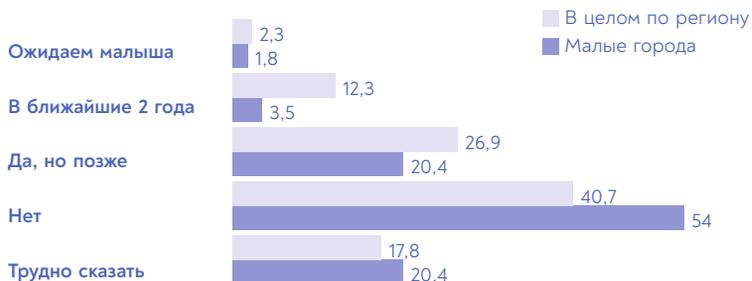

РИС. 5. Наличие планов по рождению ребенка, % (N = 751)

Источник: данные авторов.

- «Максимум один, но поздно, сначала для себя пожить нужно» (Евгения, 15–19 лет, г. Юрьевец).
- «Можно двоих, главное, чтобы жизнь стабильная была» (Любовь, 30–34 лет, 1 ребенок, г. Юрьевец).
- «Одного более чем достаточно» (Наталья, 25–29 лет, г. Юрьевец).
- «Возможно, одного» (Андрей, 30–34 лет, г. Юрьевец).

Как видим, главными причинами, определяющими выбор малодетности, оказываются боязнь материальных сложностей, отсутствие стабильности в жизни семьи, стремление «пожить для себя».

Идеальные представления о семье и желаемое количество детей должно подтверждаться определенными действиями в отношении принятия решения о том, иметь или не иметь детей, отложить рождение или отказаться от него вообще. Охарактеризуем репродуктивные планы жителей малых городов.

Как мы видим, жители малых городов чаще отмечали, что не планируют в ближайшее время рождение ребенка, в 4 раза реже отмечали вариант, что планируют рождение в ближайшие 2 года. Дополним полученную картину материалами фокус-групп: самые молодые участники чаще обосновывали отсутствие планов по рождению

детей возрастом: «Пока не планирую, рано, надо встать на ноги самой, начать зарабатывать» (Елизавета, 15–19 лет, г. Юрьевец), «Не планирую, рано» (Евгений, 15–19 лет, г. Юрьевец), а респонденты среднего возраста – наличием жизненных трудностей и проблем:

- «Больше не планируем, много сложностей, в том числе и с образованием» (Татьяна, 40–44 лет, 2 детей, г. Комсомольск).
- «Может, одного, если жена хорошая будет» (Антон, 30–34 лет, г. Юрьевец).
- «Одного хотелось бы» (Наталья, 25–29 лет, г. Юрьевец).
- «Скорее, одного» (Андрей, 30–34 лет, г. Юрьевец).
- «Скорее, еще одного, но не больше... Ребенку хочется дать все лучшее, поэтому опасаемся, что не хватит на двоих» (Любовь, 30–34 лет, 1 ребенок, г. Юрьевец).

Таким образом, исследование показало четыре группы ограничивающих детность мотивов: эгоистический (пожить для себя, самореализоваться); материальный (проблемы трудоустройства и занятости); престижный (стремление обеспечить себе и детям определенное качество жизни и(или) невозможность обеспечения детям желаемого уровня образования и медицинской помощи); психологический (требования к составу семьи, внутреннему семейному климату).

Чтобы уточнить мотивацию к рождению или отказу от рождения ребенка, был также задан вопрос: «Есть ли в Вашей семье или семье Ваших знакомых/родных те, кто принял решение пока не рожать ребенка? Как Вы думаете, почему они приняли такое решение? Какие соображения, причины побудили их к этому?». Приведем наиболее типичные ответы:

- «Есть такие. Отсутствие материального достатка. Неуверенность, что будет работа и достойная зарплата» (Максим, 35–39 лет, 2 детей, г. Комсомольск).
- «Деньги. Отсутствие перспективы» (Антон, 30–34 лет, г. Комсомольск).
- «Здоровье, возможность получить качественную медицинскую помощь» (Наталья, 25–29 лет, г. Юрьевец).

Как видим, интервьюируемые акцентируют внимание на материальных сложностях и невозможности обеспечить необходимое качество жизни для детей.

Аспекты жизни	Оценка										
	-5	-4	-3	-2	-1	0	1	2	3	4	5
Ваши личные доходы											
В регионе	38,7	6,4	14,3	9,5	8,2	17,1	1,6	0,7	0,8	0,1	2,6
В малых городах	50,4	2,7	11,5	8,0	7,1	15,9	2,7	0,9	0,9	0,0	0,0
Материальное положение Вашей семьи											
В регионе	38,7	7,8	14,7	8,8	8,8	16	1,6	0,4	1,1	0,3	1,8
В малых городах	45,6	4,4	14,9	6,1	10,5	13,2	1,8	0,0	2,6	0,0	7,7
Жилищные условия											
В регионе	19,7	4,9	10,1	4,8	7,3	46,7	1,8	0,7	0,8	0,8	2,4
В малых городах	23,9	5,3	8,0	0,0	6,2	52,2	1,8	0,0	0,9	0,0	1,8
Ваш профессиональный рост											
В регионе	16,1	3,5	6,4	6,7	7,4	55,8	1,1	0,4	0,7	0,4	1,5
В малых городах	17,9	4,5	8,0	4,5	1,8	61,6	0,0	0,0	0,0	0,0	0,8
Общение с друзьями											
В регионе	10,3	2,6	6,6	6,5	6,8	60,4	1,5	1,4	1,1	0,9	2
В малых городах	11,5	2,7	10,6	1,8	2,7	64,6	0,0	0,0	0,9	1,8	3,5
Здоровье											
В регионе	8,8	2,9	7,7	5,7	8,3	58,4	1,9	1,0	1,5	0,8	3
В малых городах	10,7	2,7	5,4	2,7	6,3	65,2	0,0	0,0	2,7	0,9	3,6
Отношения с супругом(ой)/партнером(шей)											
В регионе	5,1	1,0	2,9	3,8	3,6	62,5	4,0	4,0	3,1	2,1	8,1
В малых городах	4,5	0,0	2,7	0,9	4,5	72,7	1,8	1,8	1,8	0,9	8,2
Возможность полноценно отдохнуть											
В регионе	22,6	5,7	9,9	7,6	8,1	39,4	2,2	1,1	0,8	0,5	2,0
В малых городах	31,0	3,5	9,7	1,8	8,0	41,6	1,8	0,0	1,8	0,0	0,9
Отношение к Вам родственников, окружающих											
В регионе	5,1	0,8	3,0	1,8	2,7	66,7	3,1	2,2	3,9	2,2	8,5
В малых городах	7,1	0,9	3,5	0,9	4,4	63,7	0,0	1,8	3,5	1,8	12,4

ТАБЛИЦА 4.
Оценка влияния рождения ребенка на различные аспекты жизни, % (N = 728)

Источник: данные авторов.

Поскольку репродуктивные страхи свидетельствуют скорее об осознанном и ответственном поведении индивида в сфере деторождения, важно понять, как жители малых городов оценивают влияние возможного рождения ребенка (первого, последующего) на значимые аспекты жизни и удовлетворенность ею.

Данные, представленные в табл. 4, позволяют нам выявить три наиболее распространенных репродуктивных страха жителей малых городов Ивановской области. Главный из них – ухудшение материального положения. Этот страх присущ в большей степени жителям с низким материальным достатком (более 70%) и высоким уровнем образования (незаконченное высшее и высшее) (от 40 до 51%). Второй страх в этом рейтинге – падение личных доходов. Чаще тревогу по этому поводу испытывают женщины (40,4%), молодежь до 19 лет (44,2%) и респонденты в позднем фертильном возрасте 45–49 лет (44,6%). Завершает рейтинг боязнь потери возможности полноценного отдыха. Данная тревога в большей степени характерна для молодых жителей малых

городов (28,8%) и 45–49-летних (31,7%), представителей низкодоходных групп населения (более 30%).

По мнению опрошенных, неизменными останутся такие аспекты жизни, как отношения с супругой(м) / партнершей(ом), здоровье, общение с друзьями.

Данные анкетирования подтверждаются ответами участников фокус-групп, которые на вопрос «Представьте себе, что в Вашей семье появился (еще один) ребенок. Как, на Ваш взгляд, это повлияло бы на Вашу жизнь?», отвечали следующее:

- «Не знаю, мне сложно судить. Скорее с финансами сложности возникнут» (Антон, 30–34 лет, г. Комсомольск).
- «100% станет сложнее материально» (Елизавета, 15–19 лет, г. Юрьевец).
- «Финансовые сложности точно будут» (Евгения, 15–19, г. Юрьевец).
- «Уровень жизни семьи точно снизится; ребенок – большие расходы на лекарства, специалистов в нашей детской поликлинике нет – приходится возить в Кинешму или Иваново; это дорого очень выходит» (Любовь, 30–34 лет, 1 ребенок, г. Юрьевец).
- «Придется и себе, и старшему ребенку в чем-то отказать» (Наталья, 25–29 лет, г. Юрьевец).
- «Наверное, финансовые сложности» (Евгений, 15–19 лет, г. Юрьевец).
- «Скорее, материально будет сложнее» (Андрей, 30–34 лет, г. Юрьевец).

Полученные данные подтверждают наш вывод о том, что материальные и престижные мотивы играют важную роль в принятии решения о рождении или отказе от рождения ребенка. Жители малых городов имеют устойчивые представления о должном уровне и качестве жизни и возможное рождение ребенка рассматривается ими прежде всего как угроза материальному благополучию и качеству жизни. Вместе с тем полученные данные подтверждают тот факт, что жители малых городов рассматривают рождение детей как неотъемлемую часть жизни, которая никаким образом не ухудшает психологический климат в семье, отношения с близкими и друзьями, возможности профессиональной самореализации.

Кроме того, ответственное отношение к принятию решения иметь или не иметь детей, рожать или не рожать ребенка проявляется в оценке причин, по которым жители малых городов принимают решение отложить рождение ребенка.

РИС. 6. Оценка причин желая отложить рождение ребенка, средний балл (N = 751)

Источник: данные авторов.

Как видим, решение отложить рождение ребенка обусловлено материальными сложностями, невозможностью обеспечить себе и детям качественный досуг, отсутствием благоприятных условий для ухода и воспитания из-за недостаточности городской среды и инфраструктуры. Большую роль играют также жилищные трудности и большая закредитованность населения.

Обратимся теперь к оценке мер государственной поддержки семей с детьми. Респондентам был задан вопрос «Какое значение лично для Вас имеют перечисленные меры, реализуемые в настоящее время, которые повлияли или могли бы повлиять на Ваше личное решение иметь детей больше, чем Вы сейчас собираетесь? (отметьте по каждой строке один из вариантов ответа, имея в виду, что «1» – не повлияло, а «5» – очень повлияло)». Таким образом, ответы на этот вопрос позволили нам оценить эффективность и актуальность реализуемых мер для благополучия семьи и детей.

Исходя из данных, представленных в табл. 5, можно выявить наиболее эффективные и актуальные меры поддержки семей с детьми, положительно влияющие на репродуктивные планы и минимизирующие репродуктивные страхи. Среди наиболее значимых мер поддержки респонденты выделили: предоставление жилищных кредитов и материнского капитала, ежемесячную денежную выплату на третьего ребенка в размере прожиточного минимума до достижения им 3 лет, предоставление регионального материнского капитала. Меры, имеющие минимальное влияние: бесплатная психолого-педагогическая поддержка родителей, предоставление земельного участка, единовременное пособие при ранней постановке на учет по беременности, родовой сертификат и возможность выбрать роддом.

Анализ репродуктивных страхов жителей малых городов Ивановской области был бы неполным без определения тех проблем, которые способствуют устойчивому воспроизводству страхов и тревог в сфере деторождения. Приведем мнения участников фокус-группового интервью из Комсомольска и Юрьевца относительно наиболее актуальных проблем в системе здравоохранения и социальной защиты:

- Отсутствие врачей-специалистов, сертифицированных специалистов, к которым можно обратиться по месту жительства, а не ехать в областной центр («Нужна программа типа „будущая мама“, по которой женщина сможет подготовиться к родам, пройти всех специалистов и понять, что она готова к рождению детей», «Нужно рожать у себя, а не ехать по военной дороге, которую еще и могут перекрыть, да чтобы потом отправили в другой роддом», «У моего ребенка был клещ, мне пришлось везти его за 130 км, чтобы показать хирургу, это как?»).
- Невозможность обратиться к бесплатному врачу приводит к обращению в платные клиники, что не может позволить себе большинство семей, особенно многодетные семьи.
- Многие существующие меры социальной поддержки либо не «работают», либо их можно получить с большим трудом («Если придумали меры социальной поддержки, их нужно выполнять, а не так, что если у тебя зарплата не официальная и ты не можешь представить справку о доходах, то и помощи, значит, тебе не будет», «Если давать по 200 руб., так давать всем, а не только малоимущим», «Нужно наладить взаимодействие между ведомствами,

ТАБЛИЦА 5. Оценка мер, реализуемых в настоящее время, которые повлияли или могли бы повлиять на личное решение иметь больше детей, % (N = 751)
 Источник: данные авторов.

Варианты ответа	Оценки				
	1	2	3	4	5
Пособие по беременности и родам					
В целом по региону	35,5	4,5	16,0	8,7	35,2
Малые города	37,8	4,5	16,2	4,5	36,9
Единовременное пособие при рождении ребенка					
В целом по региону	31	5,9	15,9	8,3	38,9
Малые города	33,3	4,5	15,3	7,2	39,6
Предоставление материнского (семейного) капитала					
В целом по региону	24,5	3,8	14,6	9,6	47,5
Малые города	27,7	3,6	16,1	7,1	45,5
Единовременное пособие вставшим на учет в ранние сроки беременности					
В целом по региону	50,6	6,2	11,3	6,4	25,4
Малые города	53,6	6,4	10	4,5	25,5
Частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до 1,5 года (40% от заработной платы для работающих женщин), а также ежемесячное пособие по уходу за ребенком неработающим женщинам					
В целом по региону	31	5,3	17,3	8,6	37,7
Малые города	30,9	4,5	20	5,5	39,1
Ежемесячное пособие на ребенка в семьях с низкими доходами					
В целом по региону	37	5,6	14,8	7,8	34,8
Малые города	39,3	4,5	11,6	5,4	39,3
Предоставление жилищных кредитов и субсидий на льготных условиях					
В целом по региону	29	5,5	15	10,1	40,4
Малые города	30,6	5,4	13,5	4,5	45,9
Компенсация части затрат родителей на оплату посещения детских дошкольных образовательных организаций					
В целом по региону	28	8,3	18,5	10,9	34,3
Малые города	31,8	3,6	18,2	9,1	37,3
Сокращение подоходного налога родителям на каждого ребенка (стандартные налоговые вычеты, увеличивающиеся в зависимости от очередности рождения ребенка; социальные налоговые вычеты, частично компенсирующие затраты на образование или лечение ребенка)					
В целом по региону	26,9	7,7	16,3	12,9	36,2
Малые города	26,5	6,2	15,9	13,3	38,1
Родовой сертификат и возможность выбрать роддом					
В целом по региону	39,8	8,8	15,2	10,3	25,8
Малые города	49,1	7,1	9,8	6,3	27,7
Предоставление неоплачиваемого отпуска по уходу за ребенком от 1,5 до 3 лет					
В целом по региону	45,7	6,3	15,5	7,4	24,9
Малые города	48,2	5,5	11,8	6,4	28,2
Предоставление регионального материнского (семейного) капитала					
В целом по региону	26,5	5,9	15	11,8	40,8
Малые города	29,7	6,3	9,9	15,3	38,7
Бесплатное предоставление земельного участка для индивидуального жилищного строительства					
В целом по региону	40,3	7	16,6	8,4	27,6
Малые города	45,5	4,5	9,1	9,1	31,8
Ежемесячная денежная выплата на третьего ребенка в размере прожиточного минимума ребенка до достижения им возраста 3 лет					
В целом по региону	29,4	5,5	13,4	11,9	39,8
Малые города	36,4	1,8	10,9	9,1	41,8
Предоставление детского питания детям до 1 года					
В целом по региону	34,4	9,5	16,2	9,1	30,7
Малые города	40,2	6,3	13,4	6,3	33,9
Бесплатные лекарства для детей до 1(3) лет					
В целом по региону	27,8	8	15,9	12,3	36
Малые города	28,6	7,1	16,1	10,7	37,5
Витаминно-минеральные комплексы для беременных женщин					
В целом по региону	41,2	8,6	16,4	7,9	25,8
Малые города	45	9,9	8,1	6,3	30,6
Бесплатная психолого-педагогическая поддержка родителей					
В целом по региону	51,9	7	16,7	5,3	20,1
Малые города	55	6,3	9,9	6,3	22,5

так как приносишь справку, а она, оказывается, не та, и приходится ходить и собирать все справки заново»).

Как видим, репродуктивные страхи жителей малых городов усугубляются реальными проблемами в региональном здравоохранении и системе социальной защиты населения: кадровый дефицит, неотлаженность процессов оказания существующих мер поддержки, неудобство и сложность получения полагающейся помощи. Все это приводит к снижению установок на детность и порождает неверие в помощь со стороны государства.

Заключение

Подытожим наш анализ репродуктивных страхов жителей малых городов Ивановской области.

Во-первых, репродуктивные страхи – это разновидность социальных страхов, которые возникают в сфере установок, мотивации и программ действий индивидов в сфере деторождения.

Во-вторых, факторами, влияющими на формирование и воспроизводство репродуктивных страхов, выступают общая социально-экономическая ситуация в регионе, социальное самочувствие жителей, исторически сложившиеся особенности репродуктивного поведения жителей, а также проблемы в системах жизнеобеспечения (здравоохранение, социальная защита, образование и др.).

В-третьих, Ивановская область продолжает «стареть», растет диспропорция между долями мужчин и женщин в старших возрастных группах, очередная демографическая волна приводит к снижению количества женщин и мужчин репродуктивного возраста, а высокая разводимость усугубляет демографическую ситуацию в регионе.

В-четвертых, исследование позволило выделить три наиболее распространенных репродуктивных страха жителей малых городов Ивановской области. Рождение ребенка вызывает опасения, прежде всего, в связи с тем, что чревато ухудшением материального положения (этот страх присущ жителям с низким материальным достатком и высоким уровнем образования). Также рождение и последующие расходы на ребенка чреваты, по мнению жителей малых городов, падением личных доходов (чаще тревогу по этому поводу испытывают женщины, молодежь и респонденты в позднем фертильном возрасте). Кроме того, появление ребенка вызывает боязнь потери

полноценного отдыха (об этом более склонны тревожиться молодые жители малых городов и представители низкодоходных групп населения).

В-пятых, исследование выявило четыре группы ограничивающих детность мотивов:

- эгоистический (пожить для себя, само-реализоваться);
- материальный (проблемы трудоустройства и занятости);
- престижный (стремление обеспечить себе и детям определенное качество жизни и(или) невозможность обеспечения детям желаемого уровня образования и медицинской помощи);
- психологический (требования к составу семьи, внутреннему семейному климату).

Каждый мотив – это целый комплекс страхов, поскольку каждая группа связана с важнейшими аспектами жизни человека: самореализацией, благополучием, престижем, психологическим комфортом.

Выявленные репродуктивные страхи позволяют выдвинуть предположение, что установки на малодетность будут устойчиво воспроизводиться в системе репродуктивных установок жителей малых городов Ивановского региона. Существующая система стимулирования рождаемости, качество услуг в здравоохранении и социальной защите, доступность иных социально значимых услуг пока не способны преодолеть тренд малодетности и нивелировать сложившиеся репродуктивные страхи.

Источники

- Аргунова В.Н., Гафизова Н.Б., Кодина И.Н., Панкратова Е.В. (2012) Социальное самочувствие жителей малых городов Ивановской области // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. № 1. С. 72–86.
- Баринов Д.Н. (2009) Динамика социальной тревожности в современном российском обществе // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 2. С. 163–174.
- Гафизова Н.Б., Панкратова Е.В., Смирнова И.Н. (2016) Социальное самочувствие мужчин и женщин малого города (на материалах Ивановской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: социальные науки. № 4 (44). С. 135–147.
- Горшков М.К., Крумм Р., Петухов В.В. (ред.) (2009) Россия на новом переломе: страхи и тревоги. М.: Альфа-М.
- Кодина И.Н. (2012) Образ жизни населения малого города: социальные практики и детерминан-

ты (на материалах Ивановской области). Автореф. на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Специальность 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы. Нижний Новгород. Режим доступа: https://new-disser.ru/_avtoferats/01005512907.pdf (дата обращения: 28.09.2020).

- Мамонтов С.Ю. (2002) Страх: Практика преодоления. СПб.: Питер.
- Мигунова А.В. (2007) Категория социального страха: общесоциологические теоретические представления и практики измерения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Социология и социальная работа. № 1 (6). С. 60–64.
- Немировский В.Г., Немировская А.В. (2012) Чувство незащищенности от социальных опасностей как основа типологизации регионов (по материалам социологических исследований в Восточной и Западной Сибири) // Мониторинг общественного мнения. № 1 (107) (январь-февраль). С. 113–127.
- Немировский В.Г., Немировская А.В., Булатова Т.А. (2018) Страх как фактор социокультурных деформаций жизненного мира россиян // Вестник Института социологии. № 1. Т. 9. С. 95–114.
- Правительство Ивановской области (2019) Постановление Правительства Ивановской области от 23.10.2019 № 415-п «О прогнозе социально-экономического развития Ивановской области на 2020 год и плановый период 2021 и 2022 годов». Режим доступа: <http://derit.ivanovoobl.ru/upload/medialibrary/a3e/PP-415-23102019.pdf> (дата обращения: 20.01.2020).
- Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2019 года (2020) // РИА «Рейтинг». Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2020.pdf (дата обращения: 02.10.2020).
- Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ивановской области (2020) Режим доступа: https://ivanovo.gks.ru/main_indicators. (дата обращения: 19.10.2020).
- Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 19.10.2020).
- Цифры недели (2020) // Рабочий край. № 40. 9 октября. С. 2.
- Численность населения по муниципальным образованиям Ивановской области на 1 января 2019 года (2019) Режим доступа: https://ivanovo.gks.ru/storage/mediabank/NAS19_Pr.pdf (дата обращения: 20.01.2020).
- Ярушкин Н.Н., Сатонина Н.Н. (2007) Социальный страх как регулятор ответственного поведения личности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». № 1. С. 78–84.
- ESG-рейтинг российских регионов 2020 (2020) // RAEX-Europe. Режим доступа: https://raex-a.ru/rankings/regions/ESG_raiting#ESG (дата обращения: 02.10.2020).

Reproductive Fears of the Population in Small Towns of Ivanovo Region

Natalya B. Gafizova, PhD in History, Associate Professor at the Department of Theory of Management, Ivanovo branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 8A1 Posadsky lane, Ivanovo, 153002, Russian Federation, tel.: +7910 981 84 96
E-mail: gafizova-nb@ranepa.ru

Ekaterina O. Tsalko, PhD in Sociology, Associate Professor at the Department of Theory of Management, Ivanovo branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 8A1 Posadsky lane, Ivanovo, 153002, Russian Federation, tel.: +7920 675 79 96
E-mail: tsalko-eo@ranepa.ru

Abstract. This article identifies the reproductive fears of the population of small towns of Ivanovo region. The combination of quantitative and qualitative methods (questionnaire and focus group interviews) made it possible to identify such fears and key factors in their formation.

Statistical data shows that population of Ivanovo region is aging, the disproportion between the percentage of men and women in older age groups is growing and the next demographic wave is leading to a reduction in the number of women and men of reproductive age. The high divorce rates has also aggravated the demographic situation in the region. These negative demographic processes are accompanied by reproductive fears. The authors identified the following factors in the formation of reproductive fears: the general socio-economic situation in the region, the social well-being of the population, the historically developed features of the reproductive behavior of residents, problems in support systems (health care, social protection, education, etc.). The top three reproductive fears were the deterioration of the financial situation (experienced by residents with income and a high level of education), a drop in personal income (women, young people and respondents in late fertile age), fear of losing good rest (young people from small towns and representatives of low-income groups). The study also revealed four types of motives limiting reproduction: egoistic, material, prestigious, psychological. The authors conclude that the existing measures to increase the birth-rate, the quality of health care and

the social security system, and the availability of other social services are not yet able to overcome the trend of having fewer children and to ease reproductive fears.

Keywords: small towns; social well-being; reproductive fears; reproductive behavior

Citation: Gafizova N., Tsalko E. (2021) Reproductive Fears of Population in Small Towns of Ivanovo Region. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 1, pp. 87–99. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp61202187-99>

References

- Argunova V.N., Gafizova N.B., Kodina I.N., Pankratova E.V. (2012) Sotsial'noe samochuvstvie zhitel'ei malykh gorodov Ivanovskoi oblasti [Social Well-Being of Population in Small Towns of the Ivanovo Region]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Ivanovo State University Bulletin], no 1, pp. 72–86. (in Russian)
- Barinov D.N. (2009) Dinamika sotsial'noy napriazhennosti v sovremenom rossiiskom obshchestve [The Dynamics of Social Anxiety in Modern Russian Society]. *Vestnik RGGU* [RSUH/RGGU Bulletin], no 2, pp. 163–174. (in Russian)
- Chislennost' naseleniia po munitsipal'nym obrazovaniim v Ivanovskoi oblasti na 1 ianvaria 2019 goda (2019) [Population by Municipalities of the Ivanovo Region as of January 1, 2019]. Available at: https://ivanovo.gks.ru/storage/mediabank/NAS19_Pr.pdf (accessed 20 January 2020). (in Russian)
- ESG-reiting rossiiskikh regionov 2020 (2020) [ESG rating of Russian Regions 2020]. Available at: https://raex-a.ru/rankings/regions/ESG_raiting#ESG (accessed 02 October 2020). (in Russian)
- Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. Available at: https://rosstat.gov.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (accessed 19 October 2020). (in Russian)
- Gafizova N.B., Pankratova E.V., Smirnova I.N. (2016) Sotsial'noe samochuvstvie muzhchin i zhenshin malogo goroda (na materialakh Ivanovskoi oblasti) [Social Well-Being of Men and Women in Small Towns (Based on Materials of the Ivanovo Region)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I.Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of

- Nizhni Novgorod], no 4 (44), pp. 135–147. (in Russian)
- Gorshkov M.K., Krumm R., Petukhov V.V. (eds.) (2009) Rossiia na novom perelome: strakhi i trevogi [Russia at a new turning point: fears and anxieties]. Moscow: Al'fa-M. (in Russian)
- Iarushkin N.N., Satonina N.N. (2007) Sotsial'nii strakh kak regulator povedeniia lichnosti [Social fear as a regulator of responsible personality behavior]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of Samara Humanitarian Academy], no 1, pp. 78–84. (in Russian)
- Kodina I.N. (2012) Obraz zhizni naseleniia malogo goroda: sotsial'nye praktiki i determinanty (na materialakh Ivanovskoi oblasti) [The Lifestyle of The Population of a Small Town: Social Practices and Determinants (Based on Materials from the Ivanovo Region)]. *Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskii universitet im. N.I.Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod]. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005512907.pdf (accessed 28 September 2020). (in Russian)
- Mamontov S.Iu. (2002) Strakh: Praktika preodoleniia [Fear: The Practice of Overcoming]. St. Petersburg: Piter. (in Russian)
- Migunova A.V. (2007) Kategorii strakha: obshchesotsiologicheskie teoreticheskie predstavleniia i praktiki izmereniia [Category of Social Fear: General Sociological Theoretical Concepts and Measurement Practices]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I.Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], no 1 (6), pp. 60–64. (in Russian)
- Nemirovskii V.G., Nemirovskaia A.V. (2012) Chuvstvo nezashchishchennosti ot sotsial'nykh opasnostei kak osnova tipologizatsii regionov (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniia v Vostochnoy i Zapadnoy Sibiri) [Feeling Insecure from Social Dangers as the Basis for Typologizing Regions (Based on Sociological Research in Eastern and Western Siberia)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia* [Monitoring of Public Opinion], no 1 (107), pp. 113–127. (in Russian)
- Nemirovskii V.G., Nemirovskaia A.V., Bulatova T.A. (2018) Strakh kak faktor sotsiokul'turnoi deformatsii zhiznennogo mira rossiian [Fear as a factor of socio-cultu-

ral deformations of the life world of Russians]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. vol. 9, no 1, pp. 95-114. (in Russian)

Postanovlenie Pravitel'stva

Ivanovskoi oblasti o Prognoze sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Ivanovskoi oblasti na 2020 I planovyi period 2021 I 2022 godov ot 23.10.2019 № 415-п. (2019) [Resolution of the Government of the Ivanovo Region on the Forecast of Socio-Economic Development of the

Ivanovo Region for 2020 and the Planning Period of 2021 and 2022 from 23.10.2019 № 415-п]. Available at: <http://derit.ivanovoobl.ru/upload/medialibrary/a3e/PP-415-23102019.pdf>. (accessed 20 January 2020). (in Russian)

Reiting sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniia subéktov RF. Itogi 2019 goda (2020) [Rating of the socio-economic situation of the regions of the Russian Federation. Results of 2019]. Available at: <http://vid1.rian.ru/ig/ratings/>

rating_regions_2020.pdf. (accessed 02 October 2020). (in Russian)
Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby statistiki po Ivanovskoi oblasti [Territorial agency of the Federal State Statistics Service for the Ivanovo Region]. Available at: https://ivanovo.gks.ru/main_indicators. (accessed 19 October 2020). (in Russian)

Tsifry nedeli (2020) [Figures of the Week]. *Rabochiy kraj* [Working edge], no 40. (in Russian)

Индустриальное наследие как территориальный капитал Случай Лодзи

Александра Новаковская,
Бартош Вальчак

Перевод с польского по изданию: Nowakowska A., Walczak B. (2017) *Dziedzictwo przemysłowe jako kapitał terytorialny. Przykład Łodzi // Gospodarka w Praktyce i Teorii*. Т. 46. № 4. С. 45–56.

Введение

В парадигме территориального развития, утвердившейся в экономической географии в последние десятилетия, на смену статическому представлению о пространстве как сумме ресурсов и субъектов экономической деятельности приходит динамическое понимание. Оно предполагает описание территории через связи и деятельность местных акторов в оптике социального и институционального капитала. Тогда территория – это место, где в процессе совместного приложения усилий создаются ресурсы и субъекты, накапливаются знания, умения и опыт, способные обеспечить инновационное развитие и экономический успех. Ален Ралле подчеркивает, что

...территориальное развитие отсылает нас к пространству не заданному, но строящемуся здесь и сейчас. Строящемуся в истории и культуре благодаря разнообразию общественных связей. <...> Функционирование территории не обусловлено активностью субъектов, ответственных за политику местного развития, но является результатом мобилизации внутренних сил [Rallet, 2008, p. 80].

Анализ факторов и механизмов социально-экономического развития в рамках территориальной парадигмы опирается на понятия территориального капитала и территориализации процессов развития. Такой подход позволяет удерживать внимание на специфике местных ресурсов и нематериальной обусловленности факторов развития. Одной из составляющих так понятого социального капитала может выступать постиндустриальное наследие – материальный и нематериальный ресурс, способный стать ключевым фактором территориального развития.

Александра Новаковская, профессор кафедры региональной экономики и окружающей среды Лодзинского университета; директор Института пространственной экономики Лодзинского университета; Polska, 90–255, Łódź, ul. Polskiej Organizacji Wojskowej, 3/5. E-mail: aleksandra.nowakowska@uni.lodz.pl

Бартош Вальчак, профессор, факультет гражданского строительства, архитектуры и охраны окружающей среды, Лодзинский технический университет; Polska, 90–924, Łódź, al. Politechniki, 6. E-mail: bartosz.walczak@p.lodz.pl

Парадигма территориального развития, утвердившаяся в исследованиях последних десятилетий, позволяет по-новому понять ключевые факторы и механизмы социально-экономического развития. Понятия территориального капитала и территориализации процессов развития, введенные в рамках этого современного подхода, фокусируют внимание на специфических ресурсах места и нематериальной обусловленности хозяйственного развития. Одной из составляющих территориального капитала является постиндустриальное наследие, определяющее своеобразие многих городов. Это наследие, включающее материальные и нематериальные элементы, выступает ключевым фактором территориального развития.

Целью статьи является анализ постиндустриального наследия в контексте парадигмы территориального развития. При этом теоретические построения поясняются анализом конкретного случая – постиндустриального потенциала Лодзи. По мнению авторов, промышленный капитал определяет своеобразие территориального потенциала города и продолжает оказывать существенное влияние на его развитие. Внимание к экономической, социальной и технической составляющим требует междисциплинарного подхода к предмету исследования. Методологический фундамент статьи составляют критический анализ источников и исследование конкретного случая.

Ключевые слова: территориальный капитал; территориализация развития; постиндустриальное наследие; индустриальное наследие; ревитализация; Лодзь

Цитирование: Новаковская А., Вальчак Б. (2021) Индустриальное наследие как территориальный капитал: случай Лодзи // *Городские исследования и практики*. Т. 6. № 1. С. 100–108. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp612021100-108>

Цель этой статьи – анализ постиндустриального наследия в контексте парадигмы территориального развития. Иллюстрацией теоретических положений служит исследование конкретного случая (case study) – анализ постиндустриального потенциала Лодзи. По нашему мнению, этот капитал определяет специфику территориального потенциала города и до сих пор оказывает существенное влияние на его развитие.

Работа представляет собой междисциплинарное исследование, затрагивающее проблемы экономики, социального развития и техники. Методологическая основа статьи – критический анализ источников в сочетании с исследованием конкретного случая.

Территориальный капитал: новый взгляд на факторы и условия развития

Понятие территориального капитала основано на парадигмальном подходе к территориальному развитию. Не существует единого универсального определения территориального капитала. Впервые он был описан в отчете «Перспективы территорий» Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [OECD, 2001], а концептуализирован в документах Еврокомиссии. В них подчеркивается, что любой город или регион обладает уникальным территориальным капиталом, способным обеспечить максимальный уровень отдачи в силу соответствия этого капитала локальной специфике и возможности полного раскрытия местных активов и потенциала. При таком подходе территориальный капитал понимается как катализатор экономического взаимодействия.

Территориальный капитал включает и материальные, и нематериальные ресурсы, причем именно нематериальным ресурсам отводится здесь ключевая роль. Это элементы территориального пространства, которые создают систему отношений, норм и правил, а также уникальность места в культурном, пространственном, социальном и экономическом измерениях. Тадеуш Марковский отмечает, что территориальный капитал, «синергетически связывающий традиционные ресурсы, знание и инновационность, в современных экономиках выступает новым фактором создания конкурентных преимуществ <...> и понимается как доступность в конкретном пространстве материальных и нематериальных факторов, способных выступать в роли такого ресурса или ограничения» [Markowski, 2016,

s. 112]. Можно описать это понятие как своего рода дополнительную выгоду, которая создается в результате многообразного взаимодействия пользователей конкретной территории. Иначе говоря, территориальный капитал приобретает характер развивающегося в пространстве и времени «комплексного клубного блага», принадлежащего пользователям (членам клуба), которые действуют в границах этого функционального пространства [Markowski, 2013].

По мнению Роберты Капелло, Андреа Каралью и Петера Нейкампа, доступ к уникальному территориальному капиталу (традиционная для конкретной местности предпринимательская культура, атмосфера открытости и креативности, ориентация бизнеса на поиск шансов и возможностей или локальных институциональных систем) и его эффективное использование обеспечивают решающий вклад в процесс роста и приводят к увеличению отдачи [Capello et al., 2009, p. 1]. Именно поэтому успешное функционирование территориальных систем зависит не только от количества и качества сосредоточенных в определенном месте материальных ресурсов. Чрезвычайно велика роль нематериальных ресурсов, их объем и уровень развития. Элементы нематериального характера, выступая в единстве с культурной составляющей и способностью к инновационной деятельности, накапливаются в ходе обучения индивидов и сообществ, которое ускоряется за счет поступления новой информации, опыта взаимодействия и инвестиций. Как видим, эти элементы неразрывно связаны с локальными возможностями и укоренены в человеческом капитале, сложившихся связях, местном рынке труда и культуре.

Категория территориального капитала основана на идее специфических ресурсов, которая сложилась в работах представителей ресурсной школы стратегического мышления. Согласно этому подходу, специфические ресурсы – это связи, навыки, способности, культура, а также возможности и типы организации. Кроме того, к ним можно отнести квалифицированный труд в виде определенных умений, опыта и знаний или укоренившиеся традиции хозяйствования и атмосферу предпринимательства. Все перечисленные составляющие являются ключевыми факторами современного развития и в значительной мере влияют на инновационный потенциал территорий [Nowakowska, 2017].

Специфические ресурсы имеют пространственную привязку. Это значит, что они практически не поддаются переносу,

а попытка воссоздать их в другом пространстве потребует значительных расходов и сама по себе не гарантирует ожидаемого результата. Ресурсный подход к вопросам развития и парадигмальное значение близости позволяют проследить логику движения от агломерации к специализации и далее к спецификации – три стадии развития пространства.

1. Для стадии агломерации характерны прежде всего географическая близость и концентрация хозяйственной активности в определенном пространстве. Важную роль играют здесь финансовая целесообразность и легкость обмена информацией, обеспечиваемая территориальной близостью.
2. Стадия специализации подразумевает близость не только географическую, но и организационную. На этом этапе интенсивнее используются внешние технологические эффекты, промышленные связи и способности субъектов к сотрудничеству. Стадию специализации можно описать как фазу координации действий хозяйствующих субъектов и накопления знаний в определенной производственно-технологической области.
3. Стадия спецификации опирается на географическую и организационную близость, а также на институциональную координацию в пределах определенной территории. Благодаря тесному сетевому взаимодействию формируется способность к созданию специфических ресурсов и ценностей, определяющих уникальность территории и ее неоспоримые конкурентные преимущества [Levesque, 2007, p. 207; Jewtuchowicz, 2006, s. 130–134].

В парадигме территориального развития разрабатывается представление об укоренении экономической деятельности в пространственной среде. Территориализация экономической деятельности подразумевает, во-первых, размещение ее субъектов в сети общественных и экономических связей; во-вторых, актуализацию механизмов выработки новых ресурсов и ценностей, обладающих стратегической значимостью для отдельных субъектов и экономики в целом. Мало кто из экономистов будет оспаривать тезис, что возможности развития в значительной мере зависят от территориальной концентрации и уникальности ресурсов; культурное наследие, доверие, чувство принадлежности к определенной

общности оказываются факторами более весомыми, чем близость к капиталу. Преимущества агломерации, креативность и дух предпринимательства, социальный капитал в виде сложившихся связей и отношений – все эти составляющие так или иначе влияют на способность места изменяться и находить все новые возможности побеждать в конкурентной борьбе.

Индустриальное наследие: генезис и значение для развития городов

За последние десятилетия в исследовательской среде вопрос отношения к культурному наследию претерпел столь же существенные изменения, что и трактовка территориального капитала. Мы считаем, что в обоих случаях новые концепции и практические подходы восходят к общему источнику.

По словам Богуслава Шмыгина, «в последние десять лет коренным образом изменилась большая часть фундаментальных систем и установок, определявших образ мира в XX веке. Эти изменения носят уникальный характер: в широком масштабе и в относительно короткое время произошли трансформации, затронувшие самые основы привычного порядка в экономике, культуре, сфере коммуникации, в прессе и политике. <...> Сказанное в немалой мере относится и к нашей области – сохранению наследия» [Szmygin, 2013, s. 117–126].

Анализ понятия постиндустриального наследия прежде всего требует уточнения двух ключевых определений – «памятник» и «наследие». Как следует из соответствующей статьи толкового словаря польского языка, под памятником старины понимается «старый ценный предмет или строение, обладающие большой исторической и научной ценностью» [Drabik, Sobol, 2007b, s. 528]; «наследие» же словарь определяет как «имущество, полученное по наследству», а также как «культурные, научные и художественные блага, оставленные предшествующими поколениями» [Drabik, Sobol, 2007a, s. 146]. В другом словаре читаем: «наследие представляет собой нечто, доставшееся нам из прошлого и оказывающее влияние на сегодняшнюю жизнь, например традиция» [Ва́нко, 2000, s. 351]. Как видим, сущность памятника состоит в принадлежности прошлому и заключенной в нем ценности; что же касается наследия, его смысл – в способности служить инструментом межпоколенческой связи. Следовательно, можно утверждать, что ре-

шение, обладает ли объект чертами, позволяющими наделить его статусом памятника, остается за специалистами, обществу же предстоит решить, готово ли оно принять этот объект в качестве наследия. Этот тезис, по нашему мнению, подтверждается тем, что в законе об охране памятников нет определения «наследия», здесь фигурирует исключительно «памятник» – категория, в отличие от наследия, лишенная эмоциональной составляющей и, несомненно, более подходящая для объективной оценки¹.

К числу важных документов, определяющих современный подход к наследию, относятся Конвенция Фару, принятая Советом Европы в 2005 году [Council of Europe, 2005], и Рекомендации ЮНЕСКО об исторических городских ландшафтах, утвержденные в Париже в 2011 году. В обоих документах подчеркивается необходимость учитывать мнение общества, выработавшего и разделяющего определенные ценности, и придерживаться целостного подхода к концепции культурного наследия. Имеется в виду участие самих граждан в определении того, что считать наследием и каким образом этим наследием стоит распорядиться. Кроме того, особое значение придается объектам, сформировавшим быт и повседневность и работающим на самоидентификацию местных сообществ и наций, – они так же важны, как и выдающиеся культурно-исторические памятники. В Преамбуле Рекомендаций ЮНЕСКО утверждается, что

...городское наследие представляет собой социальное, культурное и экономическое достояние человечества, определяемое историческими наслоениями ценностей, которые были порождены предшествующими и существующими культурами и представляют собой накопленную совокупность традиций и опыта, признаваемых в качестве таковых в их разнообразии [UNESCO, 2011].

Однако наследие – это не только здания и ландшафты. Наряду с пространственными объектами понятие наследия включает

и нематериальные блага [Kępczyńska-Walczak, 2014, s. 31–40], что подчеркивается в совместной декларации двух международных организаций, ICOMOS² и TICCIH³, принятой в Дублине в 2011 году: «Во всем мире огромное разнообразие мест, построек, городов и поселений, территорий, ландшафтов и дорог свидетельствует о деятельности человека в области промышленной добычи ископаемых и производства. Во многих случаях это наследие по-прежнему используется, а индустриализация остается активным процессом, дающим ощущение исторической преемственности, в других же местах это только археологическое свидетельство оставшихся в прошлом труда и технологий. Помимо материального наследия, связанного с технологиями и процессами производства, инженерными решениями, архитектурой и урбанистикой, следует принять во внимание нематериальное измерение: воспоминания, умения, социальную жизнь рабочих и трудовых сообществ» [Joint ICOMOS-TICCIH..., 2011]. Нематериальное наследие позволяет уточнить собственную идентичность и принадлежность к сообществу, работает на сохранение культурной преемственности, стимулирует развитие столь важных факторов экономического развития, как социальный и человеческий капитал.

Промышленное наследие как важная составляющая территориального капитала Лодзи

В современной Польше Лодзь – самый репрезентативный промышленный город XIX века, что подтверждается статусом города как исторического памятника (статус распространяется на многие сферы, отражающие богатство культурного пейзажа, каким он сложился в эпоху индустриализации [Pawłowski et al., 2009]). Местные пространственные решения и отдельные здания относятся главным образом ко временам расцвета Лодзи как одного из центров европейского текстильного производства. Каждый из этих объектов может служить

1. Закон об охране и сохранении памятников определяет памятник как «недвижимый или движимый объект, его часть или комплекс, являющийся предметом человеческой деятельности или связанный с деятельностью человека и представляющий собой свидетельство ушедшей эпохи или события, сохранение которого представляет общественный интерес с учетом содержащейся в нем исторической, художественной или научной ценности» [Ustawa, 2003].

2. ICOMOS – Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест, существует с 1964 года; <http://www.icomos.org>.

3. TICCIH – Международный комитет по сохранению индустриального наследия, создан в 1975 году; <http://ticcih.org>.

прекрасной иллюстрацией стилей и мод, господствовавших в искусстве с середины XIX до начала XX века, и красноречиво свидетельствует о влиянии на местную архитектуру столиц художественной жизни центральной части Европы, главным образом Берлина, Санкт-Петербурга и Вены. Однако своим неповторимым обликом Лодзь обязана прежде всего текстильным фабрикам и мануфактурам, в таком объеме, пожалуй, нигде в Европе больше не сохранившимся. Накануне Первой мировой войны промышленная застройка составляла около 20% городской территории.

Текстильные и иные предприятия были важной композиционной составляющей городской планировки и зачастую напрямую влияли на размеры и форму кварталов и уличную сеть. Фабричная зона протянулась вдоль двух главных лодзинских рек, Ясеня и Лудки, текущих с востока на запад; зачастую предприятия размещались и в центральной части города, встроенные в сплошную линию жилых домов. Тесное соседство и взаимопроникновение двух миров, фабрик и городских кварталов, в которых жили как рабочие, так и фабричные управленцы, во многом определяет своеобразие Лодзи. Именно фабричные строения представляли собой наиболее монументальные городские объекты, а жилищно-фабричные ансамбли и по сей день остаются одним из немногих осознанных урбанистических решений в пространстве Лодзи. Вне всякого сомнения, Лодзь, какой мы ее знаем, создана промышленностью и для промышленности.

За последние 25 лет отношение к промышленному наследию в городе эволюционировало от отрицания его значимости к признанию таковой. Сказанное относится не только к материальному наследию, представленному главным образом старыми фабричными зданиями, но и к наследию нематериальному – достопримечательным местам, традициям, местным названиям, языку, а также к умениям и навыкам, таким как работа на станке и обслуживание иного оборудования, – ко всему, что следует сохранять не меньше, чем материальные объекты, а желательно в неразрывной связи с ними.

Показательным примером изменения подхода к использованию постиндустриальных территорий можно считать Лодзинскую специальную экономическую зону (Łódzka Specjalna Strefa Ekonomiczna, ŁSSE). Поначалу предполагалось, что текстильное производство сменят другие производства.

На месте старых фабрик появлялись новые, лишенные каких бы то ни было архитектурных притязаний объекты с плоскими фасадами из листового металла. Следующим этапом стало придание новым сооружениям индивидуальных черт, так или иначе отсылающих к местной традиции; в это же время фасады наиболее примечательных старых объектов были законсервированы и превращены в корпуса новых производственных помещений. В последние годы к работе на территории ŁSSE активно приглашаются компании, работающие в секторе услуг; очевидно, что значение архитектурной составляющей в этом секторе намного выше, чем в производственном. Еще одной инициативой, учитывающей эти соображения, стало приспособление для нужд арендаторов комплекса зданий, включающего котельную, машинный зал и водонапорную башню, – там оборудованы конференц-залы и офисы под краткосрочную аренду для молодых компаний.

В списке фабрик, прошедших этап архитектурной адаптации и приспособленных для ведения бизнеса в современных условиях, уже несколько десятков мест (объемы выполненных работ и качество архитектурных решений, разумеется, разнятся). Как нам представляется, упоминания заслуживают прежде всего объекты, которым удалось значительно повлиять на отношение местных сообществ к промышленному наследию, изменить облик Лодзи и дать существенный импульс экономическим преобразованиям. К таким объектам относится бывшая фабрика ленточной резины Юзефа Балла (ул. Сенкевича, 72), в здании которой работает региональная редакция «Газеты Выборчей».

Существенную роль сыграли и высшие учебные заведения, пережившие на рубеже XX–XXI веков своеобразную моду на приспособление бывших фабричных цехов под учебные площадки. Исключительное значение имела ревитализация комплекса зданий, называемых Мануфактурой, а также превращение фабричных корпусов и складов в стильный жилой комплекс «Мельница ксёндза». Нельзя не отметить масштаб ревитализационных начинаний и функциональное разнообразие обновляемых лодзинских объектов.

Одной из последних площадок, переживших такую трансформацию, стала Фабрика искусств в здании бывших складов предприятия Карла Вильгельма Шейблера. В 2011–2013 годах три складских строения прошли комплексную консервацию с последующим приспособлением под новые

нужды. Тщательная консервация сопровождалась разработкой новых элементов. Функциональное переосмысление здания предполагало прежде всего поддержку креативных и предпринимательских инициатив, благодаря чему в рамках одного проекта удалось объединить оба аспекта охраны промышленного наследия, материальный и нематериальный.

В ряду объектов, соединяющих заботу о материальном и нематериальном наследии промышленных территорий, самым известным остается «OFF Пётрковская» – бывшая фабрика Франчишека Рамиша (ул. Пётрковская, 138–140). Проект предполагает временное (из этого, во всяком случае, исходили владельцы недвижимости) использование промышленных зданий под творческие мастерские и рестораны. Популярность этого места, причем не только у юных жителей города и туристов, в значительной мере повлияла на радикальный сдвиг в восприятии лодзинцев и вдобавок немало способствовала развитию местных художественных промыслов.

Приспособленные под новые нужды постиндустриальные объекты за последнее десятилетие стали визитной карточкой Лодзи. Именно они определяют новый образ города – некогда депрессивной, хмурой Лодзи фабричной и пролетарской, ставшей городом активным и современным. Особое значение в такой перспективе приобретает переосмысление промышленной архитектуры с целью развития предпринимательства, науки и культуры.

Промышленное наследие продолжает влиять не только на урбанистическую структуру и архитектурный потенциал Лодзи. Его присутствие по-прежнему ощутимо и в экономике города. Однако структура и характер лодзинской промышленности изменились. Субъекты индустриальной эпохи – гиганты с несколькими тысячами, а то и десятками тысяч рабочих – уступили место малым и средним (часто семейным) фирмам, использующим накопленные десятилетиями знания, опыт и навыки. В новые времена Лодзь остается городом текстиля и продолжает производить одежду, что подтверждают статистические данные. В середине 2016 года одежда и текстильные изделия составляли более 15% всей произведенной в городе продукции, в текстильном производстве и связанных с ним отраслях работают свыше 26% занятых в промышленности жителей Лодзи [Urząd statystyczny..., 2016]. Характерно, что оба показателя демонстрируют выразительную тенденцию к росту. В масштабах

страны лодзинская агломерация по-прежнему лидирует в производстве многих видов текстильных изделий (так, здесь сосредоточено до 90% производства колготок и не менее 62,5% – хлопковых тканей) [Deloitte, 2012].

Следует добавить, что в экономической структуре города текстильная отрасль обладает наибольшим технологическим и инновационным потенциалом. В лодзинской агломерации динамично развивается сектор новейших текстильных технологий (центр Pro Humano Tex). Особенно высок потенциал в области технологий, связанных с неткаными материалами и трикотажем, а также в области технологий, связанных с баллистическими тканями и суровьем. Кумулятивный эффект обеспечивает работа исследовательских центров, отвечающих за инновационное развитие в текстильном производстве и сопутствующих областях; объединенные усилия этих институций успешно трансформируют традиционную отрасль в современную и высокотехнологичную. К таким структурам относятся Институт текстильного производства, Институт биополимеров и химического волокна, Институт технологий безопасности MORATEX, Исследовательский центр текстильного оборудования, Институт технологий и эксплуатации оборудования, региональное отделение Центрального института охраны труда, Институт красителей и органических продуктов в Згеже.

Сегодняшний уровень и характер развития отрасли текстильного производства и производства одежды способствуют укреплению экономических связей, опирающихся на прямые контакты. Благодаря этому выстроилась густая и прочная сеть сотрудничества и кооперации. Следующий шаг в этом направлении – оформление многочисленных официальных и неофициальных кластеров и иных подобных инициатив, позволяющих активнее внедрять инновационные решения. К такого рода площадкам относятся действующие в Лодзи Кластер текстильных инноваций и Кластер высоких технологий текстильного производства и производства одежды (на его территории находится штаб-квартира Польской технологической платформы текстильной промышленности).

Промышленная специфика города отражается и в характере профессионального и высшего образования. Уникальная концентрация высококвалифицированных специалистов, знаний, технических умений, передающихся от поколения к поколению,

была бы невозможна без учебных заведений соответствующего профиля. В лодзинской агломерации работают многочисленные вузы и колледжи профессионального образования, обеспечивающие потребности текстильных и швейных предприятий в новых кадрах (в том числе в сфере промышленного дизайна, проектирования, материаловедения).

Экономическая инфраструктура Лодзи очевидным образом ориентирована на текстильную промышленность и предприятия по производству одежды, что наряду с другими факторами свидетельствует о влиянии промышленного наследия на современное развитие города. Параллельно с ведущей отраслью развиваются сопутствующие профессии: проектирование, мода, промышленный дизайн. Дважды в году на время проведения недели Fashion Philosophy Лодзь становится польской столицей моды. Одна из новых традиций – ежегодный фестиваль дизайна Łódź Design Festival, крупнейшее польское международное событие в области дизайна (в 2012 году его посетили 200 тыс. человек).

Отличительная черта Лодзи – динамичное развитие творческой индустрии. Тесная связь отрасли с атмосферой города в значительной мере опирается на традиции креативного и культурного секторов, в частности кинематографа и моды, издавна развивающихся в регионе. Мощным источником творческого потенциала остается социально-культурное многообразие городского населения в годы промышленного расцвета Лодзи. На рубеже XIX–XX веков этот город четырех культур, восприимчивый и толерантный по отношению к разным традициям, благоприветствовал развитию каждого. Отметим также, что в отличие от многих других городов в Лодзи практически отсутствовал типичный для других мест слой мещанства с характерным для этой социальной среды консерватизмом, что, несомненно, способствовало созданию уникальной атмосферы, располагающей к развитию творческой индустрии.

Новый позитивный образ Лодзи как креативного города – образ, который сознательно строится в течение последних лет, – опирается на индустриальное прошлое и своеобразие местного территориального капитала. Многие города предпринимают подобные усилия (Берлин – один из самых успешных примеров в этом ряду), однако мало где эта работа по созданию нового образа так основательно укоренена в промышленной истории, как в Лодзи.

Заключение

Пример Лодзи позволяет проследить эволюционный и эндогенный характер развития, в значительной мере определяемый исторически сложившимися обстоятельствами и во многом зависящий от индустриального прошлого города. Современное развитие Лодзи – производная накопленного и укорененного здесь территориального капитала, судить о котором позволяют опыт и компетенции жителей, хозяйственная структура, культура и общественные связи, институции и архитектурно-урбанистический потенциал. В территориальной перспективе становится очевидно, что выбор и траектория социально-экономических и пространственных стратегий до определенной степени обусловлены решениями, принятыми в прошлом. Будущее Лодзи задано путем развития, который был выбран много лет назад.

Лодзь – город, созданный текстильной промышленностью, – по-прежнему подпитывается ее мощью. Он остается столицей польского текстильного производства – отрасли весьма успешной в том числе на международном рынке. Постиндустриальное наследие города являет собой материальное и нематериальное свидетельство прогресса и предприимчивости местных жителей, определяет специфику и уникальность его социальной, экономической и пространственной структуры. Сложившийся в последние 150 лет территориальный капитал задает траекторию развития современной Лодзи.

Источники

- ЮНЕСКО (2011) Рекомендация ЮНЕСКО об исторических городских ландшафтах // UNESCO.org. Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000215084_rus.page=68 (дата обращения: 15.04.2021).
- Bańko M. (red.) (2000) *Inny Słownik Języka Polskiego*. Warszawa: PWN.
- Capello R., Caragliu A., Nijkamp P. (2009) *Territorial Capital and Regional Growth: Increasing Returns in Cognitive Knowledge Use*. Tinbergen Institute Discussion Paper. TI 2009-059/3.
- Council of Europe (2005) *Council of Europe Framework Convention on the Value of Cultural Heritage for Society* // CETS. No. 199.
- Deloitte (2012) *Mapowanie technologii i priorytetyzacja technologii krytycznych, analiza opracowana na potrzeby Regionalnej Strategii Innowacji*. Łódź.
- Drabik L., Sobol E. (red.) (2007a) *Słownik języka polskiego*, T. 1. Warszawa: PWN.
- Drabik L., Sobol E. (red.) (2007b) *Słownik*

języka polskiego, T. 2. Warszawa: PWN.

Jewtuchowicz A. (2006) Terytorium i dylematy jego rozwoju. Łódź: Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego.

Joint ICOMOS-TICCIH Principles for the Conservation of Industrial Heritage Sites, Structures, Areas and Landscapes (2011) Dublin.

Kępczyńska-Walczak A. (2014) Zarządzanie dziedzictwem kulturowym w społeczeństwie opartym na wiedzy. Łódź: Politechnika Łódzka.

Levesque B. (2008) Contribution de la 'nouvelle sociologie économique // Sciences du territoire. Perspectives québécoises / G. Massicotte (ed.). Quebec: Presses de L'Université du Québec.

Markowski T. (2013) Flexible and Integrative Planning in Functional Urban Areas—Towards a New Approach to Spatial Planning // Dynamika, cele i polityka zintegrowanego rozwoju regionów. Aspekty teoretyczne i zarządzanie w przestrzeni / W. M. Gaczek (red.). Poznań: Bogucki Wydawnictwo Naukowe.

Markowski T. (2016) Kapitał terytorialny jako cel zintegrowanego planowania rozwoju // Mazowsze. Studia Regionalne. Nr. 18.

Nowakowska A. (2017) Terytorializacja procesów gospodarki—od specjalizacji do specyficzności w rozwoju. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Ekonomicznego w Katowicach.

OECD (2001) Territorial Outlook 2001. Paris.

Pawłowski K., Salm J., Walczak B. M. (2009) Materiały do wniosku o uznanie elementów krajobrazu kulturowego miasta przemysłowego w Łodzi za Pomnik Historii. Łódź.

Rallet A. (2008) Commentaires du texte d'Olivier Crevoisier // Mollard A. et al. Territories et enjeux du développement régional. Paris: Editions Quae. P. 80.

Szmygin B. (2013) Rekomendacja o historycznym krajobrazie Miejskim—wdrożenie zmiany paradygmatu w ochronie miast historycznych // Budownictwo i Architektura. Nr. 12 (4).

Urząd statystyczny w Łodzi (2016) Sytuacja społeczno-gospodarcza Łodzi I–III kwartał 2016 r. Режим доступа: www.lodz.stat.gov.pl (дата обращения: 15.04.2021).

Ustawa (2003) Ustawa z 23 lipca 2003 r. o ochronie zabytków i opiece nad zabytkami // Dziennik Ustaw. Nr. 162 (1568).

Industrial Heritage as a Form of Territorial Capital. The Example of Łódź

Aleksandra Nowakowska, PhD, Professor, Department of Regional Economics and Environmental Protection, University of Lodz; Director, Institute of Spatial Economy, University of Lodz; 3/5 ul. Polskiej Organizacji Wojskowej, Lodz, 90-255, Poland. E-mail: aleksandra.nowakowska@uni.lodz.pl

Bartosz Walczak, PhD, Professor, Faculty of Civil Engineering, Architecture and Environmental Engineering, Lodz University of Technology; 6 al. Politechniki, Lodz, 90-924, Poland. E-mail: bartosz.walczak@p.lodz.pl

Abstract. In the last two decades there has been a far-reaching reinterpretation of the factors and mechanisms of socio-economic development, described in the context of the territorial paradigm. The concepts of territorial capital and the territorialisation of development processes have been introduced, which firmly expose specific space resources and both the material and non-material determinants of economic development. The post-industrial heritage, which constitutes a specific characteristic of many Polish cities, is an element of that territorial capital. This heritage includes both material and non-material elements and is perceived as a key factor in territorial development.

The aim of the article is to analyze industrial heritage in the context of the paradigm of territorial development. A case study investigation of former industrial sites in Lodz offers concrete examples for theoretical analysis. According to the authors, this capital offers a specific territorial potential in Lodz and still exerts a significant influence on its development. The paper is based on an interdisciplinary approach, which interweaves economic, social and technical threads. The applied research method is based on a critical analysis of the literature on the subject, combined with analyses of the case studies.

Keywords: territorial capital; territorialisation of development; postindustrial heritage; industrial heritage; revitalization; Lodz
Citation: Nowakowska A., Walczak B. (2021) Industrial Heritage as a Form of Territorial Capital. The Example

of Lodz. Urban Studies and Practices, vol. 6, no 1, pp. 100–108. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp612021100-108>

References

- Bańko M. (red.) (2000) Inny Słownik Języka Polskiego [Another Dictionary of Polish Language]. Warszawa: PWN. (in Polish)
- Capello R., Caragliu A., Nijkamp P. (2009) Territorial Capital and Regional Growth: Increasing Returns in Cognitive Knowledge Use. Tinbergen Institute Discussion Paper. TI 2009-059/3.
- Council of Europe (2005) Council of Europe Framework Convention on the Value of Cultural Heritage for Society. *CETS*, no. 199.
- Deloitte (2012) Mapowanie technologii i priorytetyzacja technologii krytycznych, analiza opracowana na potrzeby Regionalnej Strategii Innowacji [Mapping Technologies and Prioritising Critical technologies, an analysis developed for the regional innovation strategy]. Łódź. (in Polish)
- Drabik L., Sobol E. (red.) (2007a) Słownik języka polskiego, T. 1 [Dictionary of Polish Language. Vol. 2]. Warszawa: PWN. (in Polish)
- Drabik L., Sobol E. (red.) (2007b) Słownik języka polskiego, T. 2 [Dictionary of Polish Language. Vol. 2]. Warszawa: PWN. (in Polish)
- Jewtuchowicz A. (2006) Terytorium i dylematy jego rozwoju [Territory and Dilemmas of Its Development]. Łódź: Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego [Lodz: Lodz University]. (in Polish)
- Joint ICOMOS-TICCIH Principles for the Conservation of Industrial Heritage Sites, Structures, Areas and Landscapes (2011) Dublin.
- Kępczyńska-Walczak A. (2014) Zarządzanie dziedzictwem kulturowym w społeczeństwie opartym na wiedzy [Cultural Heritage Management in a Knowledge-Based Society]. Łódź: Politechnika Łódzka [Lodz: Lodz University of Technology]. (in Polish)
- Levesque B. (2008) Contribution de la 'nouvelle sociologie économique. Massicotte G. (ed.) *Sciences du territoire. Perspectives québécoises*. Quebec: Presses de L'Université du Québec. (in French)
- Markowski T. (2016) Kapitał terytorialny jako cel zintegrowanego planowania rozwoju [Territorial Capital as the Goal of Integrated Development Planning]. *Mazowsze. Studia Regionalne*, no 18. (in Polish)

- Markowski T. (2013) Flexible and Integrative Planning in Functional Urban Areas—Towards a New Approach to Spatial Planning. *Dynamika, cele i polityka zintegrowanego rozwoju regionów. Aspekty teoretyczne i zarządzanie w przestrzeni*. Poznań: Bogucki Wydawnictwo Naukowe [Poznań: Bogucki Scientific Publishing House].
- Nowakowska A. (2017) Terytorializacja procesów gospodarki—od specjalizacji do specyficzności w rozwoju [Territorialization of Economic Processes—From Specialization to Specificity in Development]. Katowice: Wyd. Uniwersytetu Ekonomicznego w Katowicach [Katowice: Wyd. University of Economics in Katowice Publishing House]. (in Polish)
- OECD (2001) Territorial Outlook 2001. Paris.
- Pawłowski K., Salm J., Walczak B.M. (2009) Materiały do wniosku o uznanie elementów krajobrazu kulturowego miasta przemysłowego w Łodzi za Pomnik Historii [Materials for the Application for Recognition of Elements in the Cultural Landscape of the Post-Industrial City in Łódź as a Historical Monument]. Łódź. (in Polish)
- Rallet A. (2008) Commentaires du texte d'Olivier Crevoisier'. Mollard A. et al. *Territories et enjeux du développement regional*. Paris: Editions Quae, p. 80. (in French)
- Szmygin B. (2013) Rekomendacja o Historycznym Krajobrazie Miejskim—wdrożenie zmiany paradygmatu w ochronie miast historycznych [Recommendation on the Historic Urban Landscape—Implementation of a Paradigm Shift in the Protection of Historic Cities] *Budownictwo i Architektura* [Construction and Architecture], no 12 (4). (in Polish)
- UNESCO (2011) UNESCO Recommendation on Historic Urban Landscape. UNESCO.org. Available at: <https://whc.unesco.org/en/hul/> (accessed 15 April 2021).
- Urząd statystyczny w Łodzi [Statistical Office in Łódź] (2016) Sytuacja społeczno-gospodarcza Łodzi I–III kwartał 2016 r. [Socio-economic situation in Łódź Q1–Q3 2016]. Available at: www.lodz.stat.gov.pl (accessed 15 April 2021). (in Polish)
- Ustawa (2003) Ustawa z 23 lipca 2003 r. o ochronie zabytków i opiece nad zabytkami [Act of 23 July 2003 on the Protection and Care of Monuments]. *Dziennik Ustaw* [Journal of Laws of the Republic of Poland], no 162 (1568). (in Polish)

Переименование городской топонимии как средство переопределения местной идентичности Декоммунизация названий улиц в Польше

Бартломей Ружицкий

Перевод с английского по изданию: Różycki B. (2018) Renaming Urban Toponymy as a Mean of Redefining Local Identity: The Case of Street Decommunization in Poland // Open Political Science. No. 1. P. 20–31. Статья основана на исследовании, проведенном в рамках проекта «Наказание, память и политика: сведение счетов с прошлым со времен Второй мировой войны». Проект поддержан грантом Польского национального научного центра (проект: DEC-2013 / 10 / M / HS3 / 00577).

Городская топонимия давно стала предметом интереса исследователей памяти. Отчасти это обусловлено растущим влиянием известного термина Пьера Нора *место памяти*, хотя этот концепт настолько универсален и охватывает так много разных аспектов памяти о прошлом, что его использование для описания конкретного явления может вводить в заблуждение. Тем не менее названия улиц вместе с другими «местами памяти», физически видимыми в публичном пространстве, такими как памятники или архивы, стали, несомненно, важными предметами изучения для исследователей.

Бартломей Ружицкий,

доктор истории, Институт политических исследований Польской академии наук; Polska, 00-625, Warszawa, Polna, 18/20.

E-mail: bartek.rozycki@gmail.com

В период перехода Польши к демократии и в последующие годы декоммунизация городской топонимии стала важным аспектом символических изменений. Общий курс на переименование улиц был одинаковым для всей страны, но темпы этих изменений, а также степень терпимости к символам прошлого варьировались. В этой статье анализируются случаи трех крупных польских городов. В Кракове основу местной идентичности составляла его долгая и богатая история и определенный уровень самостоятельности в определении символического ландшафта. В Варшаве, в свою очередь, вследствие исключительных событий времен Второй мировой войны в названиях улиц был увековечен целый ряд новых мифов и фигур. Более того, благодаря статусу столицы идентичность Варшавы оказала влияние на канон польской истории в целом. Это влияние затронуло и третий анализируемый город, Вроцлав. В силу долгой истории связей этого города с немецкой культурой лишь крайне ограниченная часть его символического капитала оказалась совместима с новым патриотическим каноном. В результате Вроцлав принял в свою городскую топонимию огромное количество символов, не связанных с его собственной памятью, одновременно ликвидировав те символы, которые были связаны с местной идентичностью. Принятие внешнего наследия, таким образом, было стратегией избегания конфликта с доминирующим нарративом.

Ключевые слова: коммунистическая Польша; современная Польша; названия улиц; символы; местная идентичность; топонимия

Цитирование: Ружицкий Б. (2021) Переименование городской топонимии как средство переопределения местной идентичности: декоммунизация названий улиц в Польше // Городские исследования и практики. Т. 6. № 1. С. 109–123. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp612021109-123>

Названия улиц – это средство навязывания определенных установок. Они указывают на ценности, воплощаемые конкретными событиями, датами, людьми и группами людей или же более общими терминами. Новые названия обычно устанавливаются властями. Связывание улицы с конкретной личностью или событием – это формальный акт, требующий выполнения определенных процедур. В процессе принятия решения могут, конечно, принимать участие и другие политические акторы, их способность влиять на результат зависит от существующей политической системы. Но в конечном итоге решение остается за властями, потому что, как выразился Стефан Мейер, «переименование улиц обычно является политическим актом, с помощью которого государство демонстрирует свой авторитет и исключительное право интерпретировать свою историю» [Meyer, 2006, p. 106]. Способность вводить собственные ценности в эти коммеморативные практики зависит от имеющихся ресурсов. Как заметили Рассел Джонстон и Майкл Рипмистер, которые исследовали практики сохранения памяти, связанные с канадскими военными памятниками,

то, что считается народной или общественной памятью, всегда существует в контексте асимметричных властных отношений. Группы с наибольшим доступом к политическим, культурным, экономическим и дискурсивным ресурсам имеют больше возможностей распространять те исторические нарративы, которые подходят им больше всего. Многие такие группы включают в себя тех, кого аргентинская социальная исследовательница Элизабет Джелин называет «антрепренерами памяти»: это индивиды, пропагандирующие конкретную версию понимания истории, которая служит их непосредственным целям. Музеи, архивы и школьные программы нельзя рассматривать как нейтральные или объективные. Скорее, они продвигают нарративы, одобряемые теми, кто их финансирует. Антрепренеры памяти, наделенные правом доступа к общественному пространству, посредством памятников внедряют частные представления о прошлом в окружающий ландшафт [Johnston, Ripmeester, 2009, p. 406].

Пьер Бурдые считает, что эти «антрепренеры памяти» борются за символический капитал. По его словам,

в символической борьбе за производство здравого смысла или, точнее, за монополию легитимной *номинации* как официального – эксплицитного и публичного – благословения легитимного видения социального мира агенты используют символический капитал, приобретенный ими в предшествующей борьбе [Бурдые, 1993, с. 72].

Этот капитал является важным фактором в другой большой борьбе: за легитимацию своей власти. Джонстон и Рипмистер, опираясь на Джеймса Янга, делают вывод, что

вездесущность и кажущееся геологическим постоянство памятников делает их мощными мнемоническими и дидактическими инструментами, предназначенными для отстаивания избранных ценностей. Теоретически они должны натурализовать приоритеты сильных мира сего, поощрять идентификацию с воображаемым сообществом и в конечном итоге мотивировать участие в гражданских делах [Johnston, Ripmeester, 2009, p. 406].

В свою очередь, Дерек Олдерман отмечает, что

названия улиц, как и любое памятное место, могут быть вовлечены в политику определения того, что является исторически значимым или достойным общественной памяти, также как названия мест являются частью «более масштабной борьбы за социальную и политическую идентичность и используются для сопротивления гегемонистскому порядку, а также для его воспроизведения». В этом отношении городская система названий улиц служит «мемориальной ареной», где борьба за культурное различие или «символический капитал» разыгрывается в самых разных масштабах [Alderman, 2002, p. 99].

Если рассматривать присвоение улицам названий как борьбу, то такая борьба приводит к выгодам для победителей и потерям для проигравших, право которых представлять и сохранять в памяти историческое повествование ставится под вопрос и ограничивается, а то и полностью пресекается и запрещается. Таким образом, победители одни социальные установки продвигают, а другие подавляют или осуждают. Это, очевидно, приводит к эксклю-

живности нарратива, сохраняемого в коммеморативных практиках. Рубен Роуз-Редвуд, исследовавший переименование улиц в Нью-Йорке XIX–XX веков, указывает, ссылаясь на Олдермана и некоторых других ученых, что при изучении того, что сохраняется в городской топонимии, не менее важно выявлять то, что при этом передается забвению:

Стивен Легг напоминает нам, что акт памяти неотделим от «активного забывания». Социальные исключения, которые пронизывают многие исторические нарративы, часто воспроизводятся и усиливаются, становясь «материализованными дискурсами» в коммеморативных ландшафтах.

Поэтому

названия улиц являются стратегическим элементом в «экономии практик» для маркирования географического пространства как места одновременно сохранения и стирания памяти. Практика символического стирания наиболее очевидна в акте переименования улиц, когда одно имя официально заменяется другим.

Однако Роуз-Редвуд утверждает, что

процесс стирания простирается гораздо глубже и включает большинство, если не все, акты пространственного обозначения. Места памяти существуют не изолированно, а как часть более широкой сети мемориальных мест. Следовательно, чтобы понять пространственную политику памяти и забывания, необходимо изучать интертекстуальность обозначения пространства, а также реляционность учреждения мест в целом.

Он продолжает этот анализ, утверждая, что

исключающую политику символического стирания можно обнаружить как в попытках элиты переименовать улицы, чтобы превратить символический капитал в экономический (например, повысить стоимость недвижимости), так и у исторически маргинализированных групп, которые стремятся к культурному признанию, но в процессе отдают приоритет одному подмножеству группы над другим. Исключение, сопровождающее переименования улиц, наиболее очевидно не в масштабе измене-

ния названия отдельной улицы, а в отношении к «городскому тексту» (city-text) в целом. Культурное значение топонима сильно варьируется в зависимости от социально-пространственного контекста, в который он помещен.

Как следствие, нужно быть очень осторожным при различении коммеморативных и некоммуеморативных топонимов.

Если уличный ландшафт и в самом деле можно рассматривать как «арену памяти», то одновременно оно является и пространством, в котором «публичное забвение» вписано в саму текстуру ландшафта. <...> Ученые обычно различают коммеморативные и некоммуеморативные топонимы. <...> У такой топонимической системы классификации, безусловно, есть своя область применения, но в ней недооценивается коммеморативное измерение любых практик именования, а потому игнорируется неразрывная связь между памятью и именованьем мест.

Однако Роуз-Редвуд утверждает, что

сам акт присвоения имени месту – это попытка дискурсивно переопределить данное пространство как место, которое нужно запомнить. Следовательно, именование места само по себе – мемориальная практика независимо от того, являются ли эти названия описательными, притяжательными или какими-то другими [Rose-Redwood, 2008, p. 432–435].

Чтобы обнаружить традиции, стертые из топонимии, ее следует читать не как сумму отдельных имен, отсылающих к истории, а как единое целое:

отношение между именованьем улиц и памятью сложнее, чем то, что предполагается в большинстве традиционных подходов к изучению мемориальных названий улиц. Различие между коммеморативными и некоммуеморативными названиями улиц ограничивает наше понимание символической власти топонимии в конструировании мест памяти и забывания [Rose-Redwood, 2008, p. 447].

Я вернусь к этому наблюдению, так как, анализируя процесс декоммунизации улиц в конкретных польских городах, я буду рассматривать названия улиц как значимые

и «нейтральные»: они использовались для заполнения пробелов, которые могли быть захвачены символами, намеренно не включенными в городскую топонимию.

От названия улицы обычно не ожидают, что оно будет потрясающим носителем символа, заражающим любого, кто с ним взаимодействует, силой убеждения. Вместо этого оно служит средством повседневного и повторяющегося влияния, которое мягко воздействует на индивидов. Кроме того, оно служит резервуаром памяти, который можно использовать в подходящее время. Анализируя памятники Степана Бандеры на Украине, Андре Либич и Оксана Мышловская отметили, что

в памятниках больше всего поражает то, что их не замечаешь. В мире нет ничего более невидимого, чем памятники. Они, несомненно, созданы для того, чтобы их видели, более того, чтобы привлекать внимание, но одновременно что-то придает им иммунитет от внимания. <...> Занимая пространство, памятники, даже когда их не замечают, объективируют память, исключают альтернативные представления о прошлом и, когда надо, предъясняют объединяющую идею для совместных культурных практик. Памятники могут быть невидимы, иногда, для некоторых. Это не значит, что их нет или что они могут по желанию исчезнуть [Liebich, Myshlovska, 2014, p. 751].

Памятники при всем этом встречаются не так часто и привлекают больше внимания, чем табличка с названием улицы, но все, что о них сказано, можно даже с еще большей уверенностью сказать о городской топонимии. Как хорошо сформулировал Винфрид Шпайткамп, названия улиц (вместе с разными носителями символики, такими как деньги или почтовые марки) являются памятниками вторичной формы, которые, однако, оказывают на повседневную жизнь гораздо более широкое влияние, чем памятники в их наиболее типичном смысле. Они являются элементом жизни, который касается каждого члена общества, от контакта с которым невозможно уклониться и который трудно проигнорировать [Speitkamp, 1997, s. 106]. Роуз-Редвуд ссылается на Маоза Азарьяху, который

утверждает, что коммеморативное именование улиц – это практика, направленная на «внедрение авторизованной версии истории в обычные условия

повседневной жизни». В той степени, в которой мемориальные названия улиц включены в само собой разумеющийся повседневный мир, их повседневность служит стратегией для овеществления и легитимации господствующих дискурсов общественной памяти [Rose-Redwood, 2008, p. 432].

В контексте современной Польши, которая будет обсуждаться далее, стоит обратиться к Леху Нияковскому. По его мнению, доминирующий исторический дискурс, в котором особое внимание уделяется периоду Второй мировой войны, формируется почти исключительно воспоминаниями *Generalne Gubernatorstwo* (Генерал-губернаторство – польские территории, оккупированные, но не аннексированные Германией во время Второй мировой войны), в то время как другие дискурсы, принадлежащие жителям территорий, непосредственно вошедших в состав либо Третьего рейха (где проводилась иная политика, чем в *Gubernatorstwo*), либо Советского Союза, часто игнорируются. Это еще более заметно в случае земель, которые не принадлежали Польше до Второй мировой войны, но после войны вошли в ее состав в рамках расплаты Германии. Роберт Траба, исследования которого в значительной степени опираются на эту региональную перспективу, отметил:

глядя на культурную специфику Вармии и Мазурии, я чувствую, что ее восприняли как курьез, особенности которого не стоят внимания и понимания, а должны быть насильственно подчинены искусственному, общенациональному канону интерпретации истории. Возможно, стоило бы сделать нечто обратное – усилить национальный культурный канон ценностями и опытом регионов, прошлое которых часто очень сильно отличалось от прошлого Кракова и Варшавы [Szacka, 2006, s. 57–58].

Обсуждая важность символов прошлого, следует также упомянуть, что символика, ассоциируемая с конкретным объектом, может приобретать разные коннотации, связанные со специфическими слоями символов, которые образуются с течением времени. Дасия Вьехо-Росе, исследовавшая исторический ландшафт Испании, утверждает, что «символы – это объекты, наделенные абстрактным значением, которые служат для репрезентации чего-то,

даже если привлекаемый смысл неодинаков для разных людей», а также что «культурное наследие по сути своей является политическим и символическим, поскольку оно конституируется в попытках создать ощущение исторической преемственности или общественной памяти, которые позволяют определить „воображаемое сообщество“. Оно также может служить мнемонической цели: память активизируется в ландшафте, который ассоциируется с конкретными историческими событиями» [Viejo-Rose, 2014, p. 8–9]. При анализе конкретных стратегий переименования важно помнить, что одни и те же имена могут служить разным целям в зависимости от контекста.

В другой статье я сравнивал существование коммунистических символов в городской топонимии разных регионов (воеводств) Польши [Różycki, 2018]. Оказалось, что те части страны, которые были отображены у Германии в результате Второй мировой войны и в которых в последние столетия господствовала немецкая культура, теперь более терпимы к коммунистическим символам. Основываясь на этих выводах, я утверждал, что характерный для них низкий уровень традиций, напрямую связанных с историей Польши, сделал возможным более широкое принятие этими территориями любых символов, которые конституируют связь между ними и страной, которой они в настоящее время принадлежат. Для них символы принадлежности к Польше относятся почти исключительно к периоду коммунизма, поэтому терпимость к этому наследию, которое повсюду отвергается, вполне объяснима. В этой статье я предлагаю более глубокое исследование нескольких крупнейших польских городов, которые из-за различий их истории теперь, возможно, опираются на разные локальные традиции, в разной степени совместимые с ядром общей польской истории. Я утверждаю, что разница в символическом капитале этих регионов способствует разным стратегиям переименований, хотя, конечно, это не означает, что память об их различающемся историческом опыте сохраняется в одном и том же масштабе. Скорее, в ситуации, когда есть большой символический капитал, несовместимый с доминирующим каноном, локальная стратегия может основываться на отказе от собственной истории и выборе нейтральных, внешне несимволических решений.

В ходе анализа будут изучены случаи трех крупных польских городов: Кракова, Варшавы и Вроцлава. Каждый из них представляет разный контекст. Краков как город, относительно не пострадавший во Вторую мировую войну, сосредоточился на восстановлении своих богатых традиций [в названиях улиц], которые в период коммунизма были заменены людьми и ценностями, репрезентативными для новых властей. Варшава, историей которой как столичного города оказала самое большое влияние на ход истории Польши в целом, не только восстановила некоторые из своих традиционных названий улиц, но и получила целый новый набор героев, которых нужно было отметить: сопротивление во время Второй мировой, особенно Армии Крайовой (*Armia Krajowa*) и ее воинов и подразделений, участвовавших в самой известной операции – Варшавском восстании. Во Вроцлаве ситуация сильно отличалась: топонимия города была изменена во времена коммунизма не только в соответствии с господствующей идеологией, но и в связи с тем, что город принадлежал Германии, и названия многих его улиц имели отношение к истории и героям этой страны, которую официальная пропаганда и значительная часть общества воспринимали как главного врага.

В своем анализе я сосредоточусь на декоммунизации, проводившейся в первые годы переходного периода. Подавляющее большинство улиц было переименовано в начале 1990-х годов, и лишь незначительное количество названий сменилось в последующие годы. Нынешние дискуссии по поводу этого процесса в Польше обычно строятся вокруг нового закона, принятого в 2016 году и требующего от всех местных властей ликвидировать оставшиеся названия, связанные с коммунистической идеологией, но меня здесь интересует не эта тема. Поскольку рамки этой поздней декоммунизации задаются интерпретациями, предлагаемыми центральным институтом, Институтом национальной памяти, она представляет собой попытку навязать общий национальный нарратив, в котором игнорируется отличающийся опыт и особенности разных частей страны и который направлен на укрепление официального канона польской истории¹. Сама по себе эта попытка

1. Новый закон, принятый в середине 2016 года, противоречит полномочиям местных властей в отношении городской топонимии, требуя ликвидации всех оставшихся названий, относящихся к коммунистической идеологии. В случае бездействия местных властей с осени 2017 года региональный представитель правительства уполномо-

мало что дает в качестве основы для исследования конкретных местных идентичностей. Я коснусь этого нового фактора только в связи с одним вопросом: количество улиц, возможное переименование которых обсуждается в каждом из городов. Эта информация послужит индикатором степени принятия местными властями и гражданами коммунистических названий, коль скоро эти названия смогли продержаться в общественном пространстве более четверти века со времен наиболее интенсивного процесса декоммунизации.

Краков

После Второй мировой войны Краков пережил процесс интенсивной замены исторических символов названиями коммунистического происхождения. В Старом городе были ликвидированы несколько названий в честь католических святых. Впрочем, новые названия относились к довольно «мягкой» индоктринации и не принадлежали ядру сталинской пропаганды того времени: площадь Всех Святых (*Plac Wszystkich Świętych*) теперь увековечивала революционную борьбу середины XIX века (*Wiosna Ludów*) [европейские революции 1848–1849 («Весна народов»)], улица Св. Гертруды (*św. Gertrudy*) была названа в честь польского социалистического мыслителя Людвиг Варинского (*Ludwik Waryński*), а улица Св. Томаша (*św. Tomasza*) была прижизненно переименована в честь актера и театрального режиссера Людвика Сольского (*Ludwik Solski*). Можно предположить, что целью этих изменений было скорее удаление явно религиозных названий из исторического центра города как места, имеющего большое символическое значение.

Более откровенная пропаганда развернулась на улицах, чьи прежние патроны принадлежали недавней истории Польши, особенно ее борьбе за независимость. Бывшая улица Юзефа Пилсудского – главный символ довоенной Польши – была переименована в честь символического начала коммунистического режима, Июльского Манифеста² (*Manifestu Lipcowego*), а Польские Легионы Пилсудского (*Legionów*

Józefa Piłsudskiego) сменил малозначительный местный социалист Станислав Цекера (*Stanisław Cekiera*). Имена известных деятелей из истории Кракова, таких как его президенты Миколай Зибликевич и Владислав Белина-Празмовский или ректор Ягеллонского университета Юлиан Дунаевский (*Mikołaj Zybkiewicz, Władysław Belina-Prażmowski, Julian Dunajewski*), были заменены другими ключевыми символами – битвой под Ленино, Юлианом Марчлевским (*Julian Marchlewski*) и 1 Мая соответственно. Также должны были быть заменены названия, связанные со старым консервативным и иерархическим устройством общества. Так, улица Яблоновских (*Jabłonowskich*) увековечивала память о бывших собственниках этих земель, расположенных непосредственно за городскими стенами, – теперь в городской топонимии их сменил местный коммунистический активист Станислав Зия (*Stanisław Ziaja*). Аналогичным образом были ликвидированы и другие названия, относящиеся к истории Кракова или борьбе за независимость Польши, их заменяли все более многочисленные коммунистические деятели. Именами таких людей называли и многие новые улицы, которые появились в городской топонимии в ходе расширения города. Самым важным из них был главный проспект нового района Нова-Хута (*Nowa Huta*). По словам исследователя истории этого района, «изначально он задумывался как отдельный город-спутник Кракова, первый образцовый социалистический город Польши. Мотивом его строительства была “модернизация” страны посредством индустриализации, урбанизации и создания нового социалистического рабочего класса» [Pozniak, 2013, р. 59]. Проспект, который соединял Нову-Хуту с остальной частью Кракова, поначалу был посвящен «ударникам труда» (*Przodowników Pracy*), но после 1958 года переименован в проспект Ленина.

После 1989 года декоммунизация в Кракове состояла в основном в восстановлении традиционных названий, которые существовали до Второй мировой войны³. Символично, что самый ранний указ городского совета по этому поводу, датиро-

чен издать постановление о переименовании той или иной улицы. Более того, государственный Институт национальной памяти указан в законе как консультативный орган, чьи заключения становятся обязательными к исполнению. В целом эта реформа представляет собой унификацию регулирования в области политической символики по всей стране.

2. Манифест к польскому народу – первый государственный акт народной Польши, принятый 22 июля 1944 года Польским комитетом национального освобождения (ПКНО) в городе Хелме. – Прим. пер.

3. Вся информация об улицах, переименованных в Кракове с 1989 года (если нет ссылок на другие источники), получена из Архива городского совета и предоставлена его должностными лицами.

ванный июнем 1990 года, объявлял о восстановлении названия площади Всех Святых. Менее чем через три месяца был принят расширенный закон, согласно которому переименовывались 25 улиц, и 20 из них вернули свои исторические названия. В следующем году были переименованы 133 улицы, семи из которых вернули довоенные названия. Стоит особо отметить, что местные власти настолько сильно хотели восстановить традиционные названия, что принимали решения об обратных переименованиях, даже когда давший новое имя улице деятель на самом деле не был явным коммунистическим символом, а его право быть увековеченным в городской топонимии было общепризнанным. Можно привести три отличающихся друг от друга примера такого переименования: уже упомянутый Людвик Сольски, еще одна известная театральная фигура довоенного периода – Стефан Ярач (*Stefan Jaracz*), а также Антоний Ставарц (*Antoni Stawarz*), пехотный капитан Войска Польского, сыгравший важную роль в освобождении Кракова в конце Первой мировой войны. Каждый из них получил улицу собственного имени в историческом центре Кракова в период власти коммунистов. Хотя и уважая исторический или художественный вклад этих людей, местные власти предпочли переименовать посвященные им улицы ради восстановления исторических названий, но при этом также пытались найти другой способ увековечить их. В результате один из них, Ставарц, был удостоен собственной улицы в 1991 году, заменив второстепенного деятеля XVII века, использовавшегося коммунистической историографией (Марчин Радоцкий, *Marcin Radocki*). Двум другим пришлось ждать до 1995 года, когда были возведены новые жилые комплексы и вырос спрос на известные исторические фигуры для присвоения названий недавно построенным улицам. Точно так же на свои традиционные места вернули еще два довоенных названия. В коммунистическое время Студенческая улица (*Studencka*) и улица Маршала Юзефа Пилсудского были переименованы и получили новые, отчетливо пропагандистские названия в честь генерала Кароля Сверчевского (*Karola Świerczewskiego*) и Июльского Манифеста (*Manifestu Lipcowego*), в то время

как их первоначальные названия использовались – чтобы ослабить их символическое влияние – для именованья менее престижных улиц на окраине Кракова. Проводя декоммунизацию улиц в 1990 году, городской совет решил вернуть эти названия на их прежние места, взамен были подобраны имена меньшей символической важности. Кроме того, улицам, построенным в коммунистический период и получившим важные символические названия, были даны столь же значимые имена. Наиболее яркие примеры – проспект Ленина, переименованный в проспект Солидарности, а также проспект Шестилетнего Плана и проспект Кубинской Революции, объединенные и переименованные в проспект Иоанна Павла II. Очевидно, политические деятели, внесшие наибольший вклад в крах коммунизма, пришли на смену символам коммунизма и в городской топонимии.

Краков оказался одним из городов, воспользовавшихся возможностью, предоставленной декоммунизацией, чтобы увековечить собственную историю. Из 148 случаев переименования, задокументированных в 1990–1993-м годах⁴, в 50% использованы имена людей, важных для истории города. Одна их половина – интеллектуалы, например ученые, как правило связанные с Ягеллонским университетом (свою роль мог сыграть тот факт, что Комиссию городского совета возглавил профессор этого университета [LoveKraków.pl, 2014]), или деятели искусства, другая – общественные деятели, благотворители, военные, а также члены местного антикоммунистического сопротивления. Для сравнения: при переименовании менее одной пятой улиц было посвящено деятелям, которые не имели прямого отношения к истории Кракова и скорее были частью общей истории Польши.

Следует отметить, что Краков оказался одним из городов, наименее толерантных в отношении исторических фигур, чьи коннотации с коммунизмом были спорными или чье символическое влияние считалось относительно «мягким». Названия, которые во многих польских городах оставили как нейтральные, здесь были ликвидированы как нежелательные. Такими фигурами стали советский космонавт Юрий Гагарин, русские писатели Александр Пушкин и Максим Горький, уже упомянутый социалисти-

4. Краков является одним из примеров быстрой и систематической декоммунизации в противоположность некоторым другим крупным польским городам, где этот процесс в последующие годы многократно останавливался и возобновлялся – например, в Познани немало уличных названий с сильным символическим значением было ликвидировано только в 2002 году, а в Кельце – в 2005 году.

ческий мыслитель Варинский, а также дата 1 Мая и народное название польских добровольцев, воевавших в составе Интернациональных бригад в гражданскую войну в Испании, – Дамбровчики (*Dąbrowszczacy*). Все они, хотя и могли восприниматься как символы достижений человечества в науке и искусстве или в борьбе за социальные права и свободы, здесь рассматривались в первую очередь как инструменты пропаганды коммунистического режима. Среди них были случаи и более сомнительного переименования. Во время масштабной кампании 1991 года без соответствующего обоснования был вычеркнут даже Болеслав Макудзинский (*Bolesław Macudziński*), активист межвоенного периода, занимавшийся продвижением туризма и лыжного спорта.

Декоммунизация в начале 1990-х годов проводилась так тщательно, что к 2016 году, когда был принят новый закон о декоммунизации, обсуждать оставалось совсем немного. Было одобрено переименование только шести улиц (еще 21 попала в реестр сомнительных, но спорный символизм их названий вкупе с сильным сопротивлением жителей заставили комиссию сдаться – было решено, что попытка их переименования выходит за рамки требуемого законодателями). Эти шесть улиц исходно были названы в честь людей, которые сражались в просоветской польской армии (один из них также был известен до войны как поэт) и, таким образом, внесли вклад в поражение Германии во Второй мировой войне. Тем не менее из-за сильной антикоммунистической направленности нового закона эти названия были обречены исчезнуть. Несмотря на некоторые дополнительные дискуссии, решение руководства города о переименовании этих улиц в честь людей, имеющих отношение к Кракову, получило всеобщее одобрение. Как и в начале 1990-х, это в основном интеллектуалы и политики. Добавим, что часть имен, попавших в список, но в конечном счете оставшихся без изменений, обязана этим яростной защите со стороны представителей академических институтов, с которыми они были связаны [Kursa, 2017].

Стоит также упомянуть, что в последние годы в Кракове была предпринята исключительная попытка восстановления коммунистического наследия. В 2006 году площадь в районе Нова-Хута получила имя Петра Ожанского – одного из рабочих, при-

нимавших участие в строительстве этой части города. Его имя когда-то использовалось как символ «ударного труда»⁵, то есть сверхпродуктивного, увлеченного подхода к работе, который был одним из образов в коммунистической пропаганде. Это, очевидно, сделало его одним из тех, чьи усилия невольно легитимировали репрессивный режим. Игнорируя этот политический аспект, сторонники идеи отдать дань уважения Ожанскому подчеркивали его вклад и вклад всех рабочих в развитие города. Однако эта концепция просуществовала недолго, поскольку через три года после посвящения площади Ожанскому городской совет, теперь уже состоящий из людей с противоположными политическими взглядами, постановил ликвидировать это название [Kozik, 2009].

Варшава

Сильно пострадавшая во Второй мировой войне и особенно во время разрушительного восстания 1944 года, Варшава подверглась интенсивному переименованию улиц. Необходимость восстановления разрушенных частей города вкупе с его быстрым расширением позволили провести широкомасштабную индоктринацию. Один из самых важных проспектов – Уjazdовская аллея (*Aleje Ujazdowskie*) – был назван именем Сталина, другие же должны были чествовать победоносные коммунистические (советские и польские) силы. Часть Нововейской улицы (*Nowowiejska*), разрушенной во время Второй мировой войны, была реконструирована и получила название аллея Освобождения (*Aleja Wyzwolenia*), а аллея Яна Шуха (*Aleja Szucha*), названная в память о выдающемся варшавском архитекторе XVIII века, была переименована в проспект Первой Армии (*1. Armii Wojska Polskiego*). Эти три улицы были символическим сердцем Варшавы, относительно неповрежденным во время войны, где располагалось множество учреждений и организаций, а также иностранные посольства [Meurer, 2006, p. 106]. Были переименованы многие улицы с традиционными названиями, а также улицы, получившие названия в межвоенный период: площадь Пилсудского, на которой находится могила Неизвестного солдата, превратилась в площадь Победы (*Plac Zwycięstwa*), а улица Пилсудского стала улицей Народной Армии (*Armii Ludowej*) –

5. Прототип главного героя художественного фильма польского кинорежиссера Анджея Вайды «Человек из мрамора» (1977). – Прим. пер.

польских вооруженных сил, подчинявшихся СССР во время войны. Твердая улица (*Twarda*) стала улицей Крайовы Рады Народовы (*Krajowej Rady Narodowej*, первый парламент коммунистической Польши).

Многие улицы столицы были не только переименованы. Необходимость реконструкции и быстрой модернизации открыла возможность увековечить коммунистические ценности и героев в названиях вновь построенных улиц. Эти объекты, будучи символами нового, современного города, построенного на пепелище старого, были связаны с наиболее важными элементами идеологической иерархии. Особенно символичными были улицы, посвященные Каролю Сверчевскому (*Karol Świerczewski*), Юлиану Марчлевскому (*Julian Marchlewski*) и Октябрьской Революции (*Rewolucji Październikowej*). Некоторые старые улицы были намеренно снесены при реализации новых урбанистических проектов. Одной из них была Хмельна (*Chmielna*), которую коммунисты воспринимали как питательную среду для местных частных предприятий, которые рассматривались как идеологический противник. Из-за этого улицу разделили; ее восточная часть получила имя выдающегося коммунистического деятеля Генрика Рутковского (*Henryk Rutkowski*) [Wendlandt, 2012, p. 216]. Следует отметить, что порядок переименования был строго иерархическим – работало правило, согласно которому значимым фигурам отводились улицы более крупные и престижные, чем менее значимым [Meयर, 2006, p. 142, 160].

Переход к демократии повлек за собой пересмотр этой топонимии⁶. Если для улиц, построенных в коммунистический период, подыскивали новых героев, то в случае старых улиц обычно восстанавливали историческое название. Некоторые улицы не требовали переименования, так как его уже провели во время правления коммунистов: Уяздовская аллея вернула себе исходное название в 1956 году, а улица Югославской Молодежи (*Młodzieży Jugosławańskiej*) была переименована обратно в улицу Фоксаль (*Foksal*)⁷ в 1950 году, когда произошел конфликт между Югославией Тито и СССР. На самом деле процесс

декоммунизации был несистематичным и довольно ограниченным. Если в Кракове в соответствии с законодательным актом, принятым в 1991 году, были переименованы сразу 133 улицы, то в Варшаве на протяжении 1990-х годов количество переименованных улиц не превышало 70, по несколько переименований каждый год в период с 1989 по 1998 год. Помимо восстановленных исторических названий (пятая часть всех переименований), в новой городской топонимии преобладали имена, относящиеся ко Второй мировой войне, причем как те, которые можно было бы рассматривать как часть общенационального исторического канона, так и имена конкретных людей или названия воинских подразделений, деятельность которых ограничивалась Варшавой. Особое внимание уделялось тем, которые были связаны с Варшавским восстанием 1944 года. Другой популярной категорией были фигуры, связанные с историей довоенной Польши. Эта категория, очевидно, пересекалась с традиционными названиями улиц того периода, как в случае с площадью Пилсудского. Кроме того, честь дать имя улице была оказана некоторым людям, внесшим особый вклад в развитие города. С другой стороны, почти ни одна улица не была названа в честь людей, не связанных с Варшавой⁸, и очень немногим были даны нейтральные, несимволические имена. Помимо этого, число удостоившихся увековечения деятелей, не участвовавших ни в каких вооруженных конфликтах – то есть интеллектуалов, художников и политиков, – в отличие от Кракова было очень небольшим. Что касается антикоммунистической оппозиции и жертв режима, то новые улицы назывались в честь только самых известных участников этой борьбы: Иоанна Павла II, прелата Стефана Вышинского, Солидарности и Казимежа Пужака (*Kazimierz Pużak*, один из самых ярких политиков, осужденных коммунистами). В конечном счете, хотя процесс декоммунизации Варшавы и был долгим, он украсил польскую столицу символами ее недавнего славного, но сурового прошлого, омраченного непрерывным политическим насилием и военными конфликтами.

6. Если не указано иное, информация о декоммунизации улиц в Варшаве получена из Архива городского совета, с дополнительной проверкой на полупрофессиональном проекте интернет-фэндома: <http://warszawa.wikia.com/wiki/Ulice>.

7. Отметим, что всего за пять лет до войны улицу Фоксаль переименовали в честь убитого на ней политика Бронислава Перацкого.

8. В качестве примера можно привести хирурга Людвика Ридигера (*Ludwik Rydygier*), чья жизнь была связана в основном с Краковом и Львовом. Но следует отметить, что его имя было выбрано как удобный вариант – он заменил коммуниста с той же фамилией, Юлиуша Ридигера (*Juliusz Rydygier*).

Желание сохранить память о патриотической борьбе за независимость не помешало другому интересному аспекту – высокой терпимости к плюрализму. Многие имена, существование которых было бы немыслимо в Кракове, в Варшаве остались нетронутыми. Осталась аллея Народной Армии (*Aleja Armii Ludowej*), символически связанная с улицей Независимости (*Niepodległości*)⁹, а также улицей Варинского (*Waryński*) – еще одной фигурой, вычеркнутой из топонимии Кракова. Остались улица в честь польских ветеранов гражданской войны в Испании (*Dąbrowszczaków*), улица Гагарина и даже улица Коммунистической Молодежной Организации (*Związku Walki Młodych – ZWM*). Более того, в процессе декоммунизации одна из улиц получила имя коммунистического функционера: министр иностранных дел 1950-х годов Станислав Скшешевский (*Stanisław Skrzyszewski*) сменил Розу Люксембург. Другой политик, занимавший тот же пост, Зыгмунт Модзелевский (*Zygmunt Modzelewski*), сохранил свою улицу благодаря яростным протестам местных жителей (то же самое было и в случае улицы имени ZWM).

Этот многосторонний и плюралистический подход привел к появлению большого количества улиц, названия которых теперь должны быть изменены в результате принятия нового закона в 2016 году. Около 30 названий были признаны неуместными. В случае некоторых из них проблему недавно решили способом, который вряд ли вызовет протесты: они были посвящены другим людям с той же фамилией. Обсуждение ликвидации оставшихся названий до сих пор вызывает разногласия, в том числе в отношении Модзелевского, а также Теодора Друача и Юзефа Бальцерзака (*Teodor Druacz, Józef Balcerzak*) – членов коммунистического подпольного сопротивления, убитых немцами [Osowski, 2017]. Среди коллективных названий наибольшую поддержку получает улица Дамбровчиков (*Dąbrowszczacy*) – объединение ее сторонников активно выступает за сохранение этого названия, собирая подписи под заявлениями о поддержке и обращаясь с петициями к властям.

Вроцлав

Во Вроцлаве присвоение новых названий после Второй мировой войны сильно от-

личалось от того же процесса в Варшаве или Кракове. Оккупанты оставили таблички с немецкими названиями улиц во всех этих городах, но и нынешняя, и бывшая польские столицы легко заменили бы их довоенными польскими названиями, если бы коммунистические власти не избегали этого по идеологическим причинам. Во Вроцлаве все было иначе: город, всегда существовавший на границе стран и культур, на протяжении предшествующих веков находился под доминирующим влиянием Германии, принадлежа сначала Габсбургской монархии, затем Пруссии, затем и Германии. Из-за этого не только все улицы до войны были названы по-немецки, но и многие названия были посвящены людям или событиям, важным для немецкой историографии, и сосредоточены на достижениях и победах Германии. Такие названия представляли даже большую символическую угрозу, чем имена, увековечивающие довоенные польские традиции, поэтому процесс переименования должен был быть более интенсивным и глубоким. Из-за этого процесс переименования во Вроцлаве был несистематичным, спонтанным, с ошибками и путаницей – например, с ошибками перевода, присвоением одной улице двух названий или одинаковых названий – двум разным улицам [Kedziora, 2012, p. 15–16]. Со временем эти проблемы постепенно решались, хотя в некоторых случаях для этого требовались годы [Ibid., p. 23–24].

Целью этих масштабных изменений было не только приспособить городскую топонимию к условиям города, отныне принадлежащего Польше, но и доказать, что у Польши есть история и достижения столь же славные, как и у ее немецких соседей. Чтобы показать это, известные фигуры, давшие названия улицам, заменялись новыми аналогичного ранга: немецкие политики и военачальники были заменены аналогичными польскими, точно так же улицы, названные в честь немецких военных формирований, получили названия польских частей и т. д. (хотя это не помешало назвать некоторые из главных улиц в честь основных символов коммунистической идеологии со Сталиным как центральной фигурой). В рамках этого процесса из названий убрали даже немецких актеров, ученых и художников, освободив место для поляков из тех же профессий [Ibid., p. 26–32]. Топонимия Вроцлава должна была

9. Термин «независимость» (*Niepodległość*) используется в отношении восстановления суверенной II Республики Польши в 1918 году, в то время как «освобождение» (*Wyzwolenie*) – для окончания немецкой оккупации во Второй мировой войне. Термин «победа» (*Zwycięstwo*) также использовался в последнем контексте.

быть преобразована в чисто польский, а также коммунистический набор символов. К названиям, связанным с католицизмом, проявили некоторую терпимость – после перевода с немецкого их сохранили как исторические, – но символы немецкого прошлого города оказались неуместными. Очевидно, во Вроцлаве коммунистам не нужно было беспокоиться о какой-либо топонимии, связанной с довоенной Польшей.

После 1989 года здесь, как и в других городах, началась декоммунизация уличных названий. Отметим несколько фактов. Во-первых, в публичном пространстве не только осталось несколько сомнительных названий, но еще и два из них были добавлены накануне перехода к демократии: в мае 1989 года городской совет в конечном итоге принял идеи, возникшие еще в 1970-х годах, когда ради очистки городской топонимии два крайне идеологических названия должны были быть заменены другими. Так, бывшая улица Красной Армии (*Armii Czerwonej*) была заменена гораздо более популярной Народной Армией (*Armii Ludowej*), а улице 1 Мая присвоили имя одного из командующих польской коммунистической армии, Зыгмунта Берлинга (*Zygmunt Berling*) [Ibid., p. 133]. Эти улицы закрепились в топонимии Вроцлава более чем на 20 лет, пока не начался следующий этап процесса декоммунизации. Точно так же оставалась нетронутой улица Национального Единства (*Jedności Narodowej*), до середины 1950-х годов бывшая улицей Сталина.

Во-вторых, процесс декоммунизации был сосредоточен на восстановлении исторических названий и устранении беспорядка в топонимии – повторяющихся названий, улиц с похожими названиями или названных в честь людей, которых невозможно было идентифицировать. Новый подход складывался из трех составляющих: во-первых, восстановление и сохранение исторических названий, когда это возможно (за исключением ситуаций, когда значение исторического названия подвергалось сомнению – не всегда удавалось идентифицировать человека, в честь которого была названа конкретная улица); во-вторых, установка собирать названия одной категории в пределах одного района (например, называя ряд близлежащих улиц в честь людей той же профессии);

в-третьих, всякий раз, когда требовалось найти деятеля для нового названия, обычно обращались к патриотическим ценностям и господствующему ядру польской истории: борьбе за независимость, межвоенному периоду и Второй мировой войне. Следует, однако, отметить, что, учитывая историю города в первой половине XX века, такие названия были несовместимы с его собственной, локальной историей.

В конечном счете в названиях многих улиц место коммунистических имен заняли нейтральные имена, которые имели отношение к другим городам, странам или общим терминам, не связанным с какой-либо идеологией или историческим периодом. Здесь такая замена была гораздо более масштабной, чем в Варшаве и Кракове. Похоже, из-за отсутствия глубокого символического капитала, тесно связанного с историей Польши, местные власти предпочли использовать нейтральные, несимволические имена. Также почти не использовались в качестве замены имена, связанные с оппозицией режиму в коммунистический период (на самом деле таких замен было всего две: Ян Палах, чех, который поджег себя в знак протеста против коммунистического вторжения, заменил чешского коммуниста Юлиуса Фучика, а кардинал Стефан Вышинский занял улицу Юзефа Вечорек). Как и в Кракове, ряд улиц были посвящены польским деятелям искусства (особенно музыкантам) или интеллектуалам (ученым), но в отличие от Кракова эти фигуры были связаны не с Вроцлавом, а с другими городами и регионами Польши. По-видимому, обращение к довоенной истории города, явно отделенной от истории Польши, было чувствительным вопросом, способным вызывать конфликты и неприятности, поэтому его всячески избегали¹⁰.

Любопытно, что мультикультурный опыт города не привел к появлению множества имен, связанных с местной историей. В результате декоммунизации Вроцлав наполнился именами, связанными с канонами современной польской истории, хотя все это время Вроцлав не принадлежал Польше, поэтому не участвовал в этих событиях и, в отличие от Варшавы или Кракова, не боролся за освобождение от оккупации. Кроме того, вопреки ожиданиям, Вроцлав не проявил особой терпимости к коммунистическому наследию. Процесс переименования улиц оказался довольно основа-

10. Камила Кедзиора вспоминает конфликт, произошедший во время заседания городского совета по поводу присвоения площади имени немецкого математика Макса Борна, когда были высказаны обвинения в национализме и предубеждении по отношению к названиям, связанным с немецкими именами, *ibid*: 142.

ТАБЛИЦА 1.

Сравнение наиболее распространенных категорий, заменяющих коммунистические названия в городской топонимии

	Варшава		Краков		Вроцлав	
1	7	10%	15	10%	9	12%
2	21	30%	15	10%	11	14%
3	6	9%	9	6%	2	3%
4	10	14%	47	33%	10	13%
5	13	19%	15	10%	9	12%
6	1	1%	15	10%	10	13%
7	1	1%	0	0%	2	3%
8	7	10%	22	15%	17	22%
ВСЕГО	66	94%	138	94%	70	92%
Ядро новейшей истории Польши (сумма категорий 1–3)	34	49%	39	26%	22	29%
Количество названий, подлежащих удалению в 2016–2017 годах (по данным Института национальной памяти)	около 30		6		7	

тельным – после принятия в 2016 году нового закона о декоммунизации во Вроцлаве для обсуждения осталось лишь несколько названий. Для изучения было отобрано семь улиц (включая улицу Гагарина), но в итоге переименованы были только четыре: две, созданные в 1989 году, – Берлинга и Народной Армии, а также улица 9 Мая (День Победы в странах советского блока, хотя во Вроцлаве эта дата интерпретировалась как день освобождения города) и Куйбышевская (отсылка к городу Куйбышеву, где располагалась школа НКВД) [Kozioł, 2016].

Выводы

Подводя итог декоммунизации топонимии в трех сильно отличающихся друг от друга польских городах, можно указать на определенные различия в том, что касается терпимости к коммунистическому наследию и стратегий переименования. Я обобщил результаты этого анализа в табл. 1.

Во всех трех случаях сходный процент переименованных улиц приходился на восстановление традиционных названий, которые использовались до Второй мировой войны. В случае Вроцлава, очевидно, восстановленные имена были польским вариантом названий немецкого происхождения. В Кракове доминирующей стратегией было увековечивание людей, внесших значительный вклад в развитие города. Власти Варшавы сосредоточились на увековечивании новейшей истории борьбы за независимость на протяжении всего XX века – от Первой мировой до краха коммунизма. в особенности истории вооруженной борьбы и, в частности, Варшавского восстания. Все эти мемориальные названия связаны с официальной польской историей, которая присутствует в официальном школьном образовании, государственных праздниках, а также в общественных дискуссиях. Такая

тенденция, однако, соседствовала с сохранением многих названий, связанных с коммунистической военной традицией, их дальнейшее существование теперь под вопросом из-за нового закона. Во Вроцлаве, несмотря на эпизодические случаи посвящения улиц коммунистическим фигурам и событиям даже в 1989 году, процесс декоммунизации начала 1990-х годов был довольно глубоким, хотя название улиц в честь новых героев не стало доминирующей тенденцией. Некоторые из улиц, как и в Варшаве, были посвящены вооруженной борьбе за независимость Польши, которая на самом деле имела мало общего с историей Вроцлава. По-видимому, в начале демократического периода еще не было готовности увековечивать то, что действительно составляло наследие города: люди и факты, связанные с немецкой культурой и историей. Из-за малого числа символических ресурсов, которые были бы одновременно совместимы с польским патриотизмом и связаны при этом с местной историей, во Вроцлаве было значительно больше улиц, которым были присвоены нейтральные, несимволические названия или имена людей, совершенно не связанных с самим городом.

Это приводит нас к классической дискуссии об истории и памяти. Во Вроцлаве, в отличие от Варшавы, история Второй мировой войны была несовместима с памятью места, количество доступных символических героев, подходящих для увековечивания, было ограничено. В современной научной литературе часто обсуждается тема отношения между памятью и историей, причем разные авторы либо противопоставляют эти термины, либо определяют их как дополняющие друг друга¹¹. Анализ

11. Первый случай – классическое различие, введенное Жаком Ле Гоффом, второй – например, позиция Патрика Хаттона [Szacka, 2006, p. 19–20].

трех разных случаев показывает, что при определенных обстоятельствах – когда память, относящаяся к данному месту, несовместима с господствующим историческим нарративом – символы этой памяти могут подавляться и заменяться либо символами этого господствующего нарратива, либо, что интереснее, символической пустотой, при которой пустое пространство заполняется несимволическими, нейтральными элементами просто потому, что это необходимо по практическим соображениям – в данном случае потому, что необходимо дать название каждой существующей улице.

Кроме того, выясняется, что такое подавление не ограничивается только авторитарными режимами. Напротив, это вполне может происходить в демократической системе. Уолтер Хэтч, сравнивая исторические нарративы в музеях Второй мировой войны в Китае и Японии, отметил, что «мы рискуем преувеличить, утверждая, что демократия порождает большое разнообразие подходов к сохранению памяти о прошлом. Даже в самом плюралистическом (и милитаристском) обществе влиятельные группы могут задушить альтернативные историографии» [Hatch, 2014, p. 391]. К похожему выводу пришла Томоко Хамада в своем исследовании разных подходов к формированию официального исторического нарратива в японских учебниках и жесткой конкуренции между ними [Hamada, 2002, p. 34–37]. С другой стороны, Хэтч также отметил тот факт, что оправдание использования ядерных бомб против Японии стало догмой в американской коллективной памяти, что предотвратило распространение подходов, которые могли бы оспорить его. Посткоммунистические демократии тоже не свободны от таких ограничений – типичной иллюстрацией этой проблемы является раскол национальной и гражданской модели исторической социализации и исторических нарративов [Росчыковский, 2008, p. 29]. Различные проявления символизма в публичном пространстве, такие как городская топонимия, подвергаются определенным ограничениям, которые могут подавлять автономию местной идентичности и памяти по отношению к господствующему, гегемонистскому дискурсу.

Источники

- Бурдые П. (1993) Социология политики. М.: Socio-Logos.
- Alderman D. (2002) Street Names as Memorial Arenas: The Reputational Politics of Commemorating Martin Luther King Jr: In a Georgia County // *Historical Geography*. № 30. P. 99–120.
- Azaryahu M. (1996) The Power of Commemorative Street Names // *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 14. № 3. P. 311–330.
- Bourdieu P. (1991) *Language and Symbolic Power*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. P. 239.
- Hamada T. (2002) Contested Memories of The Imperial Sun—History Textbook Controversy in Japan // *American Asia Review*. Vol. XX. № 4. P. 1–38.
- Hatch W. (2014) Bloody Memories—Affect and Effect of World War II Museums in China and Japan // *Peace & Change*. Vol. 39. № 3. P. 366–394.
- Johnston R., Ripmeester M. (2009) Awake Anon the Tales of Valour: The Career of a War Memorial in St. Catharines, Ontario // *The Canadian Geographer / Le Geographe canadien*. № 53. P. 404–426.
- Kędzióra K. (2012) *Nazewnictwo ulic Wrocławia w latach 1945–1989*. Warszawa, IPN.
- Kozik R. (2009) Kogo uwierał człowiek z marmuru // *Wiadomości z Krakowa*. Режим доступа: https://krakow.wyborcza.pl/krakow/1,44425,6401136,Kogo_uwieral_czlowiek_z_marmuru.html (дата обращения: 18.04.2021).
- Kozioł M. (2016) Koniec z ulicą Berlinga. Które nazwy ulic mogą być jeszcze zmienione? // *Wiadomości z Wrocławia*. Режим доступа: <http://wroclaw.wyborcza.pl/wroclaw/1,35771,20727161,koniec-z-ulica-berlinga-ktore-nazwy-ulic-moga-byc-jeszcze-zmienione.html> (дата обращения: 18.04.2021).
- Kursa M. (2017) Nowe nazwy ulic: Szymborska zamiast Szenwalda? Są wątpliwości // *Wiadomości z Krakowa*. Режим доступа: <http://krakow.wyborcza.pl/krakow/7,44425,22249247,nowe-nazwy-ulic-szymborska-zamiast-szenwalda-sa-watpliwosci.html> (дата обращения: 18.04.2021).
- Liebich A., Myshlovska O. (2014) Bandera: Memorialization and Commemoration // *Nationalities Papers*. Vol. 42. № 5. P. 750–770.
- LoveKraków.pl (2014) To aleja łącząca ateizm z chrześcijaństwem. Режим доступа: https://lovekrakow.pl/aktualnosci/al-jana-pawla-ii-to-polaczenie-starego-z-nowym_5643.html (дата обращения: 18.04.2021).
- Meyer S. (2006) Dwie drogi do alei Stalina. Zmiany nazw ulic w Warszawie i Berlinie Wschodnim (1945–1950) // *W połowie drogi. Warszawa między Paryżem a Kijowem / J. Kochanowski (red.)*. Warszawa: Trio. S. 105–174.
- Ozowski J. (2017) Mała dekomunizacja ulic zrobiona, ale ma być większa. A gdzie ulica Lecha Kaczyńskiego? // *Warszawa.Wyborcza.pl*. Режим доступа: <http://warszawa.wyborcza.pl/warszawa/7,54420,22307786,mała-dekomunizacja-ulic-made-but-ma-byc-a-where.html> (дата обращения: 18.04.2021).
- Poczykowski R. (2008) Building the Past, Forgetting the Future—Is Poland a Historical Knowledge Based Society // *LIMES: Cultural Regionalistics*. Vol. 1. № 1. P. 22–31.
- Pozniak K. (2013) Generations of Memory in the “Model Socialist Town” of Nowa Huta, Po-

- land // *Focaal—Journal of Global and Historical Anthropology*. № 66. P. 58–68.
- Rose-Redwood R.S. (2008) From Number to Name: Symbolic Capital, Places of Memory and the Politics of Street Renaming in New York City // *Social & Cultural Geography*. Vol. 9. № 4. P. 431–452.
- Różycki B. (2018) Przemianowywanie ulic w Polsce 1989–2016. Charakterystyka zagadnienia // *Mity i stereotypy w wyobrażeniach zbiorowych* / A. Dubicki, M. Rekść, A. Sepkowski (red.). Łódź: Wydawnictwa Uniwersytetu Łódzkiego.
- Speitkamp W. (1997) *Denkmalsturz Und Symbolkonflikt In der modernen Geschichte. Eine Einleitung // Denkmalsturz. Zur Konfliktgeschichte politischer Symbolik* / W. Speitkamp (Hg.). Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht. S. 5–21.
- Szacka B. (2006) *Czas przeszły: pamięć—mit*. Warszawa: Scholar.
- Viejo-Rose D. (2014) *Reconstructing Spain. Cultural Heritage and Memory after Civil War*. Brighton-Chicago-Toronto: Sussex Academic Press 2014.
- Wendlandt J. (2012) *Nazwy historyczne—ochrona wartości niematerialnych // Śladami nazw miejskich Warszawy*. Warszawa: Muzeum Historyczne m.st. Warszawy.
- Renaming Urban Toponymy As A Mean Of Redefining Local Identity: The Case Of Street Decommunization In Poland**
- Bartłomiej Różycki**, PhD in History, Institute of Political Studies of the Polish Academy of Sciences; 18/20 Polna, Warszawa, 00–625, Polska.
E-mail: bartek.rozycki@gmail.com
- Abstract.** During and after democratic transition in Poland, the decommunization of urban toponomy became an important aspect of symbolic changes. Although the general course of street renaming was similar in the whole country, the pace of these changes as well as scope of tolerance towards the symbols of the past varied. In this article, the cases of three major Polish cities are analyzed. In Kraków, its long and rich history constituted a background of local identity and certain level of autonomy in defining the symbolic landscape. Warsaw on the other hand was a city whose extraordinary experiences related to the World War II resulted in commemoration of a whole new set of myths and figures through the street names. What is more, its status of the country's capital caused its identity to influence the canon of Polish history as a whole. This affected the third analyzed case, Wrocław, whose long history of links with German culture resulted in very little symbolic capital which would be compatible with this new patriotic canon. As a result, Wrocław accepted in its urban toponomy a vast number of symbols unrelated to its own memory, in the same time suppressing symbols linked to its local identity. Accepting external heritage turned out to be a strategy of avoiding conflict with the dominant narrative.1
- Keywords:** communist Poland; contemporary Poland; street names; symbols; local identity
- Citation:** Różycki B. (2021) *Renaming Urban Toponymy as a Mean of Redefining Local Identity: The Case of Street Decommunization In Poland*. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 1, pp. 109–123. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp612021109-123>
- References**
- Alderman D. (2002) *Street Names as Memorial Arenas: The Reputational Politics of Commemorating Martin Luther King Jr: In a Georgia County*. *Historical Geography*, no 30, pp. 99–120.
- Azaryahu M. (1996) *The Power of Commemorative Street Names*. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 14, no 3, pp. 311–330.
- Bourdieu P. (1991) *Language and Symbolic Power*. Cambridge, MA: Harvard University Press, p. 239.
- Bourdieu P. (1993) *Sotsiologiya polityki [Sociology of Politics]*. M.: Socio-Logos.
- Hamada T. (2002) *Contested Memories of The Imperial Sun—History Textbook Controversy in Japan*. *American Asia Review*, vol. XX, no 4, pp. 1–38.
- Hatch W. (2014) *Bloody Memories—Affect and Effect of World War II Museums in China and Japan*. *Peace & Change*, vol. 39, no 3, pp. 366–394.
- Johnston R., Ripmeester M. (2009) *Awake Anon the Tales of Valour: The Career of a War Memorial in St. Catharines, Ontario*. *The Canadian Geographer / Le Geographe canadien*, no 53, pp. 404–426.
- Kędziora K. (2012) *Nazewnictwo ulic Wrocławia w latach 1945–1989 [Nomenclature of Wrocław Streets in the Years 1945–1989]*. Warszawa, IPN. (in Polish)
- Kozik R. (2009) *Kogo uwierał człowiek z marmuru [Whom the Man of Marble Was Hurting]*. *Wiadomości z Krakowa [News from Krakow]*. Available at: https://krakow.wyborcza.pl/krakow/1,44425,6401136,Kogo_uwieral_czlowiek_z_marmuru.html (accessed 18 April 2021). (in Polish)
- Kozioł M. (2016) *Koniec z ulicą Berlinga. Które nazwy ulic mogą być jeszcze zmienione? [No more Berling Street. Which Street Names Can Still Be Changed?]*. *Wiadomości z Wrocławia [News from Wrocław]*. Available at: <http://wroclaw.wyborcza.pl/wroclaw/1,35771,20727161,koniec-z-ulica-berlinga-ktore-nazwy-ulic-moga-byc-jeszcze-zmienione.html> (accessed 18 April 2021). (in Polish)
- Kursa M. (2017) *Nowe nazwy ulic: Szymborska zamiast Szenwalda? Są wątpliwości [New Street Names: Szymborska instead of Szenwald? There are Doubts]*. *Wiadomości z Krakowa [News from Krakow]*. Available at: <http://krakow.wyborcza.pl/krakow/7,44425,22249247,nowe-nazwy-ulic-szymborska-zamiast-szenwalda-sa-watpliwosci.html> (accessed 18 April 2021). (in Polish)
- Liebich A., Myshlovska O. (2014) *Bandera: Memorialization and Commemoration*. *Nationalities*

- Papers*, vol. 42, no 5, pp. 750–770.
- LoveKraków.pl (2014) To aleja łącząca ateizm z chrześcijaństwem [This is the Avenue that Connects Atheism with Christianity]. Available at: https://lovekrakow.pl/aktualnosci/al-jana-pawla-ii-to-polaczenie-starego-z-nowym_5643.html (accessed 18 April 2021). (in Polish)
- Meyer S. (2006) Dwie drogi do alei Stalina. Zmiany nazw ulic w Warszawie i Berlinie Wschodnim (1945–1950) [Two Roads to Stalin's Avenue. Street Name Changes in Warsaw and East Berlin (1945–1950)]. Kochanowski J. (red.) *W połowie drogi. Warszawa między Paryżem a Kijowem* [Halfway. Warsaw between Paris and Kiev.]. Warszawa: Trio, pp. 105–174. (in Polish)
- Osowski J. (2017) Mała dekomunizacja ulic zrobiona, ale ma być większa. A gdzie ulica Lecha Kaczyńskiego? [Small Street Decommunization Done, but It is to Be Bigger. And Where is Lech Kaczyński Street?]. Warszawa.Wyborcza.pl. Available at: <http://warszawa.wyborcza.pl/warszawa/7,54420,22307786,mala-dekomunizacja-ulic-made-but-mabyc-a-where.html> (accessed 18 April 2021). (in Polish)
- Poczykowski R. (2008) Building the Past, Forgetting the Future—Is Poland a Historical Knowledge Based Society. *LIMES: Cultural Regionalistics*, vol. 1, no 1, pp. 22–31.
- Pozniak K. (2013) Generations of Memory in the “Model Socialist Town” of Nowa Huta, Poland. *Focaal—Journal of Global and Historical Anthropology*, no 66, pp. 58–68.
- Rose-Redwood R.S. (2008) From Number to Name: Symbolic Capital, Places of Memory and the Politics of Street Renaming in New York City. *Social & Cultural Geography*, vol. 9, no 4, pp. 431–452.
- Różycki B. (2018) Przemianowywanie ulic w Polsce 1989–2016. Charakterystyka zagadnienia [Renaming Streets in Poland 1989–2016. Characteristics of the Issue]. Dubicki A., Reksć M., Sepkowski A. (red.) *Mity i stereotypy w wyobrażeniach zbiorowych* [Myths and Stereotypes in Collective Imaginations]. Łódź: Wydawnictwa Uniwersytetu Łódzkiego. (in Polish)
- Speitkamp W. (1997) Denkmalsturz Und Symbolkonflikt In der modernen Geschichte. Eine Einleitung [Monument Fall and Symbol Conflict in Modern History. An Introduction]. Speitkamp W. (Hg.) *Denkmalsturz. Zur Konfliktgeschichte politischer Symbolik*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, pp. 5–21. (in German)
- Szacka B. (2006) Czas przeszły: pamięć—mit [Past Tense: Memory—Myth]. Warszawa: Scholar. (in Polish)
- Viejo-Rose D. (2014) Reconstructing Spain. Cultural Heritage and Memory after Civil War. Brighton-Chicago-Toronto: Sussex Academic Press 2014.
- Wendlandt J. (2012) Nazwy historyczne—ochrona wartości niematerialnych [Historical Names—Protection of Intangible Assets]. *Ślady nazw miejskich Warszawy* [Following the Traces of Warsaw's City Names]. Warszawa: Muzeum Historyczne m.st. Warszawy [Warsaw: Historical Museum of the Capital City of Warsaw]. (in Polish)

Форум

Горнозаводская и равнинно- фабричная цивилизации России: индустриальное наследие и городская идентичность

Ольга Шипицына,
Надежда Солонина,
Константин Бугров,
Мария Назукина,
Александр Снитко,
Михаил Тимофеев

**О. А. Шипицына, Н. С. Солонина. Есть ли место
индустриальному наследию в современных городах
горнозаводского Урала?**

В чем уникальность городов горнозаводского Урала?

Урал является уникальным исторически сложившимся горнозаводским культурным ландшафтом, формирование которого началось еще на рубеже XVII–XVIII веков в процессе строительства огромного по тем временам количества металлургических предприятий. Вокруг вновь возведенных заводов создавались поселения для рабочих, главной

Шипицына Ольга Александровна, кандидат архитектуры, профессор кафедры теории архитектуры и профессиональных коммуникаций ФГБОУ ВО «Уральский государственный архитектурно-художественный университет»; Российская Федерация, 620075, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 23.

E-mail: oshipits@usaaa.ru

Солонина Надежда Сергеевна, кандидат архитектуры, доцент кафедры теории архитектуры и профессиональных коммуникаций ФГБОУ ВО «Уральский государственный архитектурно-художественный университет»; Российская Федерация, 620075, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 23.

E-mail: saydan86@gmail.com

Бугров Константин Дмитриевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; профессор Уральского федерального университета; Российская Федерация, 620108, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16.

E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Назукина Мария Викторовна, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (ПФИЦ УрО РАН); Российская Федерация, 614990, Пермь, ул. Ленина, д. 13А.

E-mail: nazukina@mail.ru

Снитко Александр Владимирович, кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры и строительства Ивановского государственного политехнического университета; Российская Федерация, 153000, Иваново, Шереметевский пр., д. 21.

E-mail: snitko-av@mail.ru

Тимофеев Михаил Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета; руководитель Научно-образовательного центра «Городские и региональные исследования» Ивановского государственного университета; главный редактор журнала «Labyrinth. Теории и практики культуры»; Российская Федерация, 153025, Иваново, ул. Тимирязева, д. 5;

тел.: +7903 878 77 99

E-mail: timofeev.01@gmail.com

Мы обсудили с экспертами, как сегодня работают с историческим индустриальным наследием в городах России и какую роль оно играет в формировании их идентичности и среды. Чтобы сфокусировать дискуссию, мы выбрали два исторических промышленных региона страны с уникальными и узнаваемыми характеристиками: «горнозаводскую цивилизацию» Урала и текстильную «равниннофабричную цивилизацию» северо-

особенностью которых было архитектурно-пространственное единство заводских и селитебных территорий. И только в XX веке такие промышленные поселения были определены исследователями как города-заводы [Алферов, 1960]. При этом почти все металлургические предприятия вместе с рудниками были объединены в горнозаводские округа в соответствии с осуществляемым производственным циклом. В некоторых случаях в пределах округа заводы могли располагаться довольно далеко друг от друга, что, как правило, зависело от транспортных особенностей, наличия рудных месторождений, а также специфики владения тем или иным предприятием. Таким образом на Урале была сознательно выстроена уникальная, крупнейшая в мире сеть горно-металлургических предприятий, в структуре которой каждый горнозаводской округ был сформирован как самостоятельное образование. Поэтому и саму окружную систему горнозаводской промышленности Урала наряду с отдельными исторически сложившимися металлургическими предприятиями и промышленными поселениями (городами-заводами) можно отнести к значимым составляющим мировой индустриальной культуры. Это и есть тот локальный символический капитал, который определяет неповторимость уральской горнозаводской цивилизации. А материальными свидетельствами уникального процесса становления промышленного производства на Урале выступают сохранившиеся здесь до настоящего времени разнообразные памятники индустриальной культуры (корпуса заводов, производственные площадки и архитектурные промышленно-ландшафтные комплексы).

Мониторинг современного состояния исторически сложившихся металлургических предприятий на территории Свердловской области показал, что на сегодня есть 103 таких объекта индустриального наследия разной степени сохранности. Большинство из них дошли до наших дней в виде индустриальных ландшафтов и мест, сохранивших лишь историческую память о когда-то действовавшем заводе. Меньшая же часть – это полуразрушенные объекты, заброшенные исторические промышленные территории вместе с архитектурными и инженерными сооружениями. Такие свидетели индустриальной эпохи либо вытесняются современными промышленными предприятиями со своих исторических территорий, либо медленно разрушаются, поставленные на консервацию и преданные забвению. Практически в каждом уральском городе, основанном в период промышленного освоения региона, есть подобное достопримечательное место, которое хранит историческую память города-завода и представляет историко-культурную ценность как для самого населенного пункта, так и для всей горнозаводской системы промышленных городов и поселений.

Причем осознание некоторыми исследователями ценности сохранившихся в городах Урала памятников индустриальной эпохи пришло еще в середине XX века. В результате Урал стал тем уникальным регионом, в котором параллельно с общемировым движением за сохранение индустриального наследия и в какой-то степени независимо от него в 60–70-е годы XX века начинается очень похожий процесс, однако в большей степени ориентированный на выявление, изучение, паспортизацию исторических промышленных объектов/территорий, которые в то время являлись частью активно работавших предприятий. Подобные исследования с выездом в научные экспедиции по старым заводам и малым городам Урала проводились коллективом ученых-единомышленников, в том числе с привлечением студентов в рамках нового тогда, основанного Н.С. Алфёровым, научного направления «История архитектуры Урала» и действовавшей в то время комплексной научно-творческой программы «Каменный пояс» [Шипицына, 2020]. Исторический материал (обмеры, фотографии, зарисовки фасадов, чертежи зданий, описание памятников), собранный в период научных экспедиций, уже сейчас можно использовать при создании проектов реперофирования объектов индустриального наследия.

востока центральной части России. Как свидетельствуют эксперты, большое индустриальное наследие Урала постепенно осваивается городами и включается в городскую среду и идентичность. Города-заводы в поисках идентичности возвращаются к своим истокам. Но как протекает этот процесс? Укладывается ли он, например, в дилемму «снос или ревитализация»? Какие цели при этом ставятся? Происходит ли это в малых городах региона? Эксперты расходятся во мнениях. Опыт показывает, что важную роль играют сами промышленные гиганты, наравне с городами актуализирующие свое наследие. Впрочем, как выясняется, не везде на Урале господствует индустриальная идентичность, даже если ее поддерживает процветающая отрасль. Например, в Пермском крае ее дополняют поиски новых смыслов на территории актуальной культуры.

В свою очередь, равниннофабричную цивилизацию постигла иная участь. Здесь города-заводы, урбанистически и эстетически сформированные своими производствами, стали просто городами. Кризис текстильной отрасли, исчезновение или упадок предприятий оставили городам большое, но выключенное из их жизни индустриальное наследие. Поэтому попытки выстроить локальную идентичность непосредственно на его основе в основном проваливаются, что заставляет искать обходные пути освоения этого наследия – например, через акцент на уникальной конструктивистской архитектуре.

Ключевые слова: бренд города; идентичность города; горнозаводская цивилизация; равниннофабричная цивилизация; промышленная архитектура; ревитализация; конструктивизм

Цитирование: Шипицына О. А., Солонина Н. С., Бугров К. Д., Назукина М. В., Снитко А. В., Тимофеев М. Ю. (2021) Форум. Горнозаводская и равниннофабричная цивилизации России: индустриальное наследие и городская идентичность // Городские исследования и практики. Т. 6. № 1. С. 125–144. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp612021125-144>

Как начался процесс интеграции исторических промышленных территорий и объектов в городскую среду и как этот процесс происходит сегодня?

В Екатеринбурге изучение объектов промышленного наследия, построенных в первой половине XIX века преимущественно в стилистике классицизма, позволило в начале 1970-х годов в самом центре тогда еще Свердловска на месте бывшего Екатеринбургского железодельного завода построить музейно-мемориальный комплекс Исторического сквера. После такого перепрофилирования в городе появилось востребованное открытое общественное пространство, где уже многие годы регулярно проходят различные мероприятия, выставки и ярмарки. Создание Исторического сквера запустило в Екатеринбурге процесс сохранения объектов промышленного наследия и стало первым отечественным примером комплексного перепрофилирования бывшей промышленной территории в культурное пространство. Такая ревалоризация в соответствии с культурными ценностями и экономическими возможностями того времени определила первую волну перепрофилирования объектов промышленного наследия Екатеринбурга. Вторая волна началась в середине 2000-х годов в связи с изменением социально-экономических условий развития страны и вслед за примерами успешного приспособления к новой функции объектов промышленного наследия в западных странах и нашей столице. Для нее характерно разнообразие способов повторного использования таких объектов в диапазоне от уже привычных для города общественной, музейной и культурной функций до совсем новых – жилой, спортивной, образовательной и коммерческой. В рамках этой второй волны были переосмыслены и обрели вторую жизнь такие объекты промышленного наследия Екатеринбурга, как Аффинажный завод, мельницы Борчанинова – Первушина и Симанова – Макаровых, госпиталь Верх-Исетского завода, водонапорная башня на Московской горке, завод Ятеса. Ожидает своего архитектора-спасителя уникальная Белая башня – конструктивистский символ одного из районов города, Уралмаша. В свою очередь, здание типографии «Уральский рабочий», известное сейчас под названием «Дом печати», разобрано на кусочки множеством арендаторов, каждый из которых привносит свои коррективы в образ этого значимого памятника конструктивизма. Несомненно, промышленное наследие определяет образные характеристики исторического промышленного города. Наличие уникального образа и смыслов делает город интересным для жителей и гостей, привлекательным для инвесторов и девелоперов. Возросший интерес к идентичности исторических мест позволяет сделать переоценку стоимости земли в сторону увеличения. Эта, казалось бы, сугубо материальная выгода мотивирует городские власти и крупных застройщиков развивать именно такие исторические промышленные территории, где сохранились памятники промышленной эпохи. Однако вместе с этим жители получают новые комфортные городские пространства в исторической среде, в той или иной форме сохраняющие историческую память.

До сих пор в сознании многих горожан слово «индустриальность» неразрывно связано со своеобразием городов Урала. Исторически сложившиеся промышленные комплексы Екатеринбурга определяют индустриальную идентичность города и являются своеобразным потенциальным резервом для дальнейшего развития городского пространства за счет интегрирования этих территорий. Исследование, проведенное магистрантами и преподавателями кафедры теории архитектуры и профессиональных коммуникаций в ноябре 2020 года в рамках молодежного форума «Наследие», подтвердило, что в формировании градостроительной структуры и архитектурного образа Екатеринбурга-Свердловска активно участвовали комплексы исторических промышленных предприятий с прилегающими к ним поселениями. Поэтому для изучения были выбраны три индустриальных комплекса, которые

когда-то являлись центрами отдельных промышленных поселений: Екатеринбургской крепости, Верх-Исетского города-завода и Соцгорода Уралмашзавода. В связи с территориальным развитием Свердловска в XX веке в его структуру были постепенно включены прилегающие поселения. В настоящее время это единая градостроительная система с интегрированными в нее структурами отдельных промышленных поселений, каждое из которых имеет свое «место памяти» – историческое промышленное ядро, с которого все начиналось. Соединив на современной карте Екатеринбурга три «пятна» этих исторических предприятий, можно получить треугольник, который фактически является *индустриальным каркасом города*. В этом каркасе территории Екатеринбургского завода, Верх-Исетского завода и Уралмашзавода являются ключевыми элементами, которые отражают эволюцию развития промышленной архитектуры Урала. В будущем в этот каркас могут быть встроены и другие объекты индустриального наследия, находящиеся в современном Екатеринбурге и его ближайших окрестностях. Перспективы использования такой модели связаны не только с формированием туристических маршрутов, но и с необходимостью сохранения существующего индустриального каркаса и дальнейшего развития городских территорий с учетом его специфики и историко-архитектурной и культурной значимости.

А как работают с индустриальным наследием в других городах Урала?

Если ситуация с индустриальным наследием Екатеринбурга в последние годы стала более или менее проявляться, а многочисленные строительно-реконструкционные процессы, запущенные в городе, отражают характер продолжающейся второй волны перепрофилирования, то меры по сохранению и актуализации объектов наследия в малых городах Урала до сих пор не определены. Единичные сохраненные и интегрированные в пространство поселений памятники промышленности Урала, такие как музейный комплекс «Северская домна», Невьянская башня или Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал», пока не составляют какую-либо тенденцию в области работы с объектами индустриального наследия. Вновь создаваемые проекты также не меняют ситуацию. Например, в Сысерти планируется полностью преобразить территорию завода, дать новую жизнь историческим корпусам, сделать современное благоустройство, обновить инженерные сети для удобства размещения бизнес-кластера, а также организовать общественные креативные пространства, которые смогут удовлетворить потребности местных жителей и гостей города. К реализации проекта по реконструкции исторического центра города Сысерти активно подключаются местные жители со своими идеями и проектами, что, конечно, подчеркивает значимость проводимых реконструкционных мероприятий. О других подобных проектах, разработанных для малых городов Урала, пока неизвестно.

Однако сегодня уже недостаточно просто сохранять или приспособлять объекты индустриального наследия по отдельности в разных малых городах Урала. Необходимо стремиться к комплексному освоению региональных исторических промышленных территорий. Это будет третья волна сохранения и перепрофилирования памятников индустриальной культуры, которая выйдет на общерегиональный уровень, когда важно не только приспособить конкретный объект под актуальную функцию, но и показать его взаимодействие с другими объектами и с окружающими их поселениями, действующими предприятиями и природной средой. О многоликости реальности промышленного наследия пишет французская исследовательница Г. Дорель-Ферре, упоминая мануфактуры, рабочие деревни, города-заводы, когда-то образовавшиеся в различных частях мира и сохранившиеся до наших дней. Она подчеркивает, что важно очерчивать конкретные границы, внутри

которых возможно будет восприятие существующих и еще не раскрытых смыслов и комплексное сохранение многогранного наследия индустриальной эпохи от промышленных поселений в Андских Кордильерах до горнозаводской цивилизации Урала [Dorel-Ferré, 2018].

Чтобы освоить индустриальное наследие Среднего Урала и одновременно сохранить горнозаводскую окружную систему, нужно перейти к понятию *исторически сложившегося индустриального культурного центра*. Эта укрупненная единица горнозаводской системы поселений на Урале определяется как особый кластер, в котором вокруг наиболее сохранившегося объекта индустриального наследия и крупных транспортных магистралей по принципу близости объединяются другие исторические промышленные предприятия. Всего на территории Среднего Урала было выделено девять таких центров, каждый из которых отражает конкретные особенности развития этого старопромышленного региона [Солонина, 2015]. Пример реализации подобной стратегии – Ревдинско-Первоуральский центр, обладающий линейной структурой за счет размещения группы металлургических заводов вдоль реки Чусовой и их связанности между собой технологическим циклом [Солонина, 2018].

Можно предположить, что каркас, аналогичный выявленному индустриальному каркасу Екатеринбурга, существует в каждом историческом промышленном поселении, а в совокупности все города образует некую единую архитектурно-композиционную систему, отражающую специфику организации территории горнозаводского Урала. Поэтому недостаточно просто учитывать индустриальное наследие, признавая его право на существование в процессе репрофилирования. Сейчас уже невозможно качественное развитие исторических территорий без обращения к идентичности места, к его исторической памяти, топонимике, выявлению, сохранению и преобразованию в актуальную форму его историко-культурной ценности. В этом смысле ревалоризация объектов индустриального наследия будет способствовать экономическому и культурному развитию отдельного города, а значит, и всего Уральского старопромышленного региона, поскольку это приведет к насыщению новыми разнообразными функциями исторически сложившихся промышленных территорий и сохранившихся памятников индустриальной эпохи. При этом сами объекты индустриального наследия смогут стать центрами притяжения человеческих интересов и материальных вложений, а жители старых промышленных поселений (городов-заводов) получат возможность улучшить качество своей жизни. Поэтому ответ на вопрос, поставленный в заглавии нашей реплики, может быть только утвердительным, так как лишь комплексное освоение объектов индустриального наследия в системе сложившегося горнозаводского культурного ландшафта Урала позволит жителям региона осознать и понять неповторимость той цивилизации, которая формировалась здесь на протяжении трех столетий.

К. Д. Бугров. Горнозаводская цивилизация и индустриальная гордость: промышленное наследие Урала на историческом перекрестке¹

Действительно ли судьба промышленного архитектурного наследия – быть снесенным или же быть встроенным в городскую среду, и уральская горнозаводская цивилизация в этом не исключение?

В постиндустриальной глобальной экономике старые и избыточные промышленные зоны обычно либо оказываются жертвами политики сноса с последующей коммерческой застройкой, либо, сравнительно

1. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв.».

реже, включаются в новую городскую экономику. Во втором случае эти зоны ревитализируются и сохраняются как культурные памятники для увеличения добавленной стоимости размещаемых здесь бизнесов по продаже услуг и товаров. «Снос или ревитализация» – такова основная дилемма для промышленного наследия. Однако снос снесу рознь.

В небольшом индустриальном городе Кушва к северу от Нижнего Тагила ведущим предприятием является Кушвинский завод прокатных валков (КЗПВ). Он был создан в 1739 году на богатой рудной базе горы Благодать, в начале XX века стал выпускать мартеновскую сталь и обзавелся уникальным ансамблем промышленных корпусов, выполненных в модернистском стиле [Шипицына, 2012]. Позднее начался упадок, но в 1960-е годы предприятие оздоровили: переключили его на выпуск прокатных валков, необходимых металлургическим заводам-гигантам, и выстроили новые цеха, вальцелитейный и вальцетокарный. В конце 2010-х годов КЗПВ кардинально обновил мощности. Старый вальцетокарный цех закрыли и построили новый в непосредственной близости к вальцелитейному. Для расширения действующего производства был разрушен представлявший несомненную историческую ценность старый мартеновский цех. Еще раньше, в 2008 году, был уничтожен старый доменный цех.

Этот сюжет ставит перед нами вопрос: в чем же воплощается индустриальная специфика уральского промышленного города? В старых цехах, ставших историческим наследием и в лучшем случае поддающихся музеефикации и приспособлению для культурных целей, а в худшем – отправляющихся под снос? Или же в действующем производстве, перестраивающем свои мощности ради сохранения конкурентоспособности?

Индустриализм играет ключевую роль во всех определениях Урала, однако когда-то его культурная значимость вовсе не была очевидной. Знаменитое понятие «горнозаводская цивилизация», которое в 1926 году использовал пермский краевед П. С. Богословский [Богословский, 1927, с. 35], было для этого автора аналогом цивилизации дворянских усадеб, существовавшей в западной части России (недаром специалисты по архитектуре указывают на то, что горнозаводские комплексы дореформенного Урала выдержаны в том же классическом стиле, что и усадьбы помещиков). А сам производственный процесс, «индустриальная начинка»? Литераторы и публицисты второй половины XIX – начала XX века, писавшие об Урале, обращались к теллуризму, который усиливал общее для литературы того времени отрицательное отношение к мрачному, калечащему «индустриальному аду». В советское время «пролетарская литература» кардинально сместила акценты, поставив рядового рабочего в центр внимания, а затем в конце 1930-х годов начался период интереса к фольклору (П. П. Бажов) и истории науки и техники (В. В. Данилевский). Так сложился историко-этнографический подход, в рамках которого горнозаводская цивилизация утратила свой социальный профиль и начала считаться единой культурной общностью. У этой общности есть свое пространство – город-завод с прудом в центре, заводской плотиной и площадью. Здесь есть свои традиционные занятия, трудятся мастера-кузнецы, рудознаты, камнерезы; их занятия по преимуществу теллурические [Абашев, Абашева, 2012]² и связаны с недрами земли, выкапыванием и обработкой руды и камня. Вместо дуализма народной (крестьянской) и элитной («горнозаводской», владельческой) культуры – единая культура городов-заводов. Такое понимание можно назвать этнизированным, представляющим горнозаводскую цивилизацию как квазиэтническое единство. Этнизированное понятие о горнозаводской цивилизации

2. Абашев В. В., Абашева М. П. Литература и география: Урал в геопозитике России // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. № 2. С. 143–151.

позволило кроме прочего найти удачное брендовое решение, отделив горнозаводское от промышленного, а ремесло – от труда.

Впрочем, поскольку архитектурных комплексов XVIII века на Урале фактически не сохранилось [Лотарева, 1998, с. 40], ревитализации подвергаются бывшие промышленные здания XIX – начала XX века, модернистские сооружения из красного кирпича. В Екатеринбурге этот процесс развернулся весьма интенсивно. Первым шагом стало создание в 1973 году Исторического сквера, при котором в частично сохранных промышленных цехах XIX века разместились городские музеи, а бывшая промышленная площадка была переделана в прогулочную зону с фонтанами. Наиболее интенсивно же этот процесс развернулся в последние годы. Аффинажный завод и госпиталь Верх-Исетского завода стали центрами искусства, две крупнейшие мельницы конца XIX века стали частями новых жилых комплексов, ждет ревитализации старый корпус механической фабрики Ятеса, вокруг которого строится жилой комплекс. В Сысерти, расположенной близ Екатеринбурга, летом 2020 года началось создание креативного кластера на базе старого, давно не действующего завода первой половины XIX века. Наконец, есть немало разных проектов приспособления и сохранения оставленных промышленных корпусов [Лахтионова, 2016].

И все же специфика горнозаводской цивилизации Урала заключается не просто в наличии и культурной значимости индустриального наследия, но и в том, что главные акторы этой цивилизации, заводы, живы, воспроизводят индустриальную идентичность и по-своему распоряжаются собственным наследием

В отличие от старых и не действующих заводов, которые теперь становятся джентрифицируемой горнозаводской Атлантидой, действующие заводы остаются для горожан скучной реальностью, унаследованной от СССР. Между тем, если во второй половине XIX века промышленный труд описывался как мрачная каторга в опасных «геопоэтических» декорациях (ад, подземное узилище) и дополнялся общими безрадостными представлениями об убогости российской провинции, то в эпоху советской индустриализации эту конвенцию радикально пересмотрели, что привело к возникновению своего рода индустриальной гордости. В отличие от историко-этнической традиции эта гордость не требовала самобытности. К примеру, Уральский вагоностроительный завод, с нуля выстроенный в Нижнем Тагиле в 1930-е годы, позиционировал себя как новаторское предприятие, гордостью которого была безупречно современная («американская») схема точного производства, технологическая оснащенность и огромная запланированная производительность. Именно в таком контексте создавалась знаменитая конструктивистская застройка городов Урала, ставшая брендом Екатеринбурга (и отчасти Магнитогорска) и играющая чрезвычайно важную роль в облике многих других уральских городов. Конструктивизм часто описывают как манифестацию авангардного искусства, и в контексте индустриального развития он был символом победы над отсталостью, демонстрацией технологического могущества. Характерная советская гигантомания на Урале зашкаливала: «республика химии» (Березники), «отец заводов» (Уралмаш), «тракторный гигант» (Челябинск), а само слово «Магнитка» стало нарицательным. Конструктивистские здания формировали визуальную сторону гигантомании.

В этой парадигме не принято было задаваться вопросом о том, как эта архитектура будет восприниматься, когда начнет стариться. А ведь уже к 1960-м годам восторгов поубавилось: современные на момент постройки корпуса устарели, в них обнаружилась масса неудобств. Промышленные гиганты теперь тяготились старыми мощностями, время от времени подвергая их безжалостной перестройке. Это разрушение, однако, не тождественно сносу с последующей застройкой жилыми или коммерческими зданиями, оно не уместается в дилемму «снос или

ревитализация». Е. Г. Трубина замечает: «Если в Европе рабочие места концентрируются в базирующихся на знаниях сервисе и промышленно-сти, а в России самые доступные вакансии – в (широко понимаемой) торговле, то получается, что “постиндустриальность” в качестве основного вектора российского урбанистического развития нужно мыслить с большим количеством оговорок» [Трубина, 2013, с. 245]. Ясно, что в Москве индустриальное наследие оказывается зажатым между стратегией ревитализации-сохранения («Винзавод» и подобные) и стратегией сноса с последующей застройкой (ЗИЛ). Аналогичный спектр возможностей, но с иными нюансами, описывают А. Пономарева и Б. Райан на примере Киева [Ponomareva, Ryan, 2020]. Однако это – мегаполисы. А как быть регионам и городам другого уровня, где при общей деиндустриализации ряд крупнейших промышленных предприятий продолжают сохранять ведущую хозяйственную роль? Слабо изученное влияние, оказываемое на культурный ландшафт крупными промышленными предприятиями, сохранившими доминирующее положение в хозяйственной системе региона, несмотря на общую деиндустриализацию, видится важнейшей среди «оговорок» отечественного урбанизма.

Значит, есть немало примеров малых городов Урала, где активно ведутся работы с индустриальным наследием и идентичностью, причем прежде всего силами самих заводов, выживших в рыночных условиях?

К примеру, корпоративная философия «белой металлургии», сформированная «Группой ЧТПЗ», стала основой для визуального преобразования индустриальных площадок входящих в эту группу Первоуральского Новотрубного и Челябинского трубопрокатного заводов. При этом остатки старых цехов 1930-х годов в Первоуральске были снесены. В 2016 году демонтировали и остатки Старотрубного завода на плотине городского пруда, на их месте было выстроено необычное здание Инновационного культурного центра. В 2019 году руководство «Группы ЧТПЗ» выдвинуло план трансформации Первоуральска в город «новой культуры», пригласив для этого группу московских специалистов и самого С. А. Капкова. Отличающаяся от первоуральской в эстетическом смысле, но сходная по своей направленности программа реализуется холдингом УГМК, консолидировавшим медную металлургию Урала.

В городе Верхняя Пышма, где находится ключевое для УГМК производство рафинированной меди (Уралэлектромедь, ранее – Пышминский медеэлектролитный завод), был построен огромный музей «Боевая слава Урала», рядом – спортивный комплекс и театр. В городе Полевском компания ТМК, консолидировавшая ряд трубопрокатных производств, реконструировала старейший уральский памятник промышленной архитектуры – Северскую домну, находящуюся на территории современного Северского трубного завода. По сходному пути пытался двинуться и Уралвагонзавод, создавший сеть фирменных магазинов «УВЗ-Shop» (один из них находился в зоне вылета екатеринбургского международного аэропорта Кольцово среди бутиков люксовой одежды) и разработавший программу «Воентур», в которую входили экскурсия в старые производственные цеха, обед в заводской столовой и знакомство с танковой продукцией завода на испытательной трассе. Правда, эта кампания была свернута из-за реорганизаций в системе управления заводом.

Но наиболее амбициозно выступил крупнейший металлургический производитель страны – Магнитогорский металлургический комбинат. Даже после краха плановой экономики Магнитка оказывала поддержку ряду важных для города культурных и досуговых проектов (драматический театр, хоккейная команда). Но эти проекты относились к индустриальному процессу весьма опосредованно, тогда как начавший реализовываться осенью 2019 года проект «Притяжение» был прямо нацелен на конвертирование промышленной гордости Магнитки в коммерческий

продукт. В состав «Притяжения» должны войти музейный комплекс «Живая сталь», образовательные центры, выставочный комплекс, детский игровой парк и ряд общественных пространств; первые объекты планировалось сдать уже в 2022 году, хотя пандемия коронавирусной инфекции, скорее всего, сдвинет сроки. Возможно, сохраняющаяся благодаря присутствию этих и других тяжеловесов индустриальная гордость имеет потенциал способствовать развитию новых, пока еще нехарактерных для Урала комплексов современной культуры и «умной» индустрии, драйверов реиндустриализации [Мальцев, Мерсиер-Суисса, 2017; Шипицына, Солонина, 2018]. К примеру, именно партнерство с крупнейшими промышленными предприятиями – такими, как «Магнетит» из Сатки, Уральский оптико-механический завод и рядом других – стало залогом успеха такого крупного культурного проекта, как Уральская индустриальная биеннале. Отдельный вопрос – место растущей IT-индустрии и компьютерных компаний в этой картине.

Таким образом, уральская индустриальная идентичность сегодня бытует в двух формах: историко-этнографической горнозаводской цивилизации и историко-технологической индустриальной гордости. Возможно, специфика региона кроется вовсе не в горнозаводской культурно-исторической «матрице», а в том факте, что металлургическая и металлообрабатывающая промышленность региона сумела занять прочную нишу в глобальной экономике XXI века и, следовательно, сеть опорных предприятий-гигантов, генерирующих индустриальную гордость, сохранилась и неплохо себя чувствует в постиндустриальных условиях. Конечно, большая часть охарактеризованных выше проектов реализуется в Екатеринбурге или его городах-спутниках: индустриальные гиганты охотно опираются на постиндустриальный спрос крупного города и, в свою очередь, укрепляют этот спрос.

Как бы то ни было, вопрос о том, как оценивать индустриальный опыт и индустриальную гордость, не поддающуюся легкой и быстрой этнизации, в ближайшее время станет для уральской повестки дня ключевым: в Екатеринбурге процесс реновации уже добрался до старого жилого района Уралмашзавода, прославленного заповедника конструктивизма, и в ближайшее время коснется и промышленной зоны бывшего «отца заводов». Реновация Уралмаша будет с неизбежностью протекать в рамках дилеммы «снос или ревитализация», поскольку командных позиций завод в уральской экономике больше не занимает. Вместе с тем, как мы видели, ревитализация обычно предполагает историко-этническую идентификацию наследия горнозаводской цивилизации, которой конструктивистский, советский Уралмаш поддается плохо. А снос завода и его жилого района будут означать исчезновение колоссального пласта истории региона. Последствия такой утраты предсказать трудно, но они, скорее всего, будут фатальными для любого проекта развития с опорой на «умную» индустрию. Что же будет с Уралмашем? Этот вопрос должен выдвинуться в число наиболее важных для всего региона; для других городов его решение, скорее всего, станет прецедентом.

М. В. Назукина. По ту сторону уральской горнозаводской цивилизации: Пермский край между индустриальным наследием и новыми культурными смыслами

Пермский край исторически принадлежит уральской горнозаводской цивилизации, здесь тоже сильно индустриальное наследие.

Продолжает ли оно определять идентичность края, ведь в последние годы в этой роли у него появился серьезный конкурент – актуальная культура?

Современный научный дискурс и практическая деятельность в области управления символическим капиталом территории находятся под влиянием представления о безусловной значимости культурного на-

следия места. Эта значимость задается не только культурным достоянием (ценностью), но и возможностью получения социально-экономических эффектов от его использования, то есть ресурсностью места. Пермский край занимает довольно интересное место на карте регионов, использующих социокультурные ресурсы. С ним ассоциируются яркие имиджевые проекты в этой сфере, связанные в первую очередь с «Пермским культурным проектом» и успехами в позиционировании местного культурного кластера через имя дирижера Теодора Курентзиса. Как видно, образ Пермского края сегодня определяется не его промышленной спецификой и традиционной индустриальностью.

И все же специфику территории как раз невозможно представить без объективных экономических особенностей, связывающих Пермский край с Уралом. Поэтому если мы обратим внимание на символическую принадлежность региона к уральскому дискурсу с его мифологией и ценностью труда, то увидим, что набор символических атрибутов, основанных на общеуральском мифе, устойчиво воспроизводится, а в ряде случаев становится основой для брендинга многих городов региона. Поэтому роль и место промышленного потенциала и наследия очень значимы для той части края, которая попадает в границы «горнозаводской цивилизации» или имеет ярко выраженную промышленную специфику.

В рамках своего проекта³ в ПФИЦ УрО РАН мы в том числе исследовали и влияние заводского производства на ценности и идентичность горожан. В частности, мы анализировали блок, посвященный социокультурным характеристикам промышленных городов Пермского края, в том числе наиболее важные черты политико-символического пространства городов: содержание основных символов города (герб, флаг и гимн), смыслы и идеологемы, отраженные в городских слоганах, брендах, местных ритуалах (городских праздниках), названиях социальной и коммерческой инфраструктуры и др.

Собранные данные показали, что в промышленных городах Пермского края социокультурные практики в городских пространствах структурируются событиями вокруг Дня города, который часто совпадает с производственными праздниками (например, День металлурга или машиностроителя). Точкой притяжения городской жизни становится Дворец металлургов, местная пресса отражает производственный маркер, активно используя слово «рабочий» (чусовской, соликамский, березниковский и пр.), и т. д.

Если приводить конкретные яркие примеры, то города северной и восточной части Пермского региона по-прежнему во многом хранят и транслируют именно смыслы горнозаводской идентичности. К примеру, появление города Лысьвы, известной своими производственными брендами (плиты, посуда, текстиль), связано с возведением чугунолитейного завода в 1785 году. Развитие города предопределяла идентичность города-завода, что повлияло на архитектуру города и состав населения. Не случайно в календаре значимых для города дат – День металлурга и День машиностроителя. А в День города по традиции вручаются грамоты и награды выдающимся металлургам. Однако в 1990-е годы с исчезновением доминирующей роли промышленности Лысьва оказалась в смысловом вакууме. Для позиционирования города большое значение оказала победа в конкурсе «Центр культуры Пермского края» в 2009 году. Основу проекта составили традиционные уральские символы завода. К примеру, на производственной площадке Лысьвенского металлургического завода создана экскурсионная программа, в городском музее открылась выставка, рассказывающая об уральских городах-заводах – территориях, объединенных именем

3. Проект программы фундаментальных исследований УрО РАН в 2019–2020 годах «Политическое пространство промышленных городов Урала: институты, идентичности, практики».

рода графов Шуваловых. Эти производственные смыслы дополнило развитие бренда каски: здесь создали первый в России Музей каски (Лысьвенский металлургический завод был единственным производителем солдатской каски в годы Великой Отечественной войны). Через музеефикацию и городские фестивали здесь поддерживается важность индустриальной специфики города.

Брендинг – это перспективное поле реализации социокультурной специфики. Как считал географ и урбанист Д. В. Визгалов, брендинг должен выражать идентичность территории в ее имидже. Например, экономическая специфика крупнейших промышленных городов края, Соликамска и Березников, определяет особенности их позиционирования и локальной идентичности. В Березниках локальный дискурс строится вокруг звания «столицы химии края». Позиционирование же Соликамска связано с конкретным символом – солью. Ее выбрали как основную линию локального брендинга, чтобы соединить экономику и историю края в общую формулу городской уникальности. Солевой имидж воплощен, например, в Фестивале соли, музее-заповеднике «Сользавод» (Музей истории соли). Важным этапом реализации проекта стало создание «символа города – знака соли». Завершить процесс должна официальная регистрация бренда. А в 2020 году администрация Соликамского городского округа организовала аукцион на услугу по государственной регистрации товарного знака «Соликамск – соляная столица России». Зарегистрировать этот бренд планируют не позднее 15 декабря 2021 года.

Таким образом, города Пермского края как части горнозаводской системы вполне логично и успешно интерпретируют свою локальную идентичность в рамках уральской матрицы. Символы производства и недропользования определяют визуальный символический ряд этих городов, а на уровне локальной культурной политики складываются особые идентитарные практики, порождающие такие феномены, как, например, «моногородская идентичность» в муниципалитетах с градообразующим предприятием.

Однако и в столице региона – Перми – уральский индустриальный нарратив тоже востребован. Одним из последних громких проектов в рамках индустриальной тематики стало создание социокультурного пространства «Завод Шпагина» как площадки для организации культурных мероприятий. Это известный паровозоремонтный завод имени А. А. Шпагина, выкупленный регионом у ОАО «Пермский мотовозоремонтный завод «Ремпутмаш» в 2017 году. Название «Завод Шпагина» было оставлено ради «сохранения духа и стиля старейшего завода на территории Пермского края». Этот проект хорошо иллюстрирует политическую заинтересованность в рационализации культурной политики, поскольку инициировал и продвигал его лично М. Г. Решетников, в то время губернатор края, а ныне министр экономического развития России. Власти запланировали преобразовать территорию завода, превратив ее в культурно-музейное пространство, и сохранить при этом историческую ценность места и цехов. Перспективность проекта была связана с тем, что, с одной стороны, у завода есть конкурентное преимущество – расположение в центре города на берегу реки Камы, а другой – в Перми не было прецедентов создания такого места. Первый опыт новаторства и ревитализации промышленной территории дополнялся стратегией вписывания этого пространства в контекст города. Эксперты рассматривали площадку на заводе имени А. А. Шпагина как центр инноваций в области городских технологий. Новый губернатор Д. Н. Махонин не только не свернул этот проект, но и рассматривает его как одну из точек преобразования города накануне празднования его 300-летия, которое пройдет в 2023 году. Сегодня этот старейший завод превращается в культурно-рекреационное пространство, площадку для интересных событий и место притяжения креативного класса. В перспективе здесь возможно создание творческих лабор-

раторий, зон для кинопросмотра, школы анимации, музейного пространства, первого регионального филиала Киностудии имени М. Горького, мультимедийного центра «Союзмультпарк», сувенирных магазинов. Обсуждается даже вопрос о переносе сюда Палеонтологического музея, театра «У Моста» и Художественной галереи.

В социокультурном плане Пермь, как и любой большой город, неоднородна. Если взглядеться, то окажется, что город часто живет в разных измерениях, временах и идентичностях. Разумеется, есть в городском самосознании элементы индустриальности, для него значима принадлежность Уралу, ведь история Перми так же, как и большинства городов на Урале, начиналась с завода. Но не только с Егошихинского медеплавильного, с появлением которого связывают основание города, но и с закладки Мотовилихинского завода. Если Пермь в целом сегодня не делает акцент на своей уральской специфике, то в Мотовилихе (часть Мотовилихинского района города, территориально связанная с заводом), которая символически начинается с улицы Уральской, промышленный вектор значим для идентичности жителей. Поэтому центр Перми и микрорайон вокруг Мотовилихинского завода производят на гостей впечатление разных городов. Если Пермь ассоциируется с губернским городом, то Мотовилиха – с рабочим. Неслучайно в 1905 году в Первую русскую революцию она прославилась вооруженным восстанием рабочих. Сегодня здесь сохранен исторический, типичный для уральских городов-заводов каменный центр района – улица 1905 года, на которой находится Дом-музей изобретателя Николая Славянова и Музей истории Мотовилихинского завода с образцами заводской артиллерии. Экспозиция последнего ярко показывает ценность труда и рабочей профессии. Наследием индустриализации можно считать и Рабочий поселок – микрорайон внутри Мотовилихи. Его начали строить в 1928 году как жилой комплекс для рабочих завода. Характерно, что в Мотовилихе было сосредоточено много училищ и техникумов, многие из которых уже закрыты. Однако продолжает работать Пермский политехнический колледж имени Н. Г. Славянова – своеобразная кузница кадров для Мотовилихинского завода. Сегодня Рабочий поселок активно застраивается новостройками, которые контрастируют с трех-, четырехэтажными домами на улицах с характерными названиями: Уральская, Работницы, Индустриализации, Ким, Металлистов, Свердлова и др.

Таким образом, в Пермском крае – в отличие, например, от Свердловской области – уральский нарратив, хотя он и продолжает воспроизводиться, не является фундаментом регионального социокультурного проектирования. Напротив, его основой становятся история и культура, продвигается мифология «Перми Великой», образы «Пермского периода» (доиндустриальной Перми), что вписывает регион в более широкий смысловой контекст. На локальном же уровне промышленные города края используют индустриальные маркеры для сплочения сообщества внутри и для продвижения бренда города вовне.

А. В. Снитко. Текстильные города: фабрика как социально-архитектурный каркас среды

Исторически текстильная промышленность часто служила двигателем урбанизации в центральной части России. В каких аспектах устройства городов это проявляется?

Текстильная промышленность исторически является для многих поселений северо-востока центральной части России градообразующим фактором. Ее преобладание в общей структуре производства наложило свой отпечаток на многие стороны жизни городов и поселков. Несомненно, оно оказало влияние на быт, эстетические привязанности, вкусы его жителей, на образ их жизни, демографическую ситуацию, структуру медицинского и социального обслуживания, набор

объектов соцкультбыта, особенности образования, науки, архитектурно-художественный образ городов региона.

Производственная культура является очень важной составляющей региональных и локальных культурных особенностей. Она оказывает подчас решающее влияние на мотивацию поведения людей, их образ жизни. В узком смысле под производственной культурой понимается культура, формирующаяся непосредственно на производственных (промышленных, сельскохозяйственных, строительных и т. п.) предприятиях. В наиболее же широком смысле под ней можно понимать культуру, связанную с каким-либо видом деятельности вообще (торговля, воспитание, управление, транспорт и пр.).

Под влиянием производственной культуры во многом формируется символическая маркировка городской среды. Самый наглядный пример – топонимия (названия улиц, районов и даже городов определяют зачастую характер преобладающего производства).

Преобладание в городах северо-востока центральной части России социальной группы, связанной непосредственно с основным местом приложения труда (текстильными предприятиями), обусловило и преобладание ее культуры в социокультурной среде. В течение длительного исторического периода влияние текстильного производства на социальную структуру, например, города Иванова было неодинаковым. На одном временном отрезке проблемы решались паллиативными методами, на другом – принимались более кардинальные решения.

В дореволюционный период профессии ткачей, прядильщиков и отделочников долгое время были в основном мужскими. Женщины работали больше во вспомогательных производствах и отраслях. Первая мировая, Гражданская войны и, как следствие, нехватка мужчин послужили причиной активного использования женского труда в текстильной промышленности. Развернувшееся в годы первых пятилеток строительство новых предприятий, реконструкция и расширение существующих вызвало огромный приток новых кадров в город. В основном это были женщины. За текстильной промышленностью закрепилась традиция широкого использования женского труда. Это не замедлило сказаться на общей демографической ситуации в городе. В 1930-х годах соотношение женщин и мужчин в Иванове было около 60 и 40% соответственно. За годы Великой Отечественной войны оно стало еще более асимметричным, и в конце 1940-х годов составило порядка 70 и 30%. За Ивановом прочно укоренилась слава «города невест». Эта ситуация стала отрицательно сказываться на общей численности населения города и, как следствие, количестве и качестве трудовых ресурсов. Мужчины не приезжали в город, так как не могли найти себе работу по специальности, а женщины уезжали отсюда, так как возникали трудности с созданием полноценной семьи.

Текстильная промышленность в некоторой степени повлияла и на миграционные процессы, происходящие в городе, а также вследствие этого – на его национальный состав. Тяжесть труда на текстильных предприятиях вызывала нежелание у ивановской молодежи (девушек) работать на фабриках. Поэтому, по традиции считая труд текстильщицы женским, проблему пополнения трудовых ресурсов для текстильной промышленности решали привлечением рабочей силы из других регионов страны. В частности, большие миграционные потоки были из черноземной зоны РСФСР (Орловская, Курская, Тамбовская, Тульская области), Молдавии, Татарстана. Таким образом, в Иванове сформировался многонациональный состав женского рабочего класса в текстильной отрасли.

Половозрастной дисбаланс явился также причиной того, что некоторые «мужские» профессии в городе становились «женскими». Так, например, водителями трамваев и троллейбусов в 1970-е годы были в основном женщины. Преобладание женского населения в городе обуславливало активность многих общественных институтов, связан-

ных с женщинами, руководимыми женщинами и решающих проблемы женщин. Заметное влияние на общественную жизнь города оказывают Городской союз женщин, университет женщин. Резкий рост их активности в городе пришелся на 1970–1980-е годы. И сейчас немало женщин в регионе занимают высокие ответственные посты. Хотя необходимо отметить, что число женщин в органах государственного управления, партийных и общественных организациях всегда было в городе несколько выше, чем в среднем по стране.

Огромное влияние оказала текстильная промышленность и на формирование художественного образа поселений региона. Особенно пространственной эстетики промышленных городов и поселений являлось доминирование в городской среде комплексов промышленных предприятий. Это достигалось за счет более крупного масштаба как самих зданий, так и модуля членения их форм, а также своеобразным силуэтом, который формировался трубами, водонапорными башнями и технологическими блоками. В середине XIX века это смотрелось как зачатки индустриального города – города новой эпохи.

Сравнительно большие размеры возникающих предприятий начинают активно влиять на планировочную и композиционную структуру города. На них падает большая роль в формировании значительных участков и узлов. Так, например, ансамбль одной из центральных площадей Иванова, площади Пушкина, формируется корпусами Большой Ивановской мануфактуры, в Раменском площадь обрамляется корпусами Раменской мануфактуры, а центральная улица Орехово-Зуева проходит между производственными корпусами текстильного предприятия, «прокалывая» его территорию. В Юже фабрика не только формирует пространство главной площади поселения: ее водонапорная башня замыкает перспективу главной улицы и является главной доминантой в силуэте застройки.

Огромные корпуса фабрик мощным гребнем вырастали по берегам рек и водоемов, придавая поселениям своеобразный колорит. В абсолютном большинстве случаев исторические промышленные предприятия в городах северо-востока центральной части России располагаются на берегах водоемов (рек и искусственных прудов). На низких и плоских берегах промышленный комплекс обычно занимал главенствующее положение в пространственной композиции поселения (Родники, Орехово-Зуево, Раменское, Собинка, Вичуга и др.). На территориях, имеющих значительный перепад высот между поймой реки и основными городскими территориями, промышленный комплекс, располагавшийся на берегу, принимал участие в формировании набережной, а пространство и силуэт застройки, располагавшейся на высоких отметках преимущественно формировались комплексами и доминантами гражданского характера (Кинешма, Иваново, Фурманов, Тейково и др.). Фабричные корпуса, располагавшиеся на нижних уровнях рельефа – непосредственно на берегу реки – противостояли возвышавшимся на высотных отметках ансамблям храмовых комплексов и монастырей, крупных общественных зданий.

Промышленное зодчество оказало огромное влияние и на архитектуру гражданских зданий – жилых домов, больниц, учебных зданий, магазинов. В середине XIX века в архитектуре фабричных зданий, основанной на металло-кирпичной конструктивной системе, сформировались новые художественные традиции со своими закономерностями организации пространства и обусловленными материалом внешними художественными формами (без штукатурки стен, колонн, пилястр и архитектурных деталей). Эти художественные традиции распространились и на объекты социальной инфраструктуры предприятий: многие общественные и жилые здания возводятся в традициях краснокирпичного строительства.

Композиционные и/или архитектурно-художественные приемы архитектуры гражданских зданий исторической промышленно-селитеб-

ной застройки формировались под сильным влиянием традиций промышленного строительства. Происходило:

- 1) заимствование архитектурно-композиционных закономерностей;
- 2) освоение тектоники промышленного строительства;
- 3) заимствование стилистических особенностей и декоративно-пластических приемов промышленного зодчества;
- 4) художественное освоение характерных для промышленного строительства материалов (красный кирпич, металл).

Влияние стилистических приемов промышленного строительства на архитектуру гражданских зданий позволило уже после революции 1917 года сформировать особую иваново-вознесенскую «архитектурную школу». В эти годы в городе строится немало жилых зданий в духе революционного романтизма, конструктивизма, а позднее и сталинского классицизма, при этом в формировании их специфического архитектурного облика использовался красный кирпич. Один из авторов «Свода памятников архитектуры и монументального искусства Ивановской области» Е. А. Шорбан отмечает, что в Иваново-Вознесенске

стал складываться уже совершенно новый язык оригинального «краснокирпичного» конструктивизма, характерного для местной жилой архитектуры, в которой соединились влияния авангарда и традиции промышленного строительства. Это выразилось в подчеркнутой монументальности объемов и аскетизме фасадов с широкими плоскостями краснокирпичных, реже оштукатуренных, стен, отмеченных четким ритмом крупных оконных проемов. Индивидуальность построек достигалась немногими композиционными приемами – варьированием высоты секций, применением угловых башен, балконов и эркеров, использованием сплошного остекления в первых этажах и т. д.

Промышленное зодчество, повлияв на гражданскую архитектуру северо-востока центральной части России, сыграло важнейшую роль в формировании специфического образа его исторических промышленных поселений. Текстильная промышленность, таким образом, стала основой не только новой, урбанистической системы расселения и перерождения многих сел в города, но и основой художественного образа его поселений. Их образ во многом формируется на основе соседства крупных по архитектурному масштабу краснокирпичных фабричных комплексов и комплексов с мелкомасштабной малоэтажной регулярной застройкой, по пространственным характеристикам близкой сельскому типу застройки.

М. Ю. Тимофеев. Равниннофабричная цивилизация: непростая судьба индустриального наследия текстильной промышленности

Как показал А. В. Снитко, промышленные пространства определяли облик, архитектуру и структуру текстильных городов равниннофабричной цивилизации. А какой исторически была их идентичность?

В междуречье Волги и Клязьмы от Серпухова и Твери до Вязников и Юрьевца с начала XVIII века формировалась особая текстильная цивилизация, сопоставимая по своему масштабу и специфичности с горнозаводской цивилизацией Урала. Иваново-Кинешемский промышленный район, возникший к концу XIX века на севере Владимирской и юге Костромской губерний был важной частью *равниннофабричной цивилизации*, а после создания в 1918 году Иваново-Вознесенской губернии и особенно в период существования Ивановской промышленной области, включавшей современные Ивановскую, Владимирскую, Ко-

стромскую, Ярославскую и часть Нижегородской областей, стал позиционироваться как текстильный цех страны. После расформирования промышленной области узкая текстильная специализация региона стала еще более отчетливой. Именно на основе текстильного производства формировалась местная идентичность. Ее корни изначально были неразрывно связаны со старообрядческим предпринимательством, поскольку большую часть крестьянских мануфактур основывали приверженцы старой веры. К началу XX века старообрядческое самосознание было уже не актуально, большинство перешло в единоверие, но в малых городах области и по сей день вспоминают социально ответственную политику фабрикантов, имевших старообрядческие корни – Балиных, Красильщиковых и Коноваловых.

Высокая концентрация пролетариата в текстильных центрах обширного фабричного региона привела к тому, что массовые выступления рабочих повлияли на формирование классовой солидарности в некоторых его поселениях. Первая масштабная забастовка прошла в 1885 году в селе Никольском на фабрике Морозова, однако в истории революционных событий ее затмила 72-дневная иваново-вознесенская стачка 1905 года, в ходе которой был создан городской Совет рабочих депутатов, долгое время считавшийся первым в России. Последним массовым всплеском протестной активности стали жестоко подавленные выступления текстильщиков Вичуги, Тейкова и ряда других городов в 1932 году. В послевоенное время нехватка рабочих рук в промышленности региона привела к привлечению на фабрики девушек из разных регионов страны и даже из-за рубежа, в частности из Вьетнама. Эти процессы привели к неукорененности значительного количества жителей текстильных городов региона. Внутренней миграции способствовала работа местных вузов, выпускавших специалистов для всего Советского Союза.

Степень вовлеченности жителей современных городов региона в текстильную историю края требует изучения. Пассионарная активность местных жителей по-прежнему достаточно высока, однако крах текстильной промышленности на рубеже 1990–2000-х годов, несомненно, по-прежнему переживается многими жителями как сильная психологическая травма.

Изменения в экономической жизни региона привели к закрытию большого количества текстильных производств, на базе некоторых из них появились текстильные ярмарки, привлекающие жителей соседних регионов – от Вологды до Подмосковья. В социальной сети «Одноклассники» посты об истории текстильных предприятий сопровождаются многочисленными комментариями, подтверждающими наличие неприятия представителями старшего поколения развала текстильного производства в больших и малых городах Ивановской, Владимирской и Московской областей. По оценке РБК, на 2014 год Ивановская область потеряла 75% промышленности и 18% населения городов⁴.

Может ли индустриальное наследие текстильной отрасли в условиях такого ее краха снова стать основой идентичности городов и региона? Работают ли здесь с этим наследием?

После развала СССР статус «родины первого Совета» стал восприниматься местным руководством негативно. Лишь в годы правления «красного губернатора» В. И. Тихонова была предпринята неудачная попытка реанимировать этот эпизод местной истории. На рубеже 1990-х и 2000-х годов Ивановский областной художественный музей предпринял первую попытку культурной ревизии местного символического капитала. Были созданы выставочные проекты «Русский Манчестер: текстиль в контекстах» (1998), «Героини» (2000), «Девушка моей мечты»

4. Исследование РБК: как вымирают российские города, 22.01.2015 // РБК. <https://www.rbc.ru/society/22/01/2015/54c0fc9a7947a8f1dc4a7f>.

(2002), «Коммуна» (2008). Были организованы экскурсионные маршруты «Город-фабрика. Индустриальная утопия» и «Революционные мифы». В Ивановском государственном историко-краеведческом музее имени Д. Г. Бурылина и его филиалах – Музее ивановского ситца, Музее первого Совета и в Доме-музее семьи Бубновых – были проведены выставки «Ударком» (2009), «100% Иваново. Агитационный текстиль 1920–1930-х годов» (2010), «Советский Палех» (2014) и «Время, вперед!» (2015), создана экспозиция «Коммунизм+коммуна=коммуналка» (2015). Выставка «100% Иваново. Агитационные ткани и эскизы текстильных рисунков 1920–1930-х годов из собрания Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д. Г. Бурылина», показанная в Иваново, Москве и Пермском крае, получили массу прекрасных рецензий.

Перманентный кризис экономики моноотраслевой Ивановской области привел, в частности, к тому, что, по данным социологических исследований [Меньшикова, 2007], большой процент молодежи планирует после получения образования жить за ее пределами, предпочитая не только столичные Москву и Петербург, но и соседние Ярославль и Нижний Новгород.

Все вышеперечисленное привело к тому, что экономические и символические ресурсы, задействованные в формировании местной идентичности, уже не работают. Текстильная история практически не конвертируется в символический капитал. В крупных городах (Иваново, Кинешма, Вичуга, Шуя, Фурманов) и в ряде небольших городов и поселков (Южа, Юрьевец, Приволжск, Писцово) значительная часть текстильных производств ликвидирована, а многие старые фабричные корпуса разрушены или пребывают в запустении. Правда, несмотря на упадок текстильного производства в целом, в области продолжают работать достаточно крупные предприятия, нашедшие свою нишу на рынке. Они расположены в Тейкове, Родниках, Наволоках.

Брендинг Иваново как центра моды идет не настолько эффективно, чтобы стать важным фактором для выхода из кризиса. Нематериальные активы, заявленные в стратегии развития города с 2010 по 2020 год, были рассмотрены без какой-либо системности и не могли выступить в качестве основы стратегии развития города.

Ставка на оживление культурной жизни долгое время была лишена стратегической направленности, что характерно, впрочем, не только для Иваново и области. В регионе регулярно проводились фестивали «Текстильный салон» и «Льняная палитра». С 2011 по 2015 год в Иваново трижды проводился международный семинар «Проект Манчестер: прошлое, настоящее и будущее индустриального города», совмещенный в 2015 году с городским фестивалем «Легкая индустриальная неделя». Однако городские и областные власти не заинтересовались развитием этого проекта. После смены руководства сначала города, а потом и области произошли некоторые перемены. В 2017 году был выпущен путеводитель «Иваново. Город красной зари», где были по-новому расставлены акценты символического капитала города. В 2019 году он стал лауреатом конкурса путеводителей, туристских карт и smart-приложений по России «MAP.GUIDE SMART&GO TO RUSSIA» на XIV Международной туристической выставке «Интурмаркет – 2019»⁵. Неожиданно нашел поддержку правительства области проект маркировки туристического маршрута «Красная нить», знакомящий с архитектурой 1920–1930-х годов, и в 2018 году в Иваново было установлено восемь стендов, рассказывающих о более чем 20 из почти сотни объектов, построенных в ту эпоху, также был создан сайт⁶. Таким образом, город

5. «Неформальный путеводитель» по Иванову стал лауреатом международного конкурса, 11.03.2019 // Ivanovo News. <https://www.ivanovonews.ru/news/946211/>.

6. Туристический маршрут «Красная нить. Иваново-Вознесенск», 15.10.2018 // Иваново. рф. <https://иваново.рф/o-gorode/proekty/turisticheskij-marshrut-krasnaya-nit-ivanovo-voznensensk/>.

начали активно позиционировать как место с богатым наследием раннесоветской архитектуры, он встал в один ряд с такими провинциальными центрами конструктивизма, как Екатеринбург, Новосибирск, Самара.

В 2018 году успешно прошел созданный для продвижения авангардно-текстильного бренда города фестиваль современного искусства «Первая фабрика авангарда». К 2020 году существенно изменилось руководство фестиваля, и изначально разработанная концепция по позиционированию города реализуется не в полной мере.

С начала 2000-х годов ряд бизнес-структур занимались реновацией фабричных пространств в центре города, перепрофилируя их под торгово-развлекательные центры. Так появился офисно-торговый «Дербенев-центр», а во второй половине 2010-х годов – «НИМ-лофт». Эти площадки в последние пять лет неоднократно использовались для проведения разного рода общегородских культурных мероприятий. В начале 2020 года была проведена стратегическая сессия по ревитализации бывших Большой ивановской мануфактуры (БИМ) и фабрики Д. Г. Бурылина с прилегающими к реке Уводи территориями. Было принято предварительное решение о размещении на обширных пространствах БИМ культурных, образовательных, развлекательных и бизнес-институций, а на фабрике, принадлежавшей некогда основателю местного музея промышленности и искусства, организовать музей текстильной промышленности.

Полифакторность региональной и локальной идентичности осложняет комплексную системную работу по включению текстильного и советского наследия в бренды города Иванова и Ивановской области. Необходимость комплексной работы с многообразным наследием Иваново-Кинешемского промышленного региона, как важной и системообразующей части обширной равнинно-фабричной цивилизации, назрела и требует глубокого научно-практического анализа.

Источники

- Абашев В. В., Абашева М. П. (2012) Литература и география: Урал в геопоэтике России // Вестник Пермского университета. Серия: История. № 2. С. 143–151.
- Алферов Н. С. (1960) Зодчие старого Урала. Первая половина XIX века. Свердловск: Свердловское книжное издательство.
- Богословский П. О. (1927) О постановке культурно-исторических изучений Урала // Уральское краеведение. № 1.
- Лотарева Р. М. (1998) Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Урал. архит.-худож. институт.
- Лахтионова Е. С. (2016) История изучения индустриального наследия по материалам журнала «Архитектон: известия вузов» // История науки и техники в современной системе знаний: Шестая ежегодная конференция кафедры Истории науки и техники, 8 февраля 2016. Екатеринбург: УМЦ УПИ. С. 123–129.
- Мальцев А. А., Мерсиер-Суисса К., Мордвинова А. Э. (2017) К трактовке понятия «реиндустриализация» в условиях глобализации // Экономика региона. Т. 13. № 4. С. 1044–1054.
- Меньшикова И. В. (2007) «Текстильный край»? Проблемы и перспективы развития региональной идентичности в г. Иванове // Границы. Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып. 1. Этническая ситуация в Ивановской области. Иваново. С. 115–126.
- Солонина Н. С., Шипицына О. А. (2015) Историко-архитектурный потенциал индустриального наследия Среднего Урала // Архитектон: известия вузов. № 2 (50). Режим доступа: http://archvuz.ru/2015_2/8 (дата обращения: 21.03.2021).
- Солонина Н. С., Шипицына О. А. (2018) Концепция архитектурно-презентационной актуализации Ревдинско-Первоуральского исторически сложившегося промышленного культурного центра // Архитектон: известия вузов. № 2 (62). Режим доступа: http://archvuz.ru/2018_2/14 (дата обращения: 21.03.2021).
- Трубина Е. (2013) Центр и периферия: между ростом и развитием // Логос. № 4. С. 237–266.
- Шипицына О. А. (2012) Уникальный индустриально-ландшафтный ансамбль в Кушве: история создания и концепция сохранения // Архитектон: известия вузов. № 1. С. 56–73.

Шипицына О. А. (2020) История промышленного зодчества Урала: эволюция научных исследований // История и современное мировоззрение. Т. 2. № 1. С. 67–75.

Шипицына О. А., Солонина Н. С. (2018) Исторически сложившиеся индустриальные культурные центры Урала в контексте современной реиндустриализации // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.: материалы XIII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.: в 2-х т. Екатеринбург: УрО РАН. Т. 2. С. 399–413.

Ponomaryova A., Ryan B. (2020) Will Kyiv's Soviet Industrial Districts Survive? A Study of Transformation, Preservation, and Demolition of Industrial Heritage in Ukraine's Capital // Journal of Planning History. P. 1–49.

Dorel-Ferré G. (2018) Le Patrimoine des Villages Ouvriers et des Villages-Usines, vers une Analyse Planétaire // Industrial Heritage in the 21st Century. New Challenges. Proceedings of the XVIth International TICCIN Congress 2015. CI-LAC, France. P. 108–113.

Forum. Mining and Plain-Factory Civilizations of Russia: Industrial Heritage and Urban Identity

Olga A. Shipitsyna, PhD in Architecture, Professor of the Department of Theory of Architecture and Professional Communications, Ural State University of Architecture and Arts; 23 K.Liebknacht st., Ekaterinburg, 620075, Russian Federation.

E-mail: oshipits@usaaa.ru

Nadezhda S. Solonina, PhD in Architecture, Associate Professor of the Department of Theory of Architecture and Professional Communications, Ural State University of Architecture and Arts; 23 K.Liebknacht st., Ekaterinburg, 620075, Russian Federation.

E-mail: saydan86@gmail.com

Konstantin D. Bugrov, DSc in History, Leading Research Fellow of Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor of Ural Federal University; 16 S.Kovalevskoi st., Ekaterinburg, 620108, Russian Federation

E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Maria V. Nazukina, PhD in Political Science, Research Fellow of the Department of Study of Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 13A Lenina st., Perm, 614990, Russian Federation.

E-mail: nazukina@mail.ru

Alexander V. Snitko, PhD in Architecture, Associate Professor of the Department of Architecture and Construction, Ivanovo State Polytechnic University; 21 Sheremetevskiy ave., Ivanovo, 153000, Russian Federation.

E-mail: snitko-av@mail.ru

Mikhail Y. Timofeev, DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Ivanovo State University; Head of the IBGU Scientific and Educational Center «Urban and Regional Studies»; editor-in-chief of the magazine «Labyrinth. Theory and Practice of Culture»; 5 Timiryazeva st., Ivanovo, 153025, Russian Federation, tel. +7 (903) 878–77–99

E-mail: timofeev.01@gmail.com

Abstract. Based on discussions with experts, this paper studies how the historical industrial heritage in Russian cities is treated today and what role it plays in shaping urban identity and environment. To focus the discussion, we chose two historical industrial regions

with unique and recognizable characteristics: the “mining civilization” of the Urals and the textile “plain-factory civilization” of the north-east part of central Russia.

According to the experts, the great industrial heritage of the Urals is gradually being assimilated by cities and incorporated into the urban environment and identity.

Factory cities in search of identity are returning to their origins. But how does this process work? Does it fit, for example, into the dilemma of “demolition or revitalization”? What goals are set in this case? Does this happen in small towns of the region? The experts disagree. Experience shows that an important role is played by the industrial giants themselves, who, along with the cities, use their heritage. However, industrial identity is not dominant everywhere in the Urals, even while being supported by thriving industry. For example, in the Perm region it is complemented by the search for new meanings of contemporary culture.

The fate of plain-factory civilizations is different. Factory cities, urbanistically and aesthetically shaped by their industries, became just cities. The crisis of the textile industry and the disappearance or decline of enterprises has left cities with an industrial heritage, but one which is mostly excluded from city life. Therefore, efforts to build local identity directly on this basis, are unsuccessful, which forces cities to look for workarounds to master this heritage, for example, through an emphasis on the unique constructivist architecture.

Keywords: city brand; urban identity; mining civilization; plain-factory civilization; industrial architecture; revitalization; constructivism

Citation: Shipitsyna O. A., Solonina N. S., Bugrov K. D., Nazukina M. V., Snitko A. V., Timofeev M. Y. (2021) Forum. Mining and Plain-Factory Civilizations of Russia: Industrial Heritage and Urban Identity. *Urban Studies and Practices*, vol. 6, no 1, pp. 125–144. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp612021125-144>

References

Abashev V. V., Abasheva M. P. (2012) *Literatura i geografiya: Ural v geopoetike Rossii* [Literature and Geography: the Urals in Geopoetics of Russia]. *Vestnik Permskogo uni-*

- versiteta. Seriya: Istoriya [Perm University Herald. History], no 2, pp. 143–151. (in Russian)
- Alferov N.S. (1960) *Zodchie starogo Urala. Pervaja polovina XIX veka* [Architects of the Old Urals. The First Half of the XIX Century]. Sverdlovsk: Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo [Sverdlovsk: Sverdlovsk Book Publishing House]. (in Russian)
- Bogoslovskii P.O. (1927) *O postanovke kul'turno-istoricheskikh izuchenii Urala* [On the Setting of Cultural and Historical Studies of the Urals]. *Ural'skoe kraevedenie* [Ural Regional Studies], no 1. (in Russian)
- Dorel-Ferré G. (2018) *Le Patrimoine des Villages Ouvriers et des Villes-Usines, vers une Analyse Planétaire. Industrial Heritage in the 21st Century. New Challenges. Proceedings of the XVIIth International TICCIIH Congress 2015*. CILAC, France, pp. 108–113.
- Lotareva R.M. (1998) *Goroda-zavody Rossii. XVIII–pervaya polovina XIX veka* [Cities-factories of Russia. XVIII–the First Half of the XIX Century]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta; Ural. arkh-it.-khudozh. Institute [Ekaterinburg: Ural Univerwity Publishing House; Ural Institute of Architecture and Arts]. (in Russian)
- Lakhtionova E.S. (2016) *Istoriya izucheniya industrial'nogo naslediya po materialam zhurnala «Arkhitekton: izvestiya vuzov»* [The History of the Study of Industrial Heritage Based on the Materials of the Magazine "Architecton: Izvestiya Vuzov"]. *Istoriya nauki i tekhniki v sovremennoi sisteme znani: Shestaya ezhegodnaya konferentsiya kafedry Istorii nauki i tekhniki, 8 fevralya 2016* [History of Science and Technology in the Modern System of Knowledge: The Sixth Annual Conference of the Department of History of Science and Technology, February 8, 2016]. Ekaterinburg: UMTs UPI, pp. 123–129. (in Russian)
- Mal'tsev A.A., Mersier-Suissa K., Mordvinova A.E. (2017) *K traktovke ponyatiya «reindustrializatsiya» v usloviyakh globalizatsii* [On the Interpretation of the Concept of "Reindustrialization" in the Context of Globalization]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], vol. 13, no 4, pp. 1044–1054. (in Russian)
- Men'shikova I.V. (2007) *"Tekstil'nyj kraj"? Problemy i perspektivy razvitiya regional'noj identichnosti v g. Ivanove* ["Textile Region"? Issues and Prospects for the Development of Regional Identity in Ivanovo]. *Granicy. Al'manah Centra etnicheskikh i nacional'nyh issledovanij IvGU. Vyp. 1. Etnicheskaya situaciya v Ivanovskoj oblasti* [Borders. Almanac of the Center for Ethnic and National Studies of the Ivanovo State University. Iss. 1. Ethnic Situation in the Ivanovo Region]. Ivanovo, pp. 115–126. (in Russian)
- Ponomaryova A., Ryan B. (2020) *Will Kyiv's Soviet Industrial Districts Survive? A Study of Transformation, Preservation, and Demolition of Industrial Heritage in Ukraine's Capital*. *Journal of Planning History*, pp. 1–49.
- Shipitsyna O.A. (2012) *Unikal'nyi industrial'no-landshaftnyi ansambl' v Kushve: istoriya sozdaniya i kontseptsiya sokhraneniya* [The Unique Industrial and Landscape Ensemble in Kushva: The History of Creation and the Concept of Preservation]. *Arkhitekton: izvestiya vuzov* [Architecton: Proceedings of Higher Education], no 1, pp. 56–73. (in Russian)
- Shipitsyna O.A. (2020) *Istorija promyshlennogo zodchestva Urala: jevoljucija nauchnyh issledovanij* [The History of Industrial Architecture of the Urals: The Evolution of Scientific Research]. *Istorija i sovremennoe mirovozzrenie* [History and Modern Perspectives], vol. 2, no 1, pp. 67–75. (in Russian)
- Shipitsyna O.A., Solonina N.S. (2018) *Istoricheski slozhivshiesya industrial'nye kul'turnye tsentry Urala v kontekste sovremennoi reindustrializatsii* [Historically Formed Industrial Cultural Centers of the Urals in the Context of Modern Reindustrialization]. *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya. Industrial'naya modernizatsiya Rossii v XVIII–XXI vv.: materialy XIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Ekaterinburg, 18–19 oktyabrya 2018 g.: v 2-kh t. T. 2* [Bakunin readings. Industrial Modernization of Russia in the XVIII–XXI Centuries: Proceedings of the XIII All-Russian Scientific Conference, Yekaterinburg, October 18–19, 2018: in 2 vols. Vol. 2]. Ekaterinburg: UrO RAN [Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], pp. 399–413. (in Russian)
- Solonina N.S., Shipitsyna O.A. (2015) *Istoriko-arhitekturnyj potencial industrial'nogo nasledija Srednego Urala* [Historical and Architectural Potential of the Industrial Heritage of the Middle Urals]. *Arhitekton: izvestiya vuzov* [Architecton: Proceedings of Higher Education], no 2 (50). Available at: http://archvuz.ru/2015_2/8 (accessed 21 March 2021). (in Russian)
- Solonina N.S., Shipitsyna O.A. (2018) *Koncepcija arhitekturno-presentationnoj aktualizacii revdinskopervoural'skogo istoricheskogo slozhivshegosja promyshlennogo kul'turnogo centra* [The Concept of Architectural and Presentation Actualization of the Revdinsk-Pervouralsky Historically Developed Industrial Cultural Center]. *Arhitekton: izvestiya vuzov* [Architecton: Proceedings of Higher Education], no 2 (62). Available at: http://archvuz.ru/2018_2/14 (accessed 21 March 2021). (in Russian)
- Trubina E. (2013) *Tsentr i periferiya: mezhdurastom i razvitiem* [Center and Periphery: Between Growth and Development]. *Logos*, no 4, pp. 237–266. (in Russian)